

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2(5) 2011

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0143-2

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (5) 2011

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief

Anna Dybo

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaja

Editorial Board

Galina Blagova, Valentin Gusev, Polina Dambueva, Ariadna Kuznecova, Oleg Mudrak, Sergey Myznikov, Irina Nikolaeva (Great Britain),
Fanuza Nurieva, Grigoriy Pyurbuev, Martine Robbeets (Belgium/Germany), Irina Selyutina, Roza Tadinova, Zarema Ekba

Advisory Board

Vladimir Alpatov, Alexandr Anikin, Rinat Ahmet'yanov, Marianne Bakró-Nagy (Hungary), Václav Blažek (Czech Republic),
Nikolay Egorov, Marcel Erdal (Germany), Talmas Garipov, Firdaus Hisamitdinova, László Honti (Hungary), Igor Kormushin,
Igor Kyzlasov, Johanna Laakso (Austria), Kenesbay Musaev, Dmitriy Nasilov, Irina Nevskaya (Germany), Timothy Riese (Austria),
Klaus Schönig (Germany), Natalia Shirobokova, Elena Skribnik (Germany), Piotr Slepcev, Marek Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2011

Co-published with:

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0143-2

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (5) 2011

Основан в 2009 г.
Выходит два раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Редакционная коллегия

Г. Ф. Благова, В. Ю. Гусев, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия/Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Эмба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2011

Совместно с

CONTENTS

No 2 (5) 2011

Maria Amelina. Accent characteristics of underived nouns in Tundra Nenets (the Yamal and Canin dialects)	7
Natalia Dubrovskaya. Features of semantic derivation of some somatic terms in the Selkup dialects	39
Rimma Muratova. Ethnocultural symbolics of numbers in the Bashkir language	53
Maria Smolina. De-identifying (constituent) nominal negation in the Urum language	71
Simon Sheshenin. About some features of vocalism of the Chumilkup dialect of Selkup: an acoustic study.....	76
Natalia Shibasova. About antiquity of coordinational compounding in the Finno-Ugric languages	89

ETYMOLOGICAL NOTES

Kirill Reshetnikov. New etymologies for Balto-Finnic words	109
---	-----

PERSONALIA

On the anniversary of Elvira A. Grunina	113
On the anniversary of Kenesbay M. Musaev	123
Denis Sinor	127
The printing editions presented in a gift to the editors of "Ural-Altai Studies"	129
Style sheet.....	136
How to subscribe	139

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (5) 2011

М. К. Амелина. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка.....	7
Н. В. Дубровская. Особенности семантической деривации некоторых соматических терминов в диалектах селькупского языка.....	39
Р. Т. Муратова. Этнокультурная символика чисел в башкирском языке	53
М. Ю. Смолина. Дезидентификационное именное отрицание в урумском языке.....	71
С. Е. Шешенин. О некоторых особенностях вокализма говора обских чумылькупов селькупского языка в экспериментально-фонетическом освещении.....	76
Н. Л. Шибасова. К вопросу о древности парного словообразования в финно-угорских языках.....	89

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

К. Ю. Решетников. Новые этимологии для прибалтийско-финских слов	109
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Эльвиры Александровны Груниной.....	113
К юбилею Кенесбая Мусаевича Мусаева	123
Денис Шинор	127

Печатные издания, преподнесенные в подарок редакции журнала	129
Требования к оформлению статей.....	136
Как подписаться.....	139

Акцентные характеристики непроезженных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть I. Ямальский и канинский диалекты

Ненецкий язык (прежнее название — «юрако-самоедский») относится к самодийской (северно-самодийской) ветви уральской языковой семьи. Носители ненецкого языка проживают на обширной территории (площадью около 1 млн. кв. км): от восточного побережья Белого моря (полуостров Канин Нос) на западе до нижнего течения р. Енисей (полуостров Таймыр) на востоке, от побережья Северного Ледовитого океана на севере до границы лесов на юге, а также в таежной зоне по р. Пур и некоторым притокам р. Оби. По данным Всероссийской переписи 2002 г. [Перепись 2002], численность ненцев составляет около 41 302 человек, из которых 85,5% считают ненецкий язык родным.

В ненецком языке различаются два наречия: тундровое (на котором говорят 95% ненцев) и лесное (которым владеют менее 1 000 человек). Общепризнано мнение, что диалекты тундрового наречия довольно «единообразны» [Терещенко 1956: 182—246; Janurik 1985; Salminen 1997: 14] и носители «окраинных говоров» понимают друг друга «без особых затруднений» [Терещенко 1965, 2008: 8]; однако, по нашим полевым данным [ПМА 2010; ПМА 2011], диалектное многообразие тундрового наречия широко представлено на всех языковых уровнях и не дает возможности говорить о его диалектной «монолитности».

Так, тундровое наречие ненецкого языка распадается на три основных диалектных группы: западную, центральную и восточную [Терещенко 1965, 2008: 8—11].

1) Западная диалектная группа:

1. крайнезападные диалекты — а) канинский; б) тиманский; в) колгуевский;
2. западный диалект — малоземельский.

2) Центральная диалектная группа — большеземельский говор.

3) Восточная диалектная группа:

1. восточные диалекты — а) приуральский; б) ямальский;
2. крайневосточные диалекты — а) надымский; б) тазовский; в) гыданский; г) таймырский (енисейский).

Обособленное положение лесных ненцев, населяющих таежную зону, длительное отсутствие контактов с тундровыми ненцами, постоянные контакты с носителями хантыйского языка и многие другие факторы обусловили своеобразие лесного наречия ненецкого языка (некоторые исследователи даже рассматривают его как отдельный язык). В недавнем прошлом лесное наречие распалось на три диалекта: пуровский, ляминский и нялинский [Терещенко 1965, 2008: 11; Попова 1978]; однако современная языковая ситуация не позволяет говорить о «полноценном» диалектном членении этого наречия, носителей которого с каждым годом становится все меньше.

Настоящая статья посвящена ряду вопросов, связанных с супrasegmentной фонетикой западных (на примере канинского) и восточных (на примере ямальского) диалектов тундрового наречия ненецкого языка. Основными вопросами, затрагиваемыми в этой работе, являются следующие:

- 1) каковы основные признаки и акустические характеристики ударения (просодические средства выделения одного слога в фонетическом слове) в тундровом наречии ненецкого языка;
- 2) одинаковы ли они для всех (западных и восточных) диалектов тундрового наречия;
- 3) и, если нет, то какие диалектные соответствия наблюдаются между ними?

В настоящей работе к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями двух (одного восточного и одного западного) диалектов Т ненец.:

1) полевые материалы по ямальскому (восточному) диалекту, собранные в Тамбейской тундре и с. Сё-Яха Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (апрель—сентябрь 2010 г.) — ПМА 2010;

2) полевые материалы по канинскому (крайнезападному) диалекту, собранные в с. Ома Заполярного района Ненецкого автономного округа (май—июнь 2011 г.) — ПМА 2011¹.

¹ Хотелось бы выразить огромную благодарность всем носителям этих диалектов, которые деятельно помогали мне в течение полевой работы, в первую очередь: Яунгад М. Г., Окотэтто Л. Л., Окотэтто Т. О., Лаптандер С. Я., Бобриковой А. А., Бобриковой И. Н. и Бармич З. М. Также сердечно благодарю кочующих тундровиков-оленьеводов

Полевой материал был собран при работе с носителями этих диалектов по специальной акцентологической анкете, в которую вошли не только «исконные» слова ненецкого языка, имеющие прауральскую этимологию, но и их дериваты; каждое из интересующих нас слов трижды было повторено носителями в изолированном произнесении, а также в различных контекстах (в разных грамматических формах). Собранные данные проанализированы с помощью программы-анализатора звучащей речи Praat.

В этой статье объектом исследования стали акцентные характеристики непрямых двусложных ненецких имен, которые имеют надежную прауральскую этимологию и могут восходить как к непрямым прасамодийским именам, так и к именам-дериватам, образованным с помощью продуктивных суффиксов на прасамодийском хронологическом уровне.

Так как ударение — явление супraseгментное, его изучение невозможно в отрыве от рассмотрения особенностей сегментной фонетической системы языка, в первую очередь системы вокализма. В следующей части статьи мы кратко коснемся основных особенностей прасамодийской и протоненецкой систем гласных фонем и, более подробно, системы вокализма тундрового наречия современного ненецкого языка.

I. Системы вокализма прасамодийского, протоненецкого и современного ненецкого (тундровое наречие) языков

1) Система вокализма прасамодийского языка

Прасамодийская система вокализма первого слога симметрична, она была представлена десятью гласными фонемами, попарно противопоставленными по признаку ряда (передний / непередний): $*i$ — $*j$, $*ü$ — $*u$, $*e$ — $*ɛ$, $*ö$ — $*o$, $*ä$ — $*å$, — и одной гласной фонемой среднего ряда среднего подъема $*ə$ [Janhunen 1980]. Прасамодийская система вокализма второго слога, по данным [Janhunen 1980], включала в себя всего три фонемы: $*ə$, $*ä$, $*å$.

По мнению Е. А. Хелимского, в ПС системе гласных также были представлены фонема z (« e — закрытое») и «переднерядный аналог ПС $*ə$ » — $*ə̃$ (подробнее см. [Хелимский 2000: 196—201]).

2) Система вокализма протоненецкого языка

Протоненецкая система вокализма утратила симметричность прасамодийской — противопоставление гласных по ряду перестало играть в ней решающую роль, а оппозиция по длительности стала «набирать силу». Протоненецкая система гласных была представлена девятью фонемами: пятью «нейтральными» по длительности монофтонгами ($*i$, $*u$, $*e$, $*o$, $*a$), двумя долгими монофтонгами ($*ī$, $*ū$), одним дифтонгоидом ($*æ$) и фонемой $*ə$ [Salminen 2007: 366].

3) Система вокализма тундрового наречия ненецкого языка

Вопрос о количестве гласных фонем в тундровом наречии ненецкого языка никогда не имел однозначного решения — исследователи давали на него разные ответы.

Так, Т. Салминен выделяет девять фонем в системе вокализма тундрового наречия: пять «нейтральных» по длительности монофтонгов (i , u , e , o , a), один краткий монофтонг ($ä$), один дифтонгоид $æ$ и два долгих монофтонга ($ī$, $ū$) [Salminen 1997]. По его мнению, система гласных фонем современного тундрового наречия ненецкого языка мало отличается от системы протоненецкого вокализма (ПрН $*ə >$ Т ненец. $ä$):

ПрН [Salminen 2007: 366]	→	Т ненец. [Salminen 1997]
$*i, *ī$ $*e$ $*ə$ $*æ$ $*a$		$i, ī$ e $æ$ $u, ū$ o $a, ä (ø)$

В работах Н. М. Терещенко мы находим противоречивые сведения о системе гласных тундрового наречия. В [Терещенко 1965, 2008: 864] она выделяет долгие, «среднедолгие» («нормальные»), т. е. ней-

Тамбейской тундры (полуостров Ямал), в чумах которых мне довелось провести в общей сложности восемь месяцев, — гостеприимную семью Окоэтто: Окоэтто Игоря Ханяковича (Хадри' нися), Окоэтто Артура Николаевича, Окоэтто (урожд. Яунгад) Татьяну (Артур' небя, Гена' небя), Окоэтто Хадри (Артема Игоревича) — и Вануйто Нину.

тральные по длительности, краткие и ультракраткие (следующие после гортанного смычного) гласные, а также приводит примеры слов, значения которых различаются только «степенью долготы» гласных: *ва́дä* ‘удочка’ — *вада* ‘слово’ — *ва́да* ‘он сказал’. Однако в [Терещенко 1966: 377] она выделяет только семь нейтральных по длительности гласных (*и, ы, у, э, о, э̃* (=æ в записи Т. Салминена), *а*), видимо, рассматривая краткие и долгие как варианты нейтральных фонем (их «степени долготы»), хотя и указывает, что гласные разных степеней длительности могут выполнять смысловозначительную функцию.

Таким образом, остается неясным, сколько гласных фонем Н. М. Терещенко на самом деле выделяет в Т ненец.: судя по материалам словаря [Терещенко 1965, 2008], она рассматривает *ä* и *ā* как самостоятельные фонемы, но не приводит их в таблице гласных в [Терещенко 1966: 377]; вопрос о статусе *ī* [*ī*] и *ū* [*ū*] также остается открытым.

Обобщая, можно сказать, что основное различие в системах вокализма тундрового наречия по данным Т. Салминена (А) и Н. М. Терещенко (Б) сводится к следующему: в системе А *ы* (*i, y*) отсутствует как самостоятельная фонема, т. е. является вариантом фонемы *и* (*i*); в системе Б *ы* является самостоятельной фонемой.

В системе вокализма ямальского диалекта Т ненец. (материалы по которому подробно рассматриваются в этой статье) Я. Н. Попова выделяет 19 гласных фонем: шесть долгих, шесть нейтральных по длительности («средних долгих» в терминологии Я. Н. Поповой), шесть кратких и *ə* (в записи Я. Н. Поповой — *ə*) [Попова 1966а: 48, 51; Попова 1966б: 52]. Таким образом, ее система (В) оказывается кардинально отличной от систем А и Б, выделенных Т. Салминеном и Н. М. Терещенко: квантитативное противопоставление играет в ней главенствующую роль (возможно, такая трактовка вокализма Т ненец. обязана своим появлением аналогическому переносу системы гласных Л ненец. на Т ненец.).

Система вокализма Т ямал., по данным [Попова 1966а: 48]

ряд		передний		смешанный		задний	
		огубл.	неогубл.	огубл.	неогубл.	огубл.	неогубл.
верхний	выше		<i>ī, i, ĭ</i>		<i>ṽ, v, ʋ</i>	<i>ū, u, ū</i>	
	ниже						
средний	выше				<i>ə</i>	<i>ō, o, ǒ</i>	
	ниже		<i>ē, e, ě</i>				
нижний	выше						
	ниже		<i>ā, a, ǎ</i>				

Полевые данные [ПМА 2010; ПМА 2011] позволяют нам принять систему вокализма Т. Салминена (А) для Т ямал., а из системы гласных Т канин. исключить *ī* и *ū*, которые, видимо, отсутствуют в Т канин. (вопрос о статусе *ā* в Т ямал. пока остается открытым и требует дальнейшего изучения). Кроме того, необходимо также тщательное исследование систем гласных фонем отдельных диалектов и говоров Т ненец., т. к. они могут отличаться друг от друга.

Подводя итог (опираясь, в первую очередь, на данные [Salminen 1997] и [Терещенко 1965, 1966, 2008], а также на полевые материалы последних лет [ПМА 2010; ПМА 2011] и оставляя в стороне точку зрения Я. Н. Поповой), можно сказать, что система гласных Т ненец. «недалеко отошла» от протоненецкой: в ней не получило широкого распространения то «тотальное» квантитативное противопоставление, на основе которого строится вся система вокализма лесного наречия (на рассмотрении особенностей вокализма Л ненец. мы, к сожалению, не можем подробно остановиться в рамках настоящей статьи; подробнее о Л ненец. см., например, [Вербов 1973; Sammallahti 1974; Salminen 1990; Ackerman, Salminen 2006]).

II. Основные характеристики ударения в тундровом наречии ненецкого языка

В данной работе мы рассматриваем ударение как выделение просодическими средствами одного слога в фонетическом слове, т. е. как супraseгментное выделение просодического ядра, и, оставляя в стороне вопросы, связанные с общей акцентной теорией и типологией ударения, останавливаемся только на особенностях и акустических характеристиках ударения в тундровом наречии ненецкого языка.

1) Ударение в Т ненец. рассматривалось исследователями как экспираторно-квантитативное или экспираторное (силовое) с элементами квантитативного. Указывалось также на то, что в большинстве случаев количественная характеристика гласных звуков зависит от ударения [Попова 1966б: 52]: обычно ударение падает на долгий гласный, однако, по данным Я. Н. Поповой, возможны также ударные краткие звуки [Попова 1966а: 47—48].

Безударные гласные в Т ненец. обычно произносятся с меньшей интенсивностью и длительностью, чем ударные, т. е. подвергаются количественной и качественной редукции. По данным Я. Н. Поповой, наибольшей количественной редукции в Т ямал. подвергаются гласные *a*, *e*, *i*, *o* (и все гласные во втором, третьем и других предударных и постударных слогах, а также в абсолютном конце словоформы); наименьшей — *u*, *ы* (и все гласные в первом предударном слоге) [Попова 1966а: 55; Попова 1966б: 53].

По нашим полевым данным [ПМА 2010], ударение в ямальском диалекте Т ненец. экспираторно-квантитативное: интенсивность и длительность ударного гласного, как правило, значительно превышает интенсивность и длительность безударных. Однако ударение в западных диалектах: в канинском (по данным [ПМА 2011]) и малоземельском (по данным [Staroverov 2006]) — имеет совсем иные акустические характеристики и не может считаться экспираторно-квантитативным (подробнее см. ниже, в разделах III—V).

2) Вопрос о подвижности («свободе») ненецкого ударения, о том, может ли оно падать на любой или только на определенный слог фонетического слова, а, следовательно, и о его фонологичности, способности к смыслоразличению, по-разному решался исследователями. Так, основные «полюса» представлены точками зрения (а) Я. Н. Поповой и Н. М. Терещенко, признающих подвижность и фонологичность ударения в ненецком языке; (б) Т. Салминена, отрицающего подвижность ненецкого ударения.

а) Я. Н. Попова неоднократно отмечала, что ударение в ненецком языке является подвижным (свободным) и может падать на любой слог фонетического слова [Попова 1978: 67], а его место в каждой конкретной словоформе «обязательно и не может быть изменено» [Попова 1966а: 48]. Н. М. Терещенко также разделяла эту точку зрения, считая, что ненецкое ударение непредсказуемо, т. е. приписано определенному слогу фонетического слова [Терещенко 1965, 2008: 864].

Таким образом, ударение в ненецком языке (и, в частности, в Т ненец.) признается ими фонологическим (смыслоразличительным), т. е. несущим помимо кульминативной и делимитативной функций еще и сигнификативную (в ненецком языке слова могут различаться по значению только в зависимости от места ударения): ср. *tэ́ва* ‘хвост’ — *tэ́вá* ‘дойти, достичь’, *то́да(сь)* ‘вырвать, стошнить’ — *тода́(сь)* ‘греться (у огня)’ [Терещенко 1965, 2008: 864]; *βáтá* ‘лишний, свободный; излишек’ — *βáтв(с’)* ‘быть загороженным; загораживать’ [Попова 1966а: 48; Попова 1966б: 52].

Однако, как отмечает Я. Н. Попова, говоря о фонетике Л ненец., «место основного ударения может варьироваться в двусложных словах между первым и вторым, а в многосложных — чаще всего между нечетными слогами, нередко переносится с первого на последний слог: *’ĥím:a* / *ĥ’ím:a* ‘клей’; *’šunkyt’a* / *šunkyt’a* ‘трубка’» [Попова 1978: 64], — что несколько ослабляет сигнификативность ударения. Правда, следует отметить, что ни по нашим полевым данным [ПМА 2010; ПМА 2011], ни по другим источникам это не прослеживается.

б) Высказывалась и противоположная точка зрения на подвижность ударения в ненецком языке: что оно является неподвижным (несвободным). Так, по мнению Т. Салминена [Salminen 1997; Salminen 2007: 350], место ненецкого ударения зависит от наличия в слове особой фонемы — “schwa phoneme” /^o/, которая реализуется в звучащей речи при чередовании с /ǎ/ (в записи Т. Салминена — /ø/) по правилам редукции: “one of the salient features of the schwa is that it makes the preceding syllable stressed” [Salminen 2007: 359]. Следует, однако, отметить, что первичный или вторичный характер редукции по отношению к месту ударения, как можно судить на основании типологических данных², может быть установлен только вследствие внешних соображений, что делает теорию Т. Салминена спорной.

Кроме того, Т. Салминен выделяет два типа ударения в ненецком языке, каждое из которых является несвободным: 1) “primary stress” (первичное, основное, главное ударение) — падает на начальный слог фонетического слова; 2) “secondary stress” (второстепенное, побочное ударение) — падает на неконечный нечетный слог (“non-final odd syllable”) или слог, предшествующий слогу с фонемой /^o/ (“pre-schwa syllable”) [Salminen 2007: 350].

Наши полевые данные по Т ямал. [ПМА 2010] подтверждают точку зрения Н. М. Терещенко и Я. Н. Поповой, что ненецкое ударение подвижно и может падать на любой слог фонетического слова; однако данные по Т канин. [ПМА 2011] требуют дальнейшего рассмотрения (подробнее см. ниже).

3) Ударение в Т ненец. неоднократно признавалось исследователями разноместным и морфологически обусловленным. Оно может перемещаться с одного слога на другой при словообразовании и словоизменении [Терещенко 1965, 2008: 864]: ср. *нудá* ‘рука’ NOM.SG — *нудá-р* ‘рука-твоя’ NOM.SG-PX2SG [ПМА 2010]; бз. *’βэβá* ‘плохой’ — *’βэ’βáβна* ‘плохо’ [Попова 1978: 67].

² Ср., с одной стороны, редукцию конечных звуков в заударной позиции при развитии от латыни к французскому языку; с другой стороны, сдвиг ударения в зависимости от падения / прояснения редуцированных гласных по «правилу Гавлика» в славянских языках.

Кроме того, полевой материал [ПМА 2010], собранный в ходе работы с носителями Т ямал., позволяет говорить не только о морфологической обусловленности разноместного ударения в Т ненец., но и о парадигматичности его акцентной системы, в которой предварительно можно выделить, по крайней мере, два акцентных типа или две акцентных парадигмы (об акцентных парадигмах см. подробнее [Дыбо 2000]), «приписанные» непроизводным основам:

а) подвижную (ударение перемещается с основы на словоизменительный аффикс — *nэ* NOM.SG ‘камень’, *nэхэна* LOC.-INSTR.SG, *nэхэд* ABL.SG; *n'a* NOM.SG ‘дерево’, *n'ахэд* ABL.SG [ПМА 2010: рис. 1]);

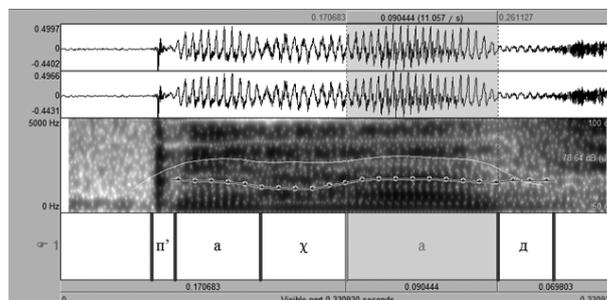

Рис. 1

б) неподвижную (ударение не перемещается с основы на словоизменительный аффикс — *m'a?* NOM.SG ‘чум’, *m'акэна* LOC.-INSTR.SG, *m'акэд* ABL.SG [ПМА 2010: рис. 2, 3]).

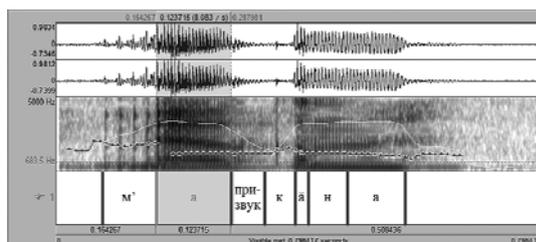

Рис. 2

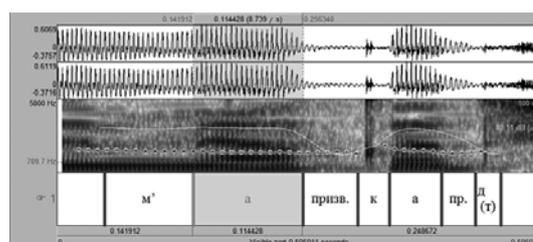

Рис. 3

Ср. также данные П. Д. Старовойта о том, что при словоизменении место ударения (повышения частоты основного тона) может смещаться на «плюсовые» суффиксы (“pitch-attracting suffixes”), если фонетическое слово “lexically unaccented”, и не может, если оно “lexically accented” [Staroverov 2006: 6—7] (подробнее см. ниже).

4) В многосложных словах Т ненец. помимо основного ударения отмечается также второстепенное (дополнительное, побочное) — обычно на третьем слоге, если основное падает на первый, — что напоминает «гармошку» просодического выделения нечетных слогов во многих других языках (например, в родственном финском и неродственном английском): бз. *ха́нэлáваханàна* ‘в нашей спальне’ [Попова 1978: 67].

Таковы основные характеристики ударения в Т ненец., которые уже кратко рассматривались в ряде работ. Однако сведения по ненецкой акцентной системе до сих пор остаются отрывочными и противоречивыми, а словаря, в котором было бы последовательно отражено ударение большинства ненецких слов, до сих пор не существует, как не существует и всеобъемлющего исследования, посвященного изучению супrasegmentной фонетики разных диалектов Т ненец. В следующем разделе мы кратко коснемся некоторых различий, лежащих в основе самой акустической природы ударения в западных (на примере канинского) и восточных (на примере ямальского) диалектах тундрового наречия.

III. Акустические характеристики ударения в ямальском и канинском диалектах тундрового наречия ненецкого языка: сопоставительная характеристика

Как уже было упомянуто выше, в литературе неоднократно высказывалось мнение о диалектной «монолитности» Т ненец., о том, что разница между западными, центральным и восточными тундровыми говорами не слишком значительна. С такой точкой зрения мы можем столкнуться в работах Н. М. Терещенко [Терещенко 1956: 182—246; Терещенко 1965, 2008: 8] и многих других отечественных и зарубежных исследователей (см., например, [Janurik 1985; Salminen 1997]).

Однако следует отметить, что фонетические различия между западными и восточными диалектами тундрового наречия все же велики, а, в частности, различия в области супraseгментной фонетики не только существенны, но, по полевым данным последних лет [Staroverov 2006; ПМА 2010; ПМА 2011], возможно, даже «набирают силу». Здесь мы рассмотрим акустические характеристики ударения в двух западных диалектах (подробно — в крайнезападном канинском [ПМА 2011], кратко — в западном мало-земельском [Staroverov 2006]) и одном восточном (ямальском [ПМА 2010]), в первую очередь уделяя внимание просодическим различиям, затрагивающим саму акцентную природу этих диалектов.

В следующей таблице приведены данные по длительности (Д1, Д2; в секундах), максимальной интенсивности (И1, И2; в децибелах) и частоте основного тона (ЧОТ1, ЧОТ2; в герцах) гласных первого (Д1, И1, ЧОТ1; перед тире) и второго (Д2, И2, ЧОТ2; после тире) слогов 80 ненецких непроезженных (а также производных на ПС уровне) двусложных имен, произнесенных носителями ямальского (далее — Я) и канинского (далее — К) диалектов и имеющих фонетические структуры *CVCV*, *CVCV(C)* и *CVCCV(C)*, где *C* обозначает любой согласный, а *V* — любой гласный звук.

Каждое из рассматриваемых слов дается в орфографической записи (с переводом на русский язык) по словарю [Терещенко 1965, 2008]; также для всех исследуемых имен приводятся праформы — реконструируемые прасамодийские слова, к которым они восходят (по словарю [Janhunen 1977] или на основе собственной реконструкции). Далее следует фонетическая транскрипция этих имен, произнесенных носителями ямальского (Я) и канинского (К) диалектов (с указанием Д, И и ЧОТ гласных первого и второго слогов). Некоторые имена не употребляются в Т канин., в таких случаях в таблице поставлен прочерк в соответствующем месте. Данные по Т ямал. приводятся по [ПМА 2010], по Т канин. — [ПМА 2011]; в последней колонке указаны инициалы информантов, в произнесении которых были записаны слова. Таблица снабжена примечаниями (под *); спектрограммы подчеркнутых слов приводятся после примечаний.

В таблице в скобках приводится длительность гласного вместе с призвуком, перед скобками (за пределами скобок) — без призвука (т. е. длительность «чистого» ядра звука). Если ЧОТ сильно меняет свои числовые показатели на протяжении произнесения гласного, приводятся данные по ЧОТ в начале и конце произнесения звука — через дефис (иногда также средняя ЧОТ — в скобках с пометой «ср.»); аналогично — с числовыми показателями интенсивности (в примерах 40К, 42К, 44К). Ударение проставлено только в словах, записанных от носителей Т ямал., так как акустическая природа канинского ударения требует дальнейшего изучения.

Все имена в таблице располагаются в следующем порядке (в зависимости от подъема гласного первого слога и от слоговой структуры самого слова):

I. слова с ударением на первом слоге (по данным Т ямал.)

1. слова с *á* в первом слоге

1.1. *á—a* (здесь и далее перед тире — гласный первого слога; после тире — второго)

1.1.а. *СáСа*

1.1.б. Т ямал. *СáССа* // Т канин. *СаСа*

1.2. *á—o* (*СáСо*)

1.3. *á—э* (*СáСэС*)

1.4. *á—ы* (*СáСы*)

1.5. *á—я* (*СáСяСС*)

1.6. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.

1.6.а. Т ямал. *á—a* (*СáСа*) // Т канин. *a—o* (der. *СаССо*)

1.6.б. Т ямал. *á—a* (*СáСа*) // Т канин. *a—э* (? der. *СаСэС*)

1.6.в. Т ямал. *á—a* (*СáССа*) // Т канин. *a—y* (*СаССy*)

1.6.г. Т ямал. *á—y* (*СáСy*) // Т канин. *a—ы* (*СаССы*)

2. слова с *ó* в первом слоге

2.1. *ó—a*

2.1.а. (*С*)*óСа*

2.1.б. *СóССаС*

2.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.

Т ямал. *ó—a* (*СóСа*) // Т канин. *o—э* (*СоС'э*)

3. слова с *é* в первом слоге

3.1. *é—a*

3.1.а. (*С*)*эСа*

3.1.б. *СэССа*

3.2. *é—o* (*СэСо*)

4. слова с *y* в первом слоге

4.1. *y—a*

- 4.1.а. *СúСа*
 4.1.б. *СúССа*
 4.2. *ý—ы* (*СúСы*)
 4.3. *ý—и* (*СúСиС*)
 5. слова с *ы́* в первом слоге
 5.1. *ы́—а* (*Сы́Са*)
 5.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.
 Т ямал. *ы́—а* (*Сы́Са*) // Т канин. *ы—и* (deg. *СыСиС*)
 6. слова с *и́* в первом слоге
 6.1. *и́—а*
 6.1.а. *Си́Са*
 6.1.б. *Си́ССа*
 6.2. *и́—и* (*Си́ССи*)
 7. слова с *и́* в первом слоге
 7.1. *и́—а* (*Си́Са*)
 7.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.
 Т ямал. *и́—о* (*Си́Со*) // Т канин. *и—и* (deg. *СиСиС*)
 8. слова с разными гласными первого слога в Т ямал. и Т канин.
 Т ямал. *э́—а* (*Сэ́Са*) // Т канин. *а—а* (*СаСа*)
 II. слова с ударением на втором слоге (по данным Т ямал.)
 1. слова с *а* в первом слоге
а—э́ (*СаССэ́С*)
 1.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.
 Т ямал. *а—э́* (*СаСэ́СС*) // Т канин. *а—а* (*СаСаСС*)
 2. слова с *э́* в первом слоге
э́—о́ (*Сэ́Сó*)
 3. слова с *о* в первом слоге
 3.1. *о—о́* (*СоСó*)
 3.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.
 Т ямал. *о—э́* (*СоСэ́*) // Т канин. *о—ы* (*СоСыС*)
 4. слова с *э* в первом слоге
 Т ямал. *э—э́* (*СэСэ́*) // Т канин. *э—а* (*СэСа*)
 5. слова с *у* в первом слоге
 5.1. *у—о́* (*СуСó*)
 5.2. *у—у́* (*СуСúС*)
 6. слова с *ы* в первом слоге
 6.1. *ы—а́* (*СыСа́*)
 6.2. *ы—э́* (*СыСэ́С*)
 7. слова с *и* в первом слоге
 7.1. *и—а́* (*СиСа́*)
 7.2. *и—и́* (*СиСи́*)
 8. слова с *я́* в первом слоге
 8.1. *я́—а́*
 8.1.а. *Ся́Са́*
 8.1.б. *Ся́ССа́*
 8.2. *я́—о́*
 8.2.а. *Ся́Сó*
 8.2.б. *Ся́ССó*
 8.3. *я́—э́*
 8.3.а. *Ся́ССэ́*
 8.3.б. *Ся́Сэ́С*
 8.4. *я́—ы́* (*Ся́Сы́*)
 8.5. *я́—я́́* (*Ся́Ся́́*)
 8.6. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.
 8.6.а. Т ямал. *я́—э́* (*Ся́ССэ́*) // Т канин. *я́—а* (*Ся́ССа*)
 8.6.б. Т ямал. *я́—э́* (*Ся́Сэ́С*) // Т канин. *я́—я́* (*Ся́Ся́С*)
 8.6.в. Т ямал. *я́—я́́* (*Ся́Ся́́СС*) // Т канин. *я́—э* (*Ся́Сэ́СС*)
 8.6.г. Т ямал. *я́—а́* (*Ся́ССа́С*) // Т канин. *я́—я́да* (*Ся́Ся́да*).

Сопоставительная таблица

Длительность, максимальная интенсивность и частота основного тона гласных первого и второго слогов
непроизводных (и производных на ПС уровне) двусложных имен в ямальском и канинском диалектах

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
Слова с ударением на первом слоге (в Т ямал.)								
1. слова с á в первом слоге								
1.1. á—а								
1.1.а. CáCa (CáCa, CáC'a, C'áCa, C'áC'a)								
(1) лата 'широкий, свободный, обширный; плоский' [Терещенко 1965, 2008: 178] (ПС *lâtá)								
(1Я)	л [́] ата*	0,106 (0,238)	83,35	164-184	0,080 (0,137)	81,16	223-192	ОЛЛ
(1К)	лата	0,165	83,42	157	0,173 (0,289)	87,40	300-350- 245	БИН
(2) хада 'бабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их' [Терещенко 1965, 2008: 714] (ПС *kâtá [Janhunen 1977: 62])								
(2Я)	х [́] ада	0,118 (0,174)	81,72	197-166	0,082 (0,151)	78,28	171	ЯМГ
(2К)	хада*	0,261	85,35	189	0,097	84,33	240-183	БИН
(3) халя 'рыба' [Терещенко 1965, 2008: 729] (ПС *kälä [Janhunen 1977: 59])								
(3Я)	х [́] аля	0,129	79,53	171	0,098	74,92	159	ЯМГ
(3К)	хал'а	0,214	85,00	187	0,096 (0,137)	83,53	259-197	БИН
(4) няба 'мачеха; жена старшего брата' [Терещенко 1965: 335—336] (ПС *ápá [Janhunen 1977: 21])								
(4Я)	н'а [́] ба	0,196	82,33	207	0,044	81,26	208	ЯМГ
(4К)	н'аба	0,239	83,87	176	0,100	86,11	209-132	БИН
(5) яля 'день; свет, освещение' [Терещенко 1965, 2008: 838] (ПС *jälä [Janhunen 1977: 40])								
(5Я)	я [́] ля	0,121	80,56	164	0,130	77,51	169	ЯМГ
(5К)	ял'а	0,177	82,62	168	0,113	84,80	259-244	БИН
1.1.б. Т ямал. CáCCa // Т канин. CaCa								
(6) хамба 'волна' [Терещенко 1965, 2008: 730] (ПСС *kämpá [Janhunen 1977: 59])								
(6Я)	х [́] амба	0,115	82,16	183	0,055 (0,133)	78,64	151	ЯМГ
(6К)	хаба* (мб > б)	0,097	83,94	199	0,108 (0,170)	86,59	257-167	БИН
1.2. á—о (CáCo)								
(7) вано 'корень' [Терещенко 1965, 2008: 41] (ПС *wâncz → ПС der. *wâncâj [Janhunen 1977: 171])								
(7Я)	в [́] ано	0,143	83,10	209	0,102	79,98	195	ЯМГ
(7К)	вано	0,195	83,61	173	0,094	84,03	251-175	БИН
(8) хасо 'плата шаману' [Терещенко 1965, 2008: 757] (ПС *kâsâj [Janhunen 1977: 61])								
(8Я)	х [́] асо	0,135	84,14	184-152	0,089	81,54	189-130	ОТО
(8К)	—	—	—	—	—	—	—	—
1.3. á—э (CáCэC)								
(9) паре'(н) 'лабаз на сваях для хранения вещей' [Терещенко 1965, 2008: 447] (ПС *pârz [Janhunen 1977: 116] → ПС der.)								
(9Я)	п [́] аре'э?	0,133	76,88	229-199 (ср. 211)	0,111	75,53	186-201 (ср. 193)	ЯМГ
(9К)	—	—	—	—	—	—	—	—
(10) янэ''(д), янэ''(с) 'свойственник; сват' [Терещенко 1965, 2008: 844] (ПС *wânâ → ПС der. *wânâ-jâ-t [Janhunen 1977: 173])								
(10Я)	я [́] нэ?	0,146	79,65	175	0,059	74,64	172	ЯМГ
(10К)	—	—	—	—	—	—	—	—
1.4. á—ы (CáCy)								
(11) палы 'сабля, меч' [Терещенко 1965, 2008: 439] (ПС *pâlV → ПС der. *pâlâjâ)								
(11Я)	п [́] алы	0,138	83,90	197	0,088	82,98	190	ЯМГ
(11К)	—	—	—	—	—	—	—	—

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
(12) <i>хады</i> 'ель' [Терещенко 1965, 2008: 719] (ПС * <i>kāât</i> [Janhunen 1977: 61] → ПС der.)								
(12Я)	<i>хады</i>	0,102 (0,165)	81,36	203	0,128	78,90	182	ЯМГ
(12К)	—	—	—	—	—	—	—	—
1.5. <i>á—ä</i> (CáCáCC)								
(13) <i>надъм?</i> 'сопли' [Терещенко 1965, 2008: 281] (ПС * <i>nátá</i> → ПС der.)								
(13Я)	<i>надъм?</i>	0,157 (0,212)	83,43	214	0,049	79,02	210-184	ЯМГ
(13К)	—	—	—	—	—	—	—	—
1.6. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.								
1.6.а. Т ямал. <i>á—а</i> (CáCa) // Т канин. <i>а—о</i> (der. CaCCo)								
(14) <i>нява</i> 'заяц' [Терещенко 1965, 2008: 336] (ПС * <i>námá</i> [Janhunen 1977: 105])								
(14Я)	<i>н'áwa</i>	0,099	80,86	203	0,073	78,96	191	ЯМГ
(14К)	<i>н'awko*</i>	0,171	82,69	179	0,039	84,28	243	БАА
1.6.б. Т ямал. <i>á—а</i> (CáCa) // Т канин. <i>а—э</i> (? der. CaCэC)								
(15) <i>няда</i> 'ягель' [Терещенко 1965, 2008: 337] (ПС * <i>náca</i> [Janhunen 1977: 105])								
(15Я)	<i>н'áda</i>	0,123 (0,205)	81,90	184	0,060 (0,110)	80,22	185	ЯМГ
(15К)	<i>н'адэж*</i>	0,176	83,27	192	0,124	84,56	236	БАА
1.6.в. Т ямал. <i>á—а</i> (CáCCa) // Т канин. <i>а—у</i> (CaCCy)								
(16) <i>сарва</i> 'верхушка чума' [Терещенко 1965, 2008: 533] (ПС * <i>sármá</i>)								
(16Я)	<i>сáрwa</i>	0,111	82,40	190	0,058 (0,079)	81,07	192	ЯМГ
(16К)	<i>сарwу</i>	0,195	86,07	197	0,115 (0,177)	84,17	243-208	БИН
1.6.г. Т ямал. <i>á—у</i> (CáCy) // Т канин. <i>а—ы</i> (CaCCы)								
(17) <i>паду</i> 'щека' [Терещенко 1965, 2008: 433], <i>пайды</i> 'щека' [Терещенко 1965, 2008: 435] (ПС * <i>pát-</i> ~ * <i>pát3</i> (? * <i>pátâ</i>) → ПС der. * <i>pátâ-</i> [Janhunen 1977: 117])								
(17Я)	<i>паду</i>	0,135 (0,192)	78,89	173	0,079	76,79	167	ЯМГ
(17К)	<i>пajды*</i>	0,232	84,64	225-244- 222 (ср. 234)	0,263	90,02	224-117	БИН
2. слова с ó в первом слоге								
2.1. <i>ó—а</i>								
2.1.а. (C)óCa (CóCa, (C)óC'a, C'óC'a)								
(18) <i>нодя</i> 'ягода' [Терещенко 1965, 2008: 396] (ПС * <i>wot3</i> [Janhunen 1977: 177])								
(18Я)	<i>нóд'a</i>	0,124 (0,174)	81,00	190	0,104 (0,191)	79,84	187	ЯМГ
(18К)	<i>од'a*</i>	0,233	85,70	191	0,063 (0,152)	88,36	212-194	БАА
(19) <i>ёря</i> 'глубокий; густой' [Терещенко 1965, 2008: 125] (ПС * <i>jorä</i> [Janhunen 1977: 47])								
(19Я)	<i>jóp'a</i>	0,123	83,00	162	0,122	78,24	158	ЯМГ
(19К)	<i>jop'a</i>	0,242	84,14	178	0,159	85,68	213-194	БИН
(20) <i>хобá</i> 'шкура; поверхность ч.-л.' [Терещенко 1965, 2008: 766] (ПС * <i>korá</i> [Janhunen 1977: 73])								
(20Я)	<i>хóба</i>	0,093 (0,172)	81,61	173	0,055 (0,110)	79,08	80	ЯМГ
(20К)	<i>хоба</i>	0,240	84,26	212	0,140 (0,269)	86,13	315-257	БИН
2.1.б. CóCCaC								
(21) <i>ёмзя</i> 'мягкий пушистый снег' [Терещенко 2008: 120] (ПС * <i>jom-</i> [Janhunen 1977: 46] → ПС der.)								
(21Я)	<i>jóm3'a3*</i>	0,104	83,83	204	0,083	84,24	237	ОЛЛ
(21К)	—	—	—	—	—	—	—	—

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
2.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин. Т ямал. ó—а (CóCa) // Т канин. о—э (CoC'э)								
(22) <i>хора</i> 'олень-самец' [Терещенко 1965, 2008: 771] (ПС *korá [Janhunen 1977: 74])								
(22Я)	<i>хóра</i>	0,124	81,35	177	0,107	76,72	164	ЯМГ
(22К)	<i>хор'э</i>	0,199	85,24	215	0,161 (0,242)	83,79	266-211	БИН
3. слова с й в первом слоге								
3.1. й—а								
3.1.а. (C)йCa ((C)эCa, C'эCa, C'эC'a)								
(23) <i>уэва</i> 'голова; вершина; начало' [Терещенко 1965: 412—413] (ПС *ájwá [Janhunen 1977: 17])								
(23Я)	<i>уэва</i>	0,121	82,87	208	0,112 (0,177)	79,85	190	ЯМГ
(23К)	<i>эва*</i>	0,172	83,62	195	0,059 (0,126)	83,74	229	БАА
(24) <i>неда</i> 'след, проложенный аргишом' [Терещенко 1965, 2008: 291] (ПС *etá [Janhunen 1977: 24])								
(24Я)	<i>н'эда</i>	0,125	82,90	196	0,096	82,65	180	ЯМГ
(24К)	<i>н'эда*</i>	0,242	84,13	207	0,156 (0,217)	84,17	220-296	БИН
(25) <i>пена</i> 'камыс (шкура с ног оленя)' [Терещенко 1965, 2008: 457] (ПС *pencá [Janhunen 1977: 118])								
(25Я)	<i>п'эна</i>	0,091	83,29	203	0,065	81,03	200	ЯМГ
(25К)	<i>п'эна</i>	0,227	84,38	220	0,101 (0,171)	83,53	333-288	БИН
(26) <i>еся</i> 'железо; металл' [Терещенко 1965, 2008: 111] (ПС *wesá [Janhunen 1977: 175])								
(26Я)	<i>јэс'а</i>	0,095	79,98	172	0,100	75,92	86-176	ЯМГ
(26К)	<i>јэс'а</i>	0,164	84,51	186	0,117	85,55	279-222	БИН
(27) <i>мея</i> 'невестка; сноха' [Терещенко 1965: 457] (ПС *mejá / *meñá (*mejñá) [Janhunen 1977: 92])								
(27Я)	<i>м'эја</i>	0,108	83,03	148	0,073	79,00	138	ЯМГ
(27К)	<i>м'эја</i>	0,264	83,47	248	0,149 (0,208)	83,51	291-140	БИН
(28) <i>пеля</i> 'половина; часть, доля' [Терещенко 1965, 2008: 457] (ПС *pelá [Janhunen 1977: 120])								
(28Я)	<i>п'эл'а</i>	0,100	83,45	199	0,077 (0,152)	81,55	182	ЯМГ
(28К)	<i>п'эл'а</i>	0,189	84,92	178	0,128 (0,183)	84,63	248-339	БИН
3.1.б. С'ССа								
(29) <i>лембя</i> 'лопасть' (<i>нуда</i> 'лембя' 'кисть руки') [Терещенко 1965, 2008: 186] (ПС *lempá [Janhunen 1977: 82])								
(29Я)	<i>л'эм'б'а*</i>	0,091	83,04	251	0,068	78,56	262	ОЛЛ
(29К)	—	—	—	—	—	—	—	—
3.2. й—о (C'Co)								
(30) <i>неро</i> 'ивняк, тальник' [Терещенко 1965: 303] (ПС *ner- → ПС der. *ner-ə-j [Janhunen 1977: 108])								
(30Я)	<i>н'эро</i>	0,079	83,55	200	0,049	83,05	201	ЯМГ
(30К)	<i>н'эро</i>	0,169	84,71	176	0,106	83,67	196-168	БАА
4. слова с у в первом слоге								
4.1. у—а								
4.1.а. СуСа								
(31) <i>нюня</i> 'гагара' [Терещенко 1965, 2008: 332] (ПС *ñuñá [Janhunen 1977: 112])								
(31Я)	<i>н'ун'а</i>	0,099	84,18	191	0,056 (0,108)	83,13	181	ЯМГ
(31К)	<i>н'ун'а</i>	0,200	83,51	217	0,075 (0,110)	82,50	244-198	БАА
4.1.б. С'ССа								
(32) <i>нюрка</i> 'осина' [Терещенко 1965, 2008: 333] (ПС *ñulká [Janhunen 1977: 112])								
(32Я)	<i>н'урка</i>	0,066	82,58	193	0,094	79,34	189	ЯМГ
(32К)	<i>н'урка</i>	0,128	83,12	194	0,078 (0,138)	84,05	230-165	БАА

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
4.2. ý—ы (СýСы)								
(33) пулы 'колено' [Терещенко 1965, 2008: 488] (ПС * <i>puđj</i> → ПС kompos. * <i>puđjls</i> ~ * <i>puđjnlz</i> (< * <i>puđj</i> + * <i>le</i> 'кость') [Janhunen 1977: 130])								
(33Я)	пу́лы	0,140	82,00	217	0,114	78,62	185	ЯМГ
(33К)	пулы	0,109	83,53	246	0,193	84,49	296-230	БИН
4.3. ý—и (СýСиС)								
(34) суик 'почка' [Терещенко 1965, 2008: 569] (ПС * <i>sujz</i> - ~ * <i>suñz</i> - (* <i>sujnz</i> -) (? ~ * <i>süjz</i> - ~ * <i>süñz</i> - (* <i>süjnz</i> -)) [Janhunen 1977: 143])								
(34Я)	су́ик	0,082	80,84	197	0,122	77,07	178	ЯМГ
(34К)	суик	0,207	86,48	231	0,085 (0,145)	83,00	263-217	БИН
5. слова с Ё́ в первом слоге								
5.1. Ё́—а (Сё́Са)								
(35) хыдя 'чашка; миска' [Терещенко 1965, 2008: 789] (ПС * <i>kicä</i>)								
(35Я)	хы́д'а (хы́д'э)*	0,057 (0,107)	80,19	215	0,079	70,25	210	ЯМГ
(35К)	хыд'а	0,207	86,16	213-182	0,168 (0,251)	86,44	379-352	БИН
5.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин. Т ямал. Ё́—а (Сё́Са) // Т канин. Ё́—и (der. Сё́СиС)								
(36) тыя 'узкий' [Терещенко 1965, 2008: 683] (ПС * <i>tijä</i> [Janhunen 1977: 160])								
(36Я)	ты́ја (ты́јэ)*	0,066	84,40	208	0,159	82,48	184	ЯМГ
(36К)	тыјик*	0,075	85,38	223	0,103 (0,166)	84,98	305-289	БИН
6. слова с Ё́ в первом слоге								
6.1. Ё́—а								
6.1.а. Сё́Са (С'ё́Са, С'ё́Са)								
(37) сива 'лопата' [Терещенко 1965, 2008: 555] (ПС * <i>käjwä</i> [Janhunen 1977: 63])								
(37Я)	сё́ива	0,088	80,74	185	0,088	75,56	164	ЯМГ
(37К)	сёива	0,193	84,41	213	0,108 (0,161)	83,21	261-199	БИН
(38) ибя 'клей' [Терещенко 1965, 2008: 135] (ПС * <i>jimä</i> [Janhunen 1977: 45])								
(38Я)	и́б'а	0,066 (0,091)	83,88	215-188	0,082 (0,179)	81,65	159	ЯМГ
(38К)	иww'а*	0,046	76,34	145	0,119	83,63	180-122	САФ
(39) иня 'ремень; веревка; возжа' [Терещенко 1965, 2008: 145] (ПС * <i>winä</i> [Janhunen 1977: 175])								
(39Я)	и́н'а	0,095	81,43	191	0,105	75,74	174	ЯМГ
(39К)	ин'а	0,139	84,61	200	0,098 (0,155)	83,07	249-166	БИН
(40) тибя 'сажень' [Терещенко 1965, 2008: 656] (ПС * <i>tij</i> → ПС der. * <i>tijmä</i> [Janhunen 1977: 163])								
(40Я)	тё́иб'а	0,091	83,23	163	0,090	80,06	133	ЯМГ
(40К)	тёива*	0,219	90,04- 82,64	243	0,153 (0,253)	84,00	296-141	БИН
(41) тидя 'младший брат матери; все мужчины из рода матери, моложе ее' [Терещенко 1965, 2008: 658] (ПС * <i>cicä</i> [Janhunen 1977: 33])								
(41Я)	тё́ид'а	0,067 (0,108)	77,96	177	0,068 (0,094)	73,39	172	ЯМГ
(41К)	тёид'а	0,130	85,88	236-186	0,173	85,36	248-121	БИН
6.1.б. Сё́Са								
(42) пикця 'большой палец руки' [Терещенко 1965, 2008: 464] (ПС * <i>pi</i> - (? * <i>pij</i> -) [Janhunen 1977: 123] → ПС der.)								
(42Я)	пё́икч'а	0,078	83,41	237-208 (ср. 224)	0,109	79,98	231-177 (ср. 205)	ЯМГ

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
(42К)	<i>n'uk'č'a</i>	0,135	92,36- 78,98	290-221	0,120 (0,160)	89,75- 75,92	268-145	БИН
(43) <i>пириця</i> 'высокий' [Терещенко 1965, 2008: 469] (ПС <i>*pirā</i> → ПС der. <i>*pirkā</i> [Janhunen 1977: 125])								
(43Я)	<i>n'ūr'č'a*</i>	0,062	81,55	205-183 (ср. 190)	0,106	76,80	86	ЯМГ
(43К)	<i>n'ur'č'a</i>	0,112	90,14	243	0,111	88,70	308-166	БИН
6.2. <i>ū—u</i> (CūCCu)								
(44) <i>пирици, пириця</i> 'желудок птицы' [Терещенко 1965, 2008: 469] (ПС <i>*pirkā</i> (~ <i>*perkā</i>) [Janhunen 1977: 122])								
(44Я)	<i>n'ūr'č'u*</i>	0,079	83,26	190	0,085	76,02	80-189	ЯМГ
(44К)	<i>n'ur'č'u</i>	0,224	91,68- 82,02	233-274- 248	0,116 (0,170)	89,53	317-169	БИН
7. слова с <i>ū</i> в первом слоге								
7.1. <i>ū—a</i> (CūCa)								
(45) <i>нибья</i> 'игла, иголка' [Терещенко 1965, 2008: 310] (ПС <i>*ejmä</i> ~ <i>nejmä</i> [Janhunen 1977: 22])								
(45Я)	<i>n'īb'a</i>	0,118	82,18	168	0,065	76,41	172	ЯМГ
(45К)	<i>n'iw'a*</i>	0,140	84,14	191	0,138	83,91	243-170	БИН
7.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.								
Т ямал. <i>ū—o</i> (CūCo) // Т канин. <i>u—u</i> (der. CuCuC)								
(46) <i>сибья</i> 'легкий (на вес)' [Терещенко 1965, 2008: 555] (ПС <i>*kejps</i> [Janhunen 1977: 67])								
(46Я)	<i>s'īb'o</i>	0,098 (0,151)	81,04	214	0,085 (0,164)	79,36	177	ЯМГ
(46К)	<i>s'ib'uch'*</i>	0,191	90,68	221	0,103 (0,163)	87,32	266-194	БИН
8. слова с разными гласными первого слога в Т ямал. и Т канин.								
Т ямал. <i>ś—a</i> (CśCa) // Т канин. <i>a—a</i> (CaCa)								
(47) <i>нека</i> (вост.) 'старший брат; дядя, младший брат отца' [Терещенко 1965, 2008: 293]; <i>няка</i> 'то же' [Терещенко 1965, 2008: 341]								
(47Я)	<i>n'śka</i>	0,131	83,74	188	0,112	80,26	208-164	ЛСЯ
(47К)	<i>n'aka</i>	0,105	84,20	228	0,089	83,34	224-131	КАВ
слова с ударением на втором слоге (в Т ямал.)								
1. слова с <i>a</i> в первом слоге								
1.1. <i>a—ś</i> (CaCCśC)								
(48) <i>хальмер</i> 'покойник' [Терещенко 1965, 2008: 728] (ПС <i>*kālmz</i> → ПС der. (?) <i>*kālmā-rā</i> [Janhunen 1977: 59])								
(48Я)	<i>χalm'ēr</i>	0,103	81,01	189	0,094	82,51	189	ЯМГ
(48К)	—	—	—	—	—	—	—	—
1.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.								
Т ямал. <i>a—ś</i> (CaCśCC) // Т канин. <i>a—a</i> (CaCaCC)								
(49) <i>хаер'</i> (ə) 'солнце' [Терещенко 1965: 721] (ПС <i>*kājā</i> → ПС der. <i>*kājā-rā-t</i> [Janhunen 1977: 58])								
(49Я)	<i>χaj'ər?</i>	0,103	81,06	197	0,136	81,10	172	ЯМГ
(49К)	<i>χajar(ə)?*</i>	0,126	84,73	191	0,132	82,57	234-215	БИН
2. слова с <i>ə</i> в первом слоге								
2.1. <i>ə—ó</i> ((C)əCó)								
(50) <i>нэрэ</i> 'осень; осенний' [Терещенко 1965, 2008: 420] (ПС <i>*erājā</i> [Janhunen 1977: 22])								
(50Я)	<i>n'ēr'ó</i>	0,094	80,43	171	0,143	79,15	172	ЯМГ
(50К)	<i>ēr'o*</i>	0,247	84,17	171	0,123	85,14	191-156	БАА
3. слова с <i>o</i> в первом слоге								
3.1. <i>o—ó</i> (CoCó)								
(51) <i>сохо</i> 'высокая остроконечная сопка с широким основанием' [Терещенко 1965, 2008: 567] (ПС <i>*sok-</i> (~ <i>*sokā</i> , ? <i>*sokā</i>) [Janhunen 1977: 143])								
(51Я)	<i>soχó (soyó)</i>	0,067	74,36	197-154	0,107	80,48	177	ЛСЯ
(51К)	—	—	—	—	—	—	—	—
(52) <i>нохо*</i> 'песец' [Терещенко 1965, 2008: 317] (ПС <i>*nokā</i> [Janhunen 1977: 84])								
(52Я)	<i>noχó (noyó)</i>	0,050	81,85	198-168 (ср. 187)	0,130 (0,188)	81,52	183	ЯМГ

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
(52К)	<i>нохо</i> (ноуо)	0,086	83,44	190-174	0,101	83,31	214-194	БАА
3.2. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин. Т ямал. <i>о—э</i> (СоСэ) // Т канин. <i>о—ы</i> (СоСыС)								
(53) <i>ёнэ</i> 'середина, средняя часть ч.-л.; талия, пояс' [Терещенко 1965, 2008: 123] (ПС * <i>joncā</i> (~ * <i>joncā</i>) → ПС der. * <i>jonā-jā</i> [Janhunen 1977: 46—47])								
(53Я)	<i>јонэ</i>	0,102	73,92	171	0,143	71,98	173	ЯМГ
(53К)	<i>јоны?</i> *	0,113	84,63	240-319	0,190	82,68	274-245 -(459)*	БЗМ
4. слова с э в первом слоге Т ямал. <i>э—э</i> (СэСэ) // Т канин. <i>э—а</i> (СэСа)								
(54) <i>сехэ</i> 'большой ком снега; твердый снег' [Терещенко 1965, 2008: 550] (ПС ?)								
(54Я)	<i>с'эхэ</i> (с'эуэ)	0,093	85,03	208-168	0,204	84,63	161	ОТО
(54К)	<i>с'эха</i>	0,091	83,62	245-206	0,167	85,01	243-113	БИН
5. слова с у в первом слоге 5.1. <i>у—о</i> (СуСó)								
(55) <i>јурэ</i> 'приятель; товарищ в каком-либо деле' [Терещенко 1965, 2008: 816] (ПС * <i>jürāj</i>)								
(55Я)	<i>јур'о</i>	0,076	80,92	184	0,132	82,91	202	ЛСЯ
(55К)	—	—	—	—	—	—	—	—
5.2. <i>у—у</i> (СуСúС)								
(56) <i>нухóд</i> 'верхняя губа' [Терещенко 1965, 2008: 405] (ПС * <i>ukā</i> (der.?) [Janhunen 1977: 30])								
(56Я)	<i>нухóд</i> (нууóд)	0,051	84,87	209	0,121 (0,191)	83,66	175	ЯМГ
(56К)	—	—	—	—	—	—	—	—
6. слова с ы в первом слоге 6.1. <i>ы—а</i> (СыСá)								
(57) <i>сыра</i> 'снег; зима' [Терещенко 1965, 2008: 574] (ПС * <i>sirā</i> [Janhunen 1977: 140])								
(57Я)	<i>сыра́</i>	0,052	82,51	197	0,115 (0,145)	81,88	170	ЯМГ
(57К)	<i>сыра</i>	0,128	86,98	213	0,119 (0,196)	84,33	273-229	БИН
6.2. <i>ы—э</i> (СыСэС)								
(58) <i>тыдэ</i> 'кедр' [Терещенко 1965, 2008: 679] (ПС * <i>tjājān</i> [Janhunen 1977: 160])								
(58Я)	<i>тыдэ(?)</i>	0,130	83,78	209-167	0,126	83,37	197-223	ЯМГ
(58К)	—	—	—	—	—	—	—	—
7. слова с и в первом слоге 7.1. <i>и—а</i> (СиСá)								
(59) <i>сидя</i> 'два, две, двое' [Терещенко 1965, 2008: 557] (ПС * <i>kitā</i> [Janhunen 1977: 71])								
(59Я)	<i>с'ид'á</i>	0,068 (0,097)	82,52	190	0,081 (0,175)	82,85	167	ЯМГ
(59К)	<i>с'ид'а</i>	0,170	87,98	226-191	0,129 (0,220)	88,46	266-130	БИН
7.2. <i>и—у</i> (СиСú)								
(60) <i>ири</i> 'дедушка; старший брат отца или матери; свекор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его' [Терещенко 2008: 147] (ПС * <i>irz-</i> (? * <i>irāj</i>) ~ * <i>jirz-</i> (? * <i>jirāj</i>) [Janhunen 1977: 27])								
(60Я)	<i>јир'у</i>	0,070	79,36	169	0,089	77,16	162	ЯМГ
(60К)	<i>јир'и</i>	0,050	76,44	159	0,099	80,81	181-149	КАВ
8. слова с я в первом слоге 8.1. <i>я—а</i> 8.1.а. <i>СяСá</i> (СяСá, СяС'á, С'яСá)								
(61) <i>мáра</i> 'песчаный берег, отмель' [Терещенко 1965, 2008: 234] (ПС * <i>mārā</i> [Janhunen 1977: 88])								
(61Я)	<i>мáра</i>	0,073	84,65	158	0,101 (0,146)	84,50	154	ОЛЛ
(61К)	<i>мáра*</i>	0,104	82,82	157	0,079 (0,130)	82,33	175-142	БИН

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
		0,124	82,97	216-102-206	0,077 (0,150)	83,54	252-188	БИН
(62) <i>маха</i> * 'спина' [Терещенко 1965, 2008: 242] (ПС * <i>māka</i> [Janhunen 1977: 85])								
(62Я)	<i>мắха (мắуа)</i>	0,049	84,93	155	0,100	79,24	135	ОЛЛ
(62К)	<i>мắха (мắуа)</i>	0,071	83,07	187-170 (ср. 179)	0,132 (0,209)	84,00	205-201	БИН
(63) <i>сăва</i> 'капюшон (малицы); шапка' [Терещенко 1965: 517] (ПС * <i>sāma</i> [Janhunen 1977: 132-133])								
(63Я)	<i>сắва</i>	0,066	83,35	206	0,086	81,24	187	ЯМГ
(63К)	<i>сắва</i>	0,116	87,03	206	0,108 (0,178)	83,73	236-206	БИН
(64) <i>хăда</i> 'ноготь, коготь' [Терещенко 1965, 2008: 714] (ПС * <i>kāta</i> [Janhunen 1977: 55])								
(64Я)	<i>хắда</i>	0,065	78,94	221-186	0,096	78,92	184	ЯМГ
(64К)	<i>хắда*</i>	0,125	83,77	193	0,130	86,78	267-384	БИН
(65) <i>хăра</i> 'изгиб, поворот' [Терещенко 1965, 2008: 745] (ПС * <i>kāra</i> ~ * <i>kārā</i> [Janhunen 1977: 55])								
(65Я)	<i>хắра</i>	0,062	84,05	216	0,161	83,45	195-155	ЛСЯ
(65К)	<i>хắра</i>	0,127	84,44	206	0,135	85,18	276-144	БИН
(66) <i>лабя</i> * 'весло' [Терещенко 1965, 2008: 169] (ПС * <i>lāpa</i> [Janhunen 1977: 81])								
(66Я)	<i>лắба</i>	0,063	80,61	95	0,096	82,16	96	ЯМГ
(66К)	<i>лắба</i>	0,105	83,32	194	0,104 (0,203)	84,21	261-328-313	БИН
(67) <i>яха</i> * 'река' [Терещенко 1965, 2008: 855] (ПС * <i>jāka</i> [Janhunen 1977: 35])								
(67Я)	<i>я́ха (я́уа)</i>	0,065	81,99	186	0,128	81,84	191	ЯМГ
(67К)	<i>я́ха</i>	0,094	83,25	243-203	0,149	85,21	303-244	БИН
8.1.б. <i>СăССа (СăССа, С'ăССа)</i>								
(68) <i>лабта</i> * 'равнина; плоский' [Терещенко 1965, 2008: 162—163] (ПС * <i>lāpta</i> [Janhunen 1977: 81])								
(68Я)	<i>лắбта</i>	0,053 (0,094)	83,45	201	0,106 (0,156)	82,84	183	ЯМГ
(68К)	—	—	—	—	—	—	—	—
(69) <i>ябта</i> 'роса, влага' [Терещенко 1965, 2008: 822] (ПС * <i>jāpta</i> [Janhunen 1977: 35])								
(69Я)	<i>я́бта</i>	0,037	82,98	161	0,073	85,06	166	ОЛЛ
(69К)	<i>я́бта</i>	0,087	83,06	192-162	0,102 (0,149)	89,37	261-131	БИН
8.2. <i>ă—ó</i>								
8.2.а. <i>СăСó</i>								
(70) <i>хăрë</i> 'журавль', <i>хăрë</i> 'мяг (зап., ямал.) 'стрекоза' [Терещенко 1965, 2008: 749] (ПС * <i>kārā</i> - (? * <i>kārājā</i>) [Janhunen 1977: 54])								
(70Я)	<i>хắр'ó</i>	0,046	78,67	192	0,101 (0,185)	79,56	174	ЯМГ
(70К)	<i>хắр'ó</i>	0,121	84,36	218-236	0,152 (0,204)	84,56	311-134	БИН
8.2.б. <i>СăССó</i>								
(71) <i>ламдо</i> * 'низкий' [Терещенко 1965, 2008: 174] (ПС * <i>lāmt3</i> → ПС der. * <i>lāmtāj</i> [Janhunen 1977: 81])								
(71Я)	<i>лắмдо</i>	0,053	82,86	187	0,074 (0,135)	80,26	166	ЯМГ
(71К)	<i>лắмдо</i>	0,106	84,91	177	0,105 (0,151)	86,14	209-174	БИН
8.3. <i>ă—ǰ</i>								
8.3.а. <i>СăССǰ</i>								
(72) <i>вăруэ</i> 'ворона' [Терещенко 1965, 2008: 47] (ПС * <i>wār-</i> → ПС der. * <i>wār-ǰājā</i> [Janhunen 1977: 170])								
(72Я)	<i>вắруэ</i>	0,050	83,16	187	0,104	83,45	190	ЯМГ
(72К)	—	—	—	—	—	—	—	—
8.3.б. <i>СăСǰС</i>								
(73) <i>хăлэв</i> 'чайка' [Терещенко 1965, 2008: 729] (ПС * <i>kālājā</i> / * <i>kālǰājā</i> [Janhunen 1977: 52])								
(73Я)	<i>хắлэв</i>	0,040	79,37	193	0,119	79,42	168	ЯМГ
(73К)	<i>хắлэв</i>	0,071	85,47	213	0,169	84,54	341-219	БИН

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
8.4. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́)								
(74) <i>пǎсы</i> 'женский половой орган' (ПС * <i>pǎsə</i> → ПС дер. * <i>pǎsǎj</i> [Janhunen 1977: 114])								
(74Я)	<i>пǎсы</i>	0,096	81,71	193	0,152	82,12	189	ЯМГ
(74К)	<i>пǎсы</i>	0,094	86,24	248	0,061	89,55	332	БИН
(75) <i>хǎлы</i> '(длинный) червяк' [Терещенко 1965, 2008: 728] (ПС * <i>kǎl-</i> → ПС дер. * <i>kǎlǎjǎ</i>)								
(75Я)	<i>хǎлы</i>	0,060	78,15	196	0,084	77,64	172	ЯМГ
(75К)	<i>хǎлы*</i>	0,092	84,85	200	0,102	87,27	208-138	ВПВ
8.5. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́)								
(76) <i>пǎдǎ́</i> 'желчь' [Терещенко 1965, 2008: 434] (ПС * <i>pǎtǎ</i> [Janhunen 1977: 115])								
(76Я)	<i>пǎдǎ́</i>	0,058 (0,135)	80,32	184	0,061 (0,126)	81,26	179	ЯМГ
(76К)	<i>пǎдǎ́</i>	0,107	87,14	234	0,116 (0,187)	88,28	304-195	БИН
8.6. слова с разными гласными второго слога в Т ямал. и Т канин.								
8.6.а. Т ямал. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎССǎ́) // Т канин. <i>ǎ—ǎ</i> (СǎССǎ)								
(77) <i>хǎруэ</i> 'ворон' [Терещенко 1965, 2008: 751], <i>хǎрна</i> 'ворон' [Терещенко 1965, 2008: 750] (ПС * <i>kǎrnǎjǎ</i> [Janhunen 1977: 55])								
(77Я)	<i>хǎр(э)нэ</i>	0,053	80,97	187	0,122	78,25	169	ЯМГ
(77К)	<i>хǎрна</i>	0,111	84,43	183	0,054 (0,102)	82,63	244-212	БИН
8.6.б. Т ямал. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́С) // Т канин. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́С)								
(78) <i>пǎрэ́(н)</i> 'сверло' [Терещенко 1965, 2008: 453] (ПС * <i>pǎrǎjǎn</i> [Janhunen 1977: 114])								
(78Я)	<i>пǎрэ́?</i>	0,050	82,32	209	0,125	81,39	188	ЯМГ
(78К)	<i>пǎрǎ́(?)</i>	0,123	86,54	205	0,107	85,84	274-326- 282	БИН
8.6.в. Т ямал. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́СС) // Т канин. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́СС)								
(79) <i>хǎйл</i> 'слеза' [Терещенко 1965, 2008: 761] (ПС * <i>kǎnǎlǎ</i> (? * <i>kǎjnǎlǎ</i> ~ * <i>kǎjǎlǎ</i>) [Janhunen 1977: 53])								
(79Я)	<i>хǎйл?</i>	0,065	79,34	195	0,086	78,87	174	ЯМГ
(79К)	<i>хǎйл(э)?*</i>	0,110	85,36	240-313	0,073	82,30	312	БИН
8.6.г. Т ямал. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́СǎС) // Т канин. <i>ǎ—ǎ́</i> (СǎСǎ́ǎС)								
(80) <i>ламба*</i> 'лыжа', <i>ламба́</i> 'лыжи' [Терещенко 1965, 2008: 174] (ПС * <i>lǎmpǎ</i>)								
(80Я)	<i>лǎмб'ǎ?</i>	0,050	84,44	205	0,107	82,39	168	ЯМГ
(80К)	<i>лǎб'ǎǎ*</i>	0,080	84,02	165	(—)	(—)	(—)	БИН

Примечания к таблице

(1) В Т ямал. рекурсия гласного звука первого слога перед глухим взрывным смычным очень длительная (например, в слове 1Я *лǎта*), поэтому целесообразно различать основное ядро гласного и его призвук (переход от гласного к глухому согласному), иногда реализующийся почти как пауза. В Т канин. такой длительной рекурсии не наблюдается.

(2, 15, 17, 24, 64) Непалатализованному смычному звуку *д* в Т ямал. (по крайней мере, в этих конкретных произнесениях) соответствует фрикативный *д* в Т канин., например: 2Я *хǎда* — 2К *хǎда*, 15Я *н'ǎда* — 15К *н'ǎдэ́*, 17Я *пǎду* — 17К *пǎды*, 24Я *н'э́да* — 24К *н'э́да*, 64Я *хǎдǎ́* — 64К *хǎда*.

(6, 80) В Т канин. (в отличие от Т ямал.) происходит упрощение некоторых групп согласных с носовыми (например, *мб* > *б*, *нз'* > *з'*): 6Я *хǎмба* — 6К *хǎмба*, 80Я *лǎмб'ǎ?* — 80К *лǎб'ǎǎ*. При этом в Т канин. наблюдается значительное сокращение гласного первого слога, который предшествует согласному звуку, оставшемуся в результате упрощения консонантной группы: к примеру, в слове 6К *хǎмба* Д1 насчитывает всего 0,097 сек., тогда как в других словах Д звука *а* в первом слоге колеблется в пределах от 0,165 (в слове 1К *лǎта*) до 0,261 сек. (2К *хǎда*) и в среднем составляет 0,203 сек.

(14) В Т канин. (по крайней мере, в говоре с. Ома Заполярного района НАО) для обозначения зайца используется только диминутив 14К *н'ǎмко*, образованный от непроизводного имени с помощью суффикса *-ко*.

(15) В Т канин. (по крайней мере, в говоре с. Ома) для обозначения ягеля употребляется производное слово 15К *н'ǎдэ́*; непроизводное имя с тем же значением отсутствует.

(18, 23, 50) В Т канин. отсутствует начальное *y*, характерное для Т ямал. и ряда других (незападных) говоров. Таким образом, в Т канин. возможны неприкрытые слоги, т. е. слово может начинаться с гласного звука, например: 18Я *hóð'a* — 18К *od'a*, 23Я *húwa* — 23К *эwa*, 50Я *húp'ó* — 50К *эр'о*. Подробнее о *y* в начале ненецких слов см. [Hajdú 1954].

(21) В слове 21Я *jóm3'a?* и далее заглавная (прописная) буква обозначает полузвонкий согласный звук.

(29) В данной статье к анализу не привлекается Т канин. *л'эб'а* (29К) со значением 'блюдец' (Т канин. *б* может соответствовать Т ямал. *мб*; возможно упрощение консонантной группы в Т канин.), т. к. точно неизвестно, соотносится ли оно действительно с Т ямал. *л'эм'б'а* (29Я), употребляющимся, например, в сочетании *húda?* *л'эм'б'а* 'кисть руки'. Ср. также (крайне-зап.) *лебя* 'блюдец' [Терещенко 1965, 2008: 184] и *лембя* 'лопасть' (*huda?* *лембя* 'кисть руки') [Терещенко 1965, 2008: 186].

(35, 36) Для Т ямал. (в отличие от Т канин., где наблюдается повышение ЧОТ на конечном гласном) характерна очень сильная количественная редукция гласного *a* в конечном открытом слоге двусложного слова в позиции после мягкого согласного; кроме того, при быстрой речи возможно также качественное изменение *CVC'a* > *CVC'э*, например: 35Я *húð'a* / *húð'э*, 36Я *múja* / *mújэ*.

(36) В Т канин. (по крайней мере, в говоре с. Ома) со значением 'узкий' употребляется производное слово 36К *мыjik*; непроизводное имя с тем же значением отсутствует.

(38, 40, 45) Палатализованному губно-губному смычному звуку *б'* в Т ямал. могут соответствовать: а) губно-губной фрикативный *w'*, б) губно-зубной фрикативный *в'*, в) среднеязычный *j* в Т канин. (38Я *júb'a* — 38К *juw'a*, 45Я *n'úb'a* — 45К *n'uw'a*; 40Я *m'úb'a* — 40К *m'uja*).

(43, 44) В сочетаниях с последующим мягким *ч'* палатализованному *p'* в Т ямал. соответствует непалатализованный *p* в Т канин., например: 43Я *n'úp'ч'a* — 43К *n'up'ч'a*, 44Я *n'úp'ч'u* — 44К *n'up'ч'u*.

(46) В Т канин. (по крайней мере, в говоре с. Ома) со значением 'легкий (на вес)' употребляется производное слово 46К *с'иб'ич'*; непроизводное имя с тем же значением отсутствует.

(49, 79) В Т канин. степень звучности гортанного смычного *ʔ* намного больше, чем в Т ямал. (подробнее см. ниже). Высокая степень сонорности *ʔ* условно обозначена в нашей транскрипции с помощью гласного призвука (*ə*), например: 49К *hajar(ə)ʔ*, 79К *hájəl(ə)ʔ*.

(52) Ненецкое слово *нохо* 'песец' [Терещенко 1965, 2008: 317] имеет спорную этимологию. Так, в словаре [Janhunen 1977] приводится следующая реконструкция: **lokz* (сельк.) ~ **nokā* (ненец.) [Janhunen 1977: 84]. Однако в [Аникин, Хелимский 2007: 176] высказывается предположение, что сельк. таз. *loqa* 'лиса', *núl loqa* 'песец', возможно, восходит к эвенк. *луку* 'голубой песец'. В данной статье это слово все равно привлекается к анализу, т. к. его фонетическая структура представляет для нас интерес.

(53) В Т канин. (по крайней мере, в говоре с. Ома) слово 53К *jony?* используется в значении 'колени'. Гортанный смычный *ʔ* (перед которым происходит резкое повышение ЧОТ гласного второго слога) свидетельствует о том, что это имя употребляется в форме множественного (а не двойственного) числа.

(61) Приведены данные по акустическим характеристикам слова 61К *мъра* в нескольких произнесениях одного и того же информанта, т. к. они имеют довольно значительные отличия друг от друга.

(62, 66, 67, 68, 71, 80) В орфографической записи имен *маха*, *лабя*, *яха*, *лабта*, *ламдо*, *ламба*, представленной в [Терещенко 1965, 2008], не отражена фонема *ʔ* (вместо нее — *a*), которая, по данным [ПМА 2010; ПМА 2011], получает звуковую реализацию в этих словах (в первом слоге) и, по [Janhunen 1977], является рефлексом ПС **ə* (по этому вопросу см. также [Salminen 1998]).

(75) В Т канин. (по крайней мере, в говоре с. Ома) для обозначения червяка обычно используется слово *халцб* (ср. О *həlʔsū*, Sj. *həlʔsu*, N *həlʔso* и т. д. [Lehtisalo 1956: 149]), а существительное 75К *хълы* употребляется в значении 'личинка жука *султы*' [ПМА 2011: ВПВ] (см. крайне-зап. *султы* [Терещенко 1965: 570] = *лэдсэр* "жучок со светлой передней частью туловища" [Терещенко 1965: 172]).

(80) Следует обратить внимание на необычное соответствие 80К *лэб'áʔa* (с гортанным смычным *ʔ* между гласными) — 80Я *лэм'áʔ* (NOM.PL).

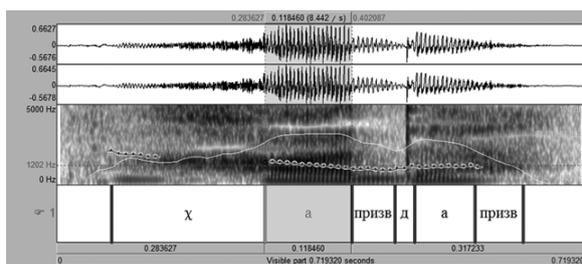

Рис. 2Я

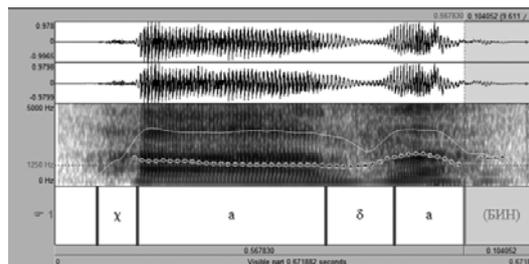

Рис. 2К

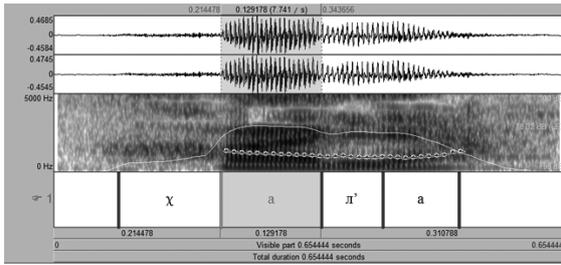

Рис. 3Я

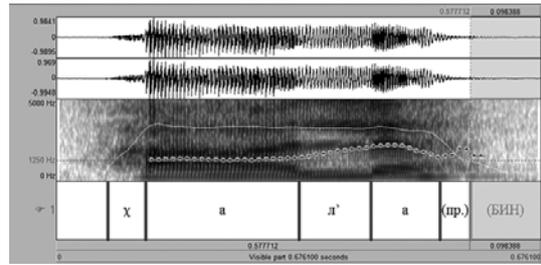

Рис. 3К

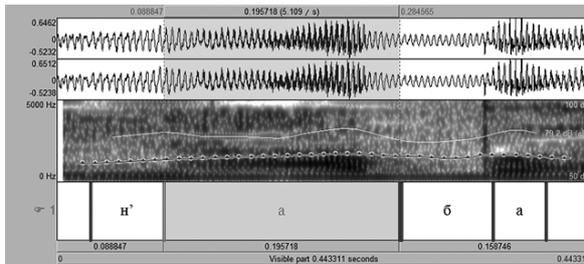

Рис. 4Я

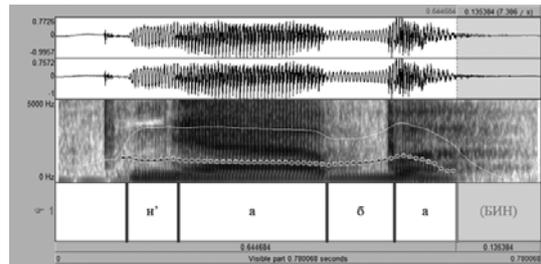

Рис. 4К

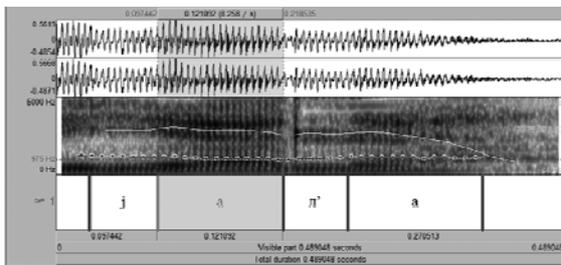

Рис. 5Я

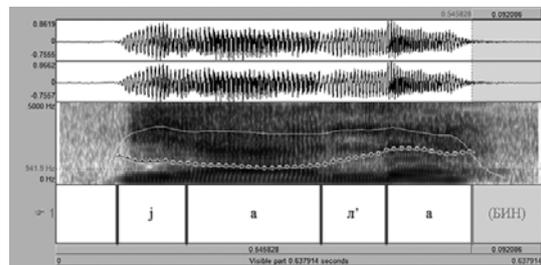

Рис. 5К

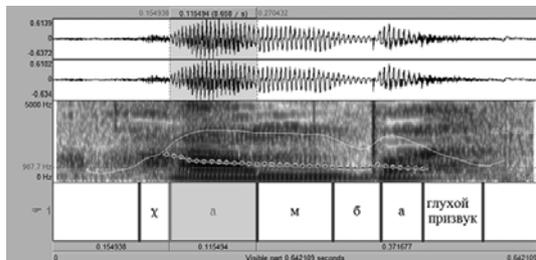

Рис. 6Я

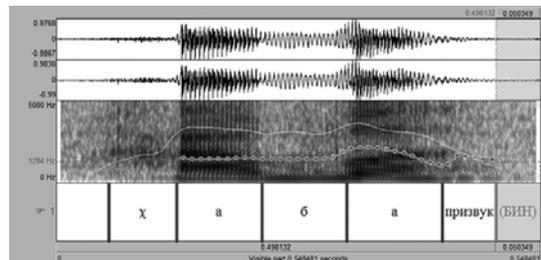

Рис. 6К

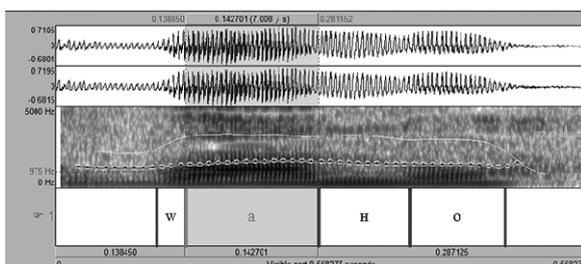

Рис. 7Я

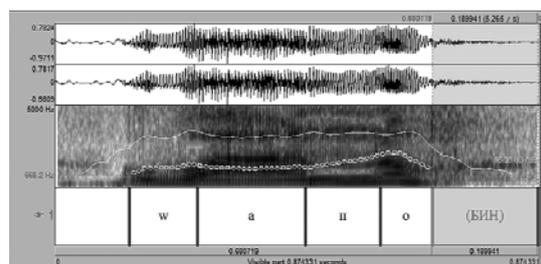

Рис. 7К

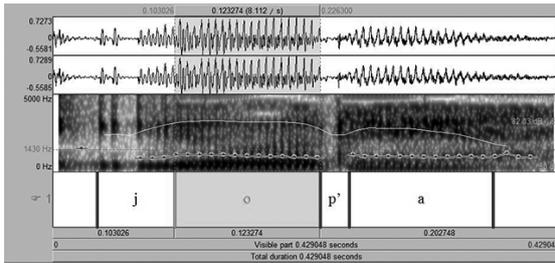

Рис. 19Я

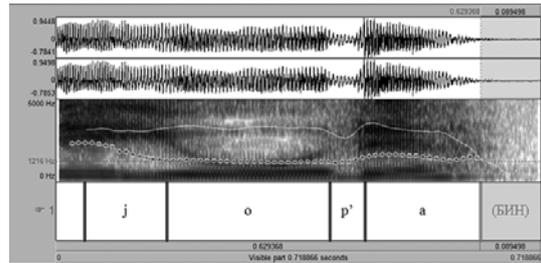

Рис. 19К

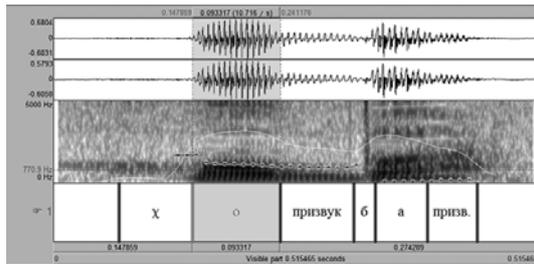

Рис. 20Я

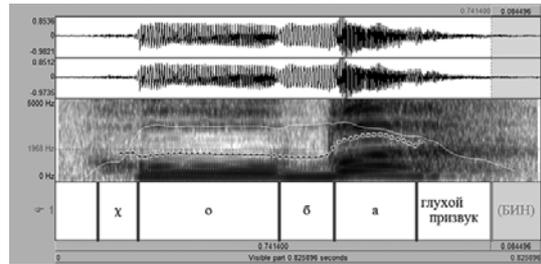

Рис. 20К

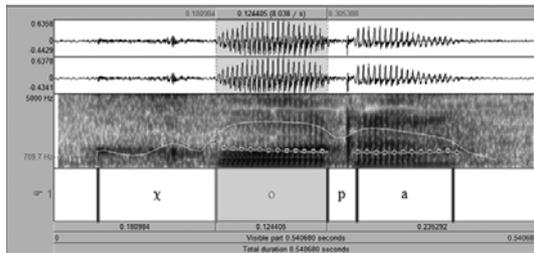

Рис. 22Я

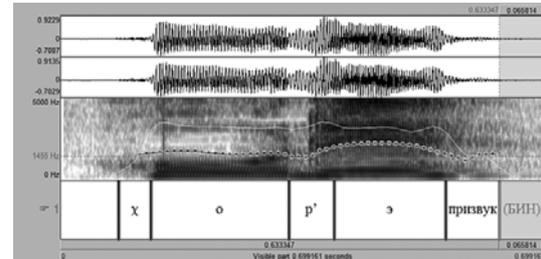

Рис. 22К

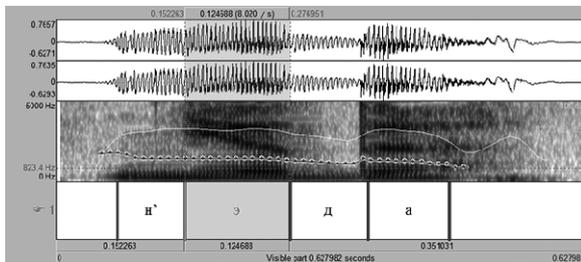

Рис. 24Я

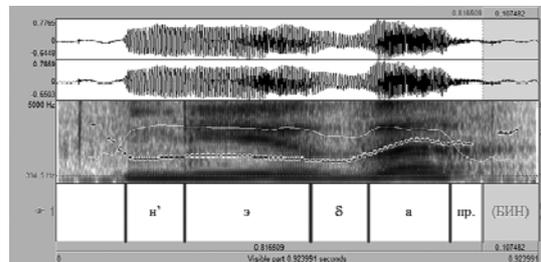

Рис. 24К

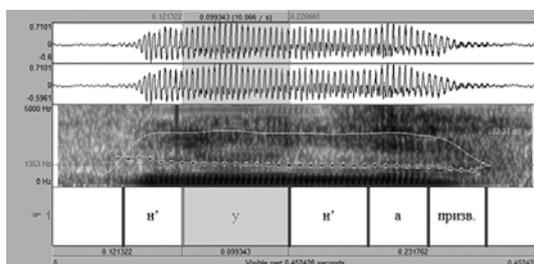

Рис. 31Я

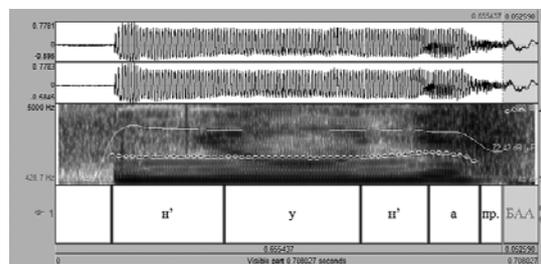

Рис. 31К

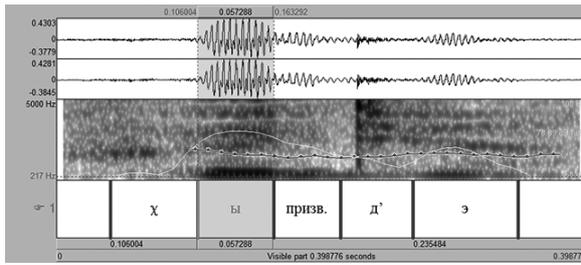

Рис. 35Я

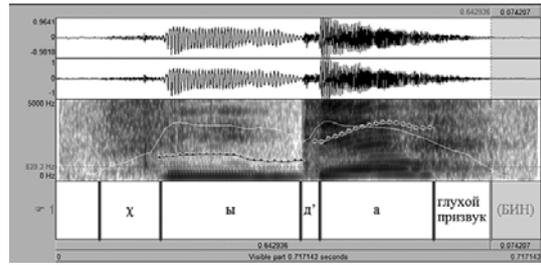

Рис. 35К

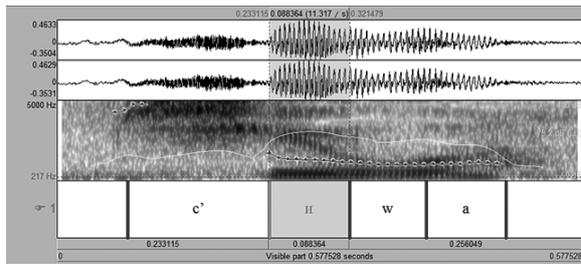

Рис. 37Я

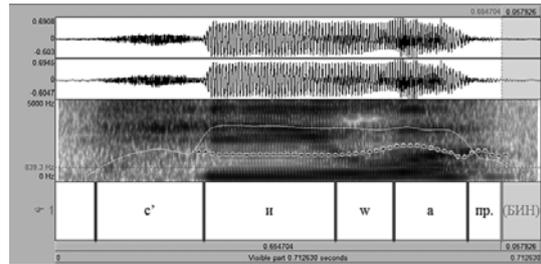

Рис. 37К

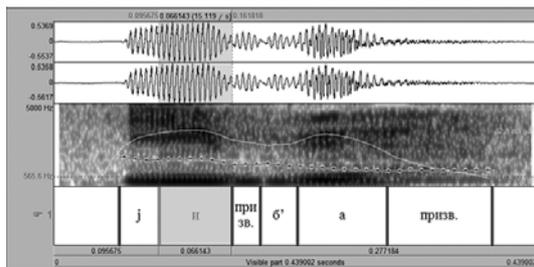

Рис. 38Я

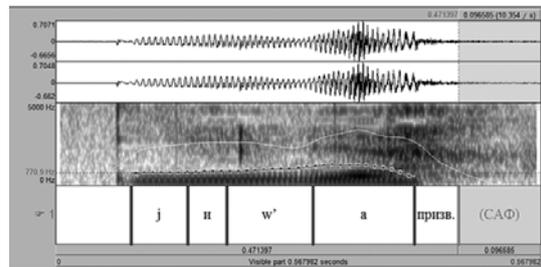

Рис. 38К

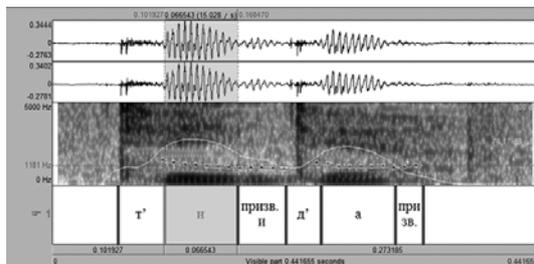

Рис. 41Я

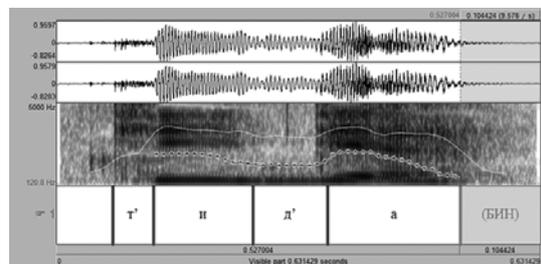

Рис. 41К

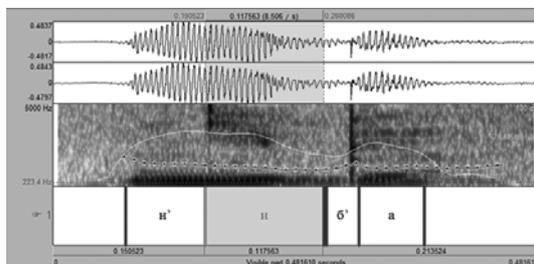

Рис. 45Я

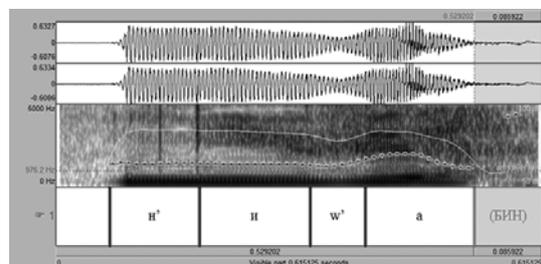

Рис. 45К

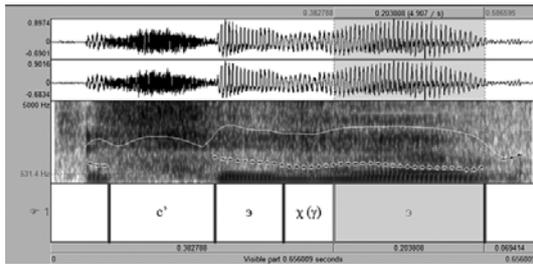

Рис. 54Я

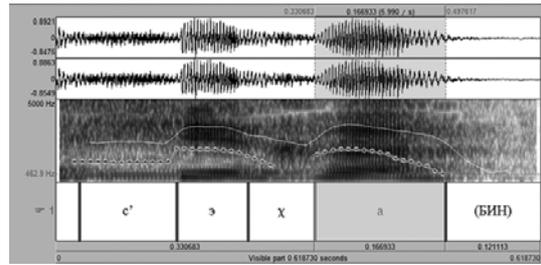

Рис. 54К

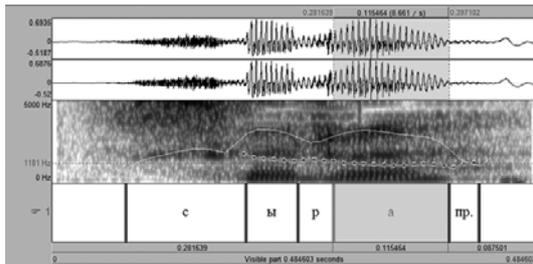

Рис. 57Я

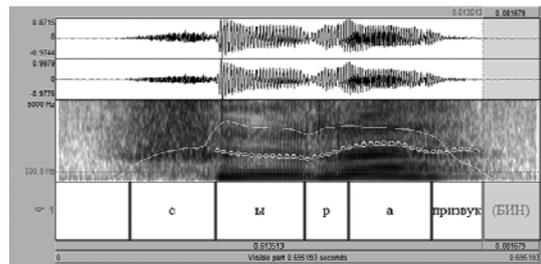

Рис. 57К

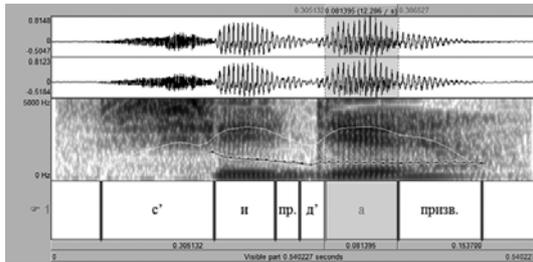

Рис. 59Я

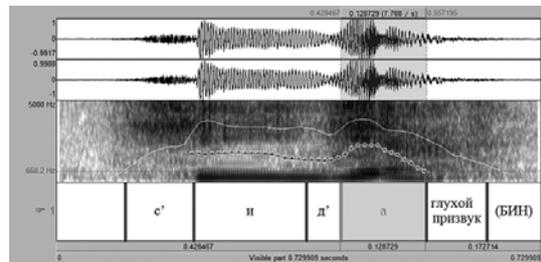

Рис. 59К

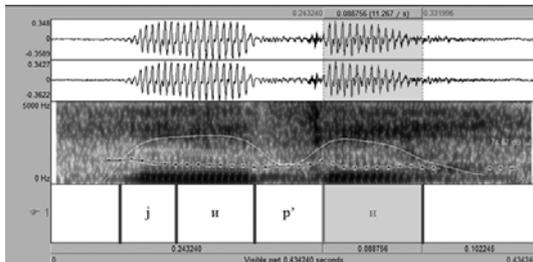

Рис. 60Я

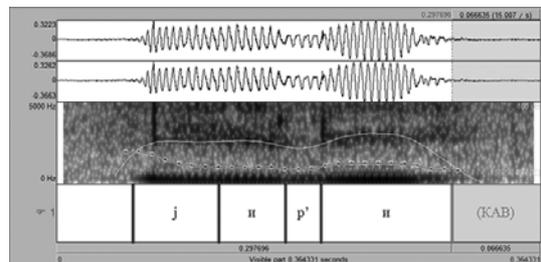

Рис. 60К

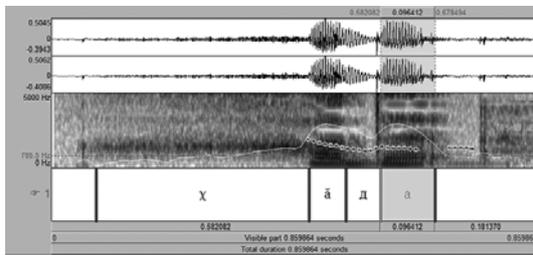

Рис. 64Я

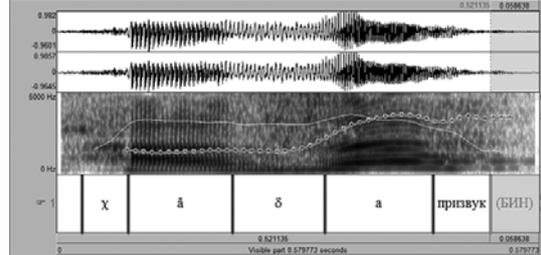

Рис. 64К

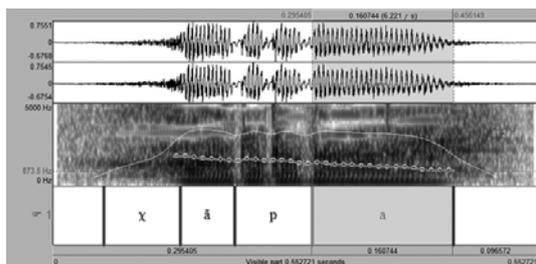

Рис. 65Я

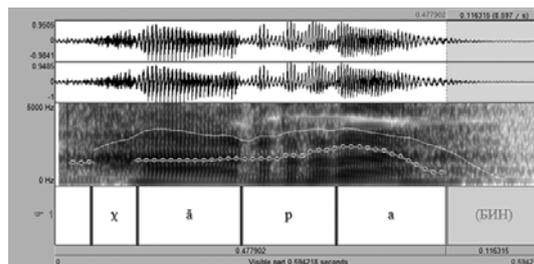

Рис. 65К

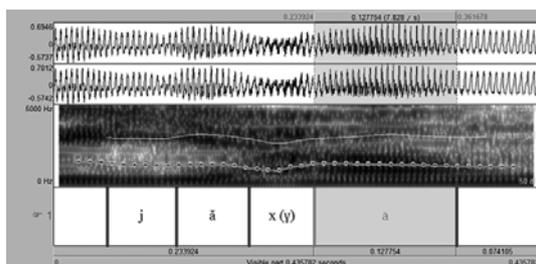

Рис. 67Я

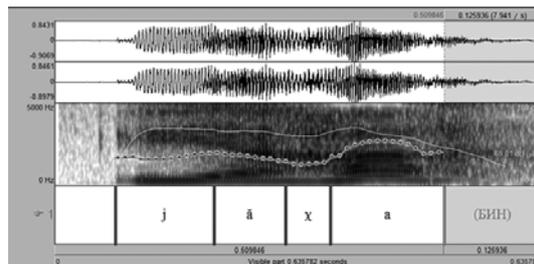

Рис. 67К

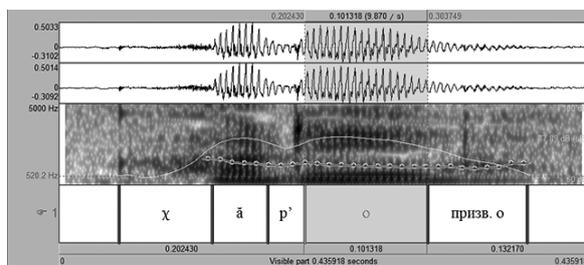

Рис. 70Я

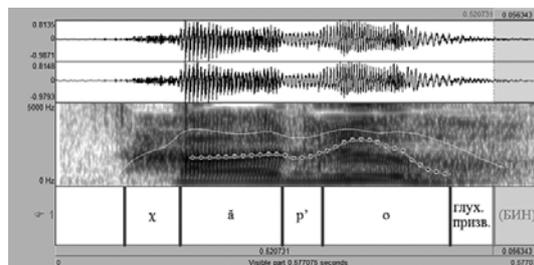

Рис. 70К

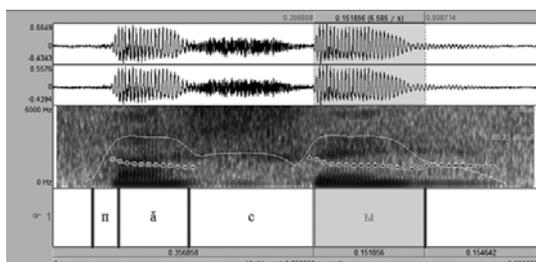

Рис. 74Я.

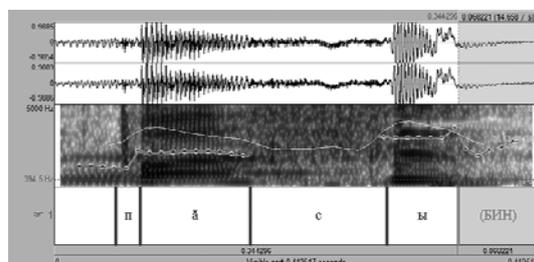

Рис. 74К

IV. Результаты исследования

Обобщая данные, представленные выше в сопоставительной таблице, можно прийти к следующим выводам.

1) Акустические характеристики ударения непроезводных (и производных на ПС уровне) двусложных имен в ямальском говоре ненецкого языка.

1. Акустические характеристики гласных непроезводных (и производных на ПС уровне) двусложных имен, в которых ударение падает на **первый слог**.

а) Слова с **á** в первом слоге (1Я—17Я): *á—a* (*CáCa*, *CáCCa*), *á—o* (*CáCo*), *á—э* (*CáCэC*), *á—y* (*CáCy*), *á—ы* (*CáCы*), *á—я* (*CáCяCC*). Длительность ударного гласного превышает длительность безударного: ДУ > ДБ, Д1 > Д2 обычно на 0,02—0,1 сек. и даже иногда на 0,15 сек. Интенсивность ударного гласного превышает интенсивность безударного: ИУ > ИБ, И1 > И2 хотя бы на 1—2 дБ, но чаще на 3—5 дБ. Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТУ ≥ ЧОТЬ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

б) Слова с *ó* в первом слоге (18Я—22Я): *ó—a* (*CóCa*, *CóCCaC*). Длительность ударного гласного превышает длительность безударного: ДУ > ДБ, Д1 > Д2 обычно на 0,02—0,04 сек. Интенсивность ударного гласного превышает интенсивность безударного: ИУ > ИБ, И1 > И2 на 2—5 дБ. Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТУ ≥ ЧОТБ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2. Следует, однако, отдельно рассмотреть слово 21Я *jómʒ'aʔ* структуры *CóCCaC*, в котором Д1 > Д2 (на 0,02 сек.), а И1 < И2 (правда, незначительно — меньше, чем на 1дБ) и ЧОТ1 < ЧОТ2 (на 33 Гц) — под влиянием последующего гортанного смычного.

в) Слова с *é* в первом слоге (23Я—30Я, 47Я): *é—a* (*CéCa*, *CéCCa*), *é—o* (*CéCo*). Длительность ударного гласного превышает длительность безударного: ДУ > ДБ, Д1 > Д2 обычно на 0,02—0,03 сек., если широкий гласный *a* не произносится протяжно. Интенсивность ударного гласного превышает интенсивность безударного: ИУ > ИБ, И1 > И2 на 1—2 дБ или чаще на 3—5 дБ. Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТУ ≥ ЧОТБ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

г) Слова с *ý* в первом слоге (31Я—34Я): *ý—a* (*CýCa*, *CýCCa*), *ý—ы* (*CýCy*), *ý—u* (*CýCuC*). Длительность ударного гласного 1) может превышать длительность безударного: ДУ > ДБ, Д1 > Д2 на 0,03—0,04 сек. (как в словах 31Я *n'ún'a* и 33Я *núly*), если ударный гласный *y* (возможно, *y̆*) дифтонгоидного происхождения, т. е. этимологически долгий (< *ПС *uā*); 2) может быть меньше длительности безударного гласного второго слога: ДУ < ДБ, Д1 < Д2 на 0,03—0,04 сек. (как в словах 32Я *n'úrka* и 34Я *sýjik*), если ударный гласный *y* недифтонгоидного происхождения (не из *ПС *uā*). Возможно, соотношение ДУ и ДБ зависит также и от структуры слова: ДУ > ДБ при *CVCV* (31Я, 33Я), ДУ < ДБ при *CVCCV* и *CVVCV* (32Я, 34Я). Интенсивность ударного гласного всегда превышает интенсивность безударного: ИУ > ИБ, И1 > И2 обычно на 3—4 дБ. Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТУ ≥ ЧОТБ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

д) Слова с *ý* в первом слоге (35Я, 36Я): *ý—a* (*CýCa*). Длительность ударного гласного меньше длительности безударного гласного: ДУ < ДБ, Д1 < Д2, т. к. узкий гласный *y* (верхнего подъема) всегда короче широкого *a* (нижнего подъема). Интенсивность ударного гласного превышает интенсивность безударного: ИУ > ИБ, И1 > И2 хотя бы на 2 дБ, но может и больше (например, на 10 дБ в слове 35Я *xyíd'a*, где редукция гласного конечного открытого слога в позиции после мягкого согласного очень велика). Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТУ ≥ ЧОТБ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

е) Слова с *ú* в первом слоге (37Я—44Я): *ú—a* (*CúCa*, *CúCCa*). Длительность ударного гласного 1) часто количественно совпадает с длительностью безударного: ДУ = ДБ, Д1 = Д2 (например, в словах 37Я *s'úwa*, 40Я *m'úb'a*, 41Я *m'úd'a*); или 2) даже может быть меньше ее: ДУ < ДБ, Д1 < Д2 на 0,01—0,02 сек. (как в словах 38Я *júb'a*, 39Я *jún'a* структуры *CVCV*) или на 0,03—0,04 сек. (как в словах 42Я *n'úk'č'a*, 43Я *n'úr'č'a* структуры *CVCCV*), т. к. узкий гласный *u* по своей природе короче широкого *a*. Интенсивность ударного гласного значительно превышает интенсивность безударного: ИУ > ИБ, И1 > И2 обычно на 4—6 дБ. Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТУ ≥ ЧОТБ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2. В последовательности *ú—u* (*CúCu*): ДУ = ДБ, Д1 = Д2; ИУ > ИБ, И1 > И2 (на 7 дБ).

ж) Слова с *ĩ* в первом слоге (45Я, 46Я): *ĩ—a* (*CĩCa*), *ĩ—o* (*CĩCo*). Длительность ударного гласного превышает длительность безударного: ДУ > ДБ, Д1 > Д2 обычно на 0,01—0,05 сек. Интенсивность ударного гласного превышает интенсивность безударного: ИУ > ИБ, И1 > И2 на 2—6 дБ. Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТУ ≥ ЧОТБ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2. Гласный *ĩ* является этимологически долгим — он произошел из ПС дифтонга **ej*.

Таким образом, интенсивность ударного гласного звука первого слога в Т ямал. всегда превышает интенсивность безударного гласного второго слога — вне зависимости от ряда и подъема самих гласных, а также от фонетической структуры целого слова. Этот акустический признак можно считать доминирующим и наиболее релевантным параметром при определении места и характера ударения в Т ямал., которое является, в первую очередь, экспираторным.

Длительность ударного гласного звука первого слога в Т ямал. превышает длительность безударного гласного второго слога в следующих случаях:

(1) если гласный 1С не является узким (верхнего подъема) — *a*, *э* или *o*;

(2) если гласный 1С является реализацией этимологически долгой фонемы (дифтонгоидного происхождения) — *ĩ* < ПС **ej* или *y* (возможно, *y̆* — вопрос о фонологическом статусе требует дальнейшего рассмотрения) < *ПС *uā*.

Длительность ударного гласного звука 1С может количественно совпадать или даже быть меньше длительности безударного 2С, если гласный 1С является узким (верхнего подъема) — *u*, *ы*, *y* (не из *ПС *uā*). Длительность является вторым релевантным признаком для определения места ударения в Т ямал., что позволяет говорить об экспираторно-квантитативном характере ударения в этом диалекте.

2. Акустические характеристики гласных непроезводных (и производных на ПС уровне) двусложных имен, в которых ударение падает на **второй слог**.

а) **Слова с а в первом слоге** (48Я, 49Я): *a—á* (*CaCCáC*, *CaCáCC*). Длительность ударного гласного второго слога 1) может превышать длительность безударного: ДБ < ДУ, Д1 < Д2 (например, в слове 49Я *χajárp*); или 2) быть меньше ее: ДБ > ДУ, Д1 > Д2 (слово 48Я *χалм'árp*). Интенсивность ударного гласного 1) может немного (на 1—2 дБ) превышать интенсивность безударного: ИБ < ИУ, И1 < И2 (слово 48Я *χалм'árp*); или 2) может количественно совпадать с ней: ИБ = ИУ, И1 = И2 (слово 49Я *χajárp*). Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

б) **Слова с э в первом слоге** (50Я): *э—ó* (*CэCó*). Длительность ударного гласного второго слога превышает длительность безударного: ДБ < ДУ, Д1 < Д2 на 0,05 сек. Интенсивность ударного гласного незначительно уступает интенсивности безударного: ИБ > ИУ, И1 > И2 на 1 дБ, т. е. почти количественно совпадает с ней. Тон ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

в) **Слова с о в первом слоге** (51Я—53Я): *о—ó* (*CoCó*), *о—ó* (*CoCэ*). Длительность ударного гласного второго слога превышает длительность безударного: ДБ < ДУ, Д1 < Д2 на 0,04—0,08 сек. Интенсивность ударного гласного 1) может превышать интенсивность безударного: ИБ < ИУ, И1 < И2 (например, на 6 дБ в слове 51Я *соχó*); или 2) количественно может почти совпадать с ней: ИБ = ИУ, И1 = И2 (слово 52Я *ноχó*). Тон ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

г) **Слова с э в первом слоге** (54Я): *э—э́* (*CэCэ́*). Длительность ударного гласного второго слога значительно (более 0,1 сек.) превышает длительность безударного: ДБ < ДУ, Д1 < Д2. Интенсивность безударного гласного первого слога может незначительно (на 0,5 дБ) превышать интенсивность ударного гласного второго слога, т. е. почти количественно совпадает с ней: ИБ = ИУ, И1 = И2. Тон ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

д) **Слова с у в первом слоге** (55Я, 56Я): *у—ó* (*CyCó*), *у—у́* (*CyCýC*). Длительность ударного гласного второго слога значительно (на 0,06—0,07 сек.) превышает длительность безударного: ДБ < ДУ, Д1 < Д2. Интенсивность безударного гласного первого слога 1) количественно почти совпадает с интенсивностью ударного гласного второго слога: ИБ = ИУ, И1 = И2 (слово 56Я *нуχó*); или 2) уступает ей: ИБ < ИУ, И1 < И2 (например, на 2 дБ в слове 55Я *jur'ó*). Тон ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

е) **Слова с ы в первом слоге** (57Я, 58Я): *ы—á* (*CыCá*), *ы—э́* (*CыCэ́C*). Длительность ударного гласного второго слога значительно (на 0,06 сек.) превышает длительность безударного: ДБ < ДУ, Д1 < Д2 (слово 57Я *сырá*). Однако длительность ударного гласного может и совпадать количественно с длительностью безударного: ДБ = ДУ, Д1 = Д2, если после гласного второго слога следует гортанный смычный согласный, перед которым все гласные звуки произносятся более кратко (слово 58Я *тыðэ́*). Интенсивность безударного гласного первого слога почти количественно совпадает с интенсивностью ударного гласного второго слога: ИБ = ИУ, И1 = И2. Тон ровный (слово 57Я *сырá*) или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2. Однако в словах с гортанным смычным после ударного гласного возможно повышение тона: ЧОТБ < ЧОТУ, ЧОТ1 < ЧОТ2.

ж) **Слова с и в первом слоге** (59Я, 60Я): *и—á* (*CиCá*), *и—и́* (*CиCи́*). Длительность ударного гласного второго слога превышает длительность безударного: ДБ < ДУ, Д1 < Д2 на 0,02 сек. В последовательности *и—á* (*CиCá*) интенсивность безударного гласного первого слога и ударного гласного второго количественно почти совпадают: ИБ = ИУ, И1 = И2 (слово 59Я *с'иð'á*). В последовательности *и—и́* (*CиCи́*) интенсивность безударного гласного может быть несколько больше: ИБ > ИУ, И1 > И2 (слово 60Я *jur'и́*). Тон ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

з) **Слова с ä в первом слоге** (61Я—80Я): *ä—á* (*CäCá*, *CäCCá*), *ä—ó* (*CäCó*, *CäCCó*), *ä—э́* (*CäCCэ́*, *CäCэ́C*), *ä—и́* (*CäCи́*), *ä—ä́* (*CäCä́*, *CäCä́CC*, *CäCCä́C*). Длительность ударного гласного второго слога значительно превышает длительность безударного первого слога: ДБ < ДУ, Д1 < Д2 обычно на 0,03—0,06 сек., но может и на 0,08—0,1 сек. Интенсивность ударного и безударного гласных обычно совпадает: ИБ = ИУ, И1 = И2 в словах 61Я, 64Я, 65Я, 67Я, 68Я, 72Я, 73Я, 74Я, 75Я, 79Я. Кроме того, интенсивность безударного гласного первого слога 1) может незначительно (обычно на 1—2 дБ) превышать интенсивность ударного гласного второго слога: ИБ > ИУ, И1 > И2 (слова 63Я, 71Я, 77Я, 78Я, 80Я); или 2) немного (на 1—3 дБ) уступать ей количественно: ИБ < ИУ, И1 < И2 (слова 66Я, 69Я, 70Я, 76Я). Тон обычно ровный или с небольшим понижением на втором слоге; колебания по ЧОТ незначительны: ЧОТБ ≥ ЧОТУ, ЧОТ1 ≥ ЧОТ2.

Таким образом, в Т ямал. длительность ударного гласного звука второго слога обычно превышает длительность безударного гласного первого слога, а интенсивность ударного гласного второго слога может не только незначительно превышать интенсивность безударного, но и, как правило, количественно совпадать с ней и даже быть немного меньше ее.

Это обусловлено тем, что в уральских языках первый слог фонетического слова обычно произносится с большей интенсивностью, чем остальные. Эта просодическая особенность способствует тому, что в Т ямал. для ударного гласного второго слога релевантным параметром оказывается в первую очередь длительность, а не интенсивность, так как экспираторное (интенсивностное) выделение первого (даже безударного слога) всегда значительно.

Частота основного тона практически не изменяется на всем протяжении слова в Т ямал., т. е. тон остается ровным или характеризуется небольшим понижением на втором слоге, что свидетельствует о нерелевантности тоновых характеристик для определения ударения в этом диалекте.

Подводя итог, можно сказать, что ударение в Т ямал. является экспираторно-квантитативным.

2) Акустические характеристики ударения непроезженных (и произведенных на ПС уровне) двусложных имен в канинском говоре ненецкого языка.

1. Акустические характеристики гласных непроезженных (и произведенных на ПС уровне) двусложных имен в Т канин., которые имеют **соответствия** в Т ямал. с ударением на **первом слоге**.

а) **Слова с а в первом слоге** (1К—7К, 14К—17К, 47К): *a—a* (CaCa), *a—o* (CaCo, CaCCo), *a—э* (CaCэC), *a—y* (CaCCy), *a—ы* (CaCCы). Длительность гласного первого слога значительно превышает длительность гласного второго слога: $D_1 > D_2$ обычно на 0,1 сек. и более (иногда на 0,17 сек.), реже на 0,05—0,06 сек. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница обычно укладывается в пределы 1—2 дБ). Тон резко повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ обычно на 60—90 Гц (иногда более, чем на 100 Гц), реже на 40—50 Гц.

Исключение здесь составляют слова 17К *najды* и 47К *n'ака*, в которых тон значительно понижается на открытом конечном слоге. В слове 17К *najды* с этим также коррелирует меньшая длительность и интенсивность первого слога: $D_1 < D_2$ на 0,03 сек., $I_1 < I_2$ на 6 дБ. Возможно, эти просодические явления находятся в зависимости от фонетической структуры этого слова *CVCCV*. Что касается слова 47К *n'ака*, то оно почти совсем не употребляется современными носителями Т канин. (по крайней мере, говора с. Ома).

б) **Слова с о в первом слоге** (18К—20К, 22К): *o—a* (CoCa), *o—э* (CoCэ). Длительность гласного первого слога значительно превышает длительность гласного второго слога: $D_1 > D_2$ на 0,08—0,1 сек. и более (иногда на 0,17 сек.). Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница $I_1 < I_2$ обычно укладывается в пределы 2 дБ). Тон резко (иногда более, чем на 100 Гц) повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$.

в) **Слова с э в первом слоге** (23К—28К, 30К): *э—a* (CэCa), *э—o* (CэCo). Длительность гласного первого слога значительно превышает длительность гласного второго слога: $D_1 > D_2$ на 0,09—0,12 сек., реже на 0,05—0,06 сек. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет не более 1 дБ). Тон резко (иногда более, чем на 100 Гц) повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$.

г) **Слова с у в первом слоге** (31К—34К): *y—a* (CyCa, CyCCa), *y—ы* (CyCy), *y—и* (CyCuC). Длительность гласного первого слога значительно превышает длительность гласного второго слога: $D_1 > D_2$ на 0,05—0,13 сек. Интенсивность гласных первого и второго слога обычно количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет, как правило, не более 1 дБ). Тон резко повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 30—50 Гц.

д) **Слова с ы в первом слоге** (35К, 36К): *ы—a* (CyCa), *ы—и* (CyCuC). Длительность гласного первого слога 1) может превышать длительность гласного второго слога: $D_1 > D_2$ на 0,04 сек. (например, в слове 35К *хыд'а*); или 2) может количественно уступать ей: $D_1 < D_2$ на 0,03 сек. (например, в слове 36К *тыжик*). Возможно, существует корреляция между $D_1 < D_2$ и фонетической структурой *CVCCV*. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно не отличается: $I_1 = I_2$. Тон резко повышается на конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 80 и более Гц.

е) **Слова с и в первом слоге** (37К—46К): *и—a* (CuCa, CuCCa), *и—и* (CuCu, CuCuC). В большинстве случаев длительность гласного первого слога превышает длительность гласного второго слога: $D_1 > D_2$ на 0,03—0,1 сек.; однако возможно также $D_1 < D_2$ (слова 38К, 41К). Интенсивность гласных первого и второго слога обычно количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$. Тон резко повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 40—70 Гц.

Таким образом, в Т канин. длительность гласного первого слога превышает длительность гласного второго слога в тех канинских словах, ямальские соответствия которых имеют ударение на первом сло-

ге. Исключение здесь составляют имена с узкими гласными первого слога *и* и *ы*, длительность которых может быть меньше длительности широкого гласного *а* во втором слоге. Различия в интенсивности гласных первого и второго слога в Т канин. нерелевантны. Частота основного тона гласного второго слога в Т канин. обычно значительно выше ЧОТ гласного первого слога, т. е. повышение тона, как правило, происходит на конечном открытом слоге двусложного фонетического слова.

Подводя итог, можно заключить, что система ударения в Т канин. основывается не только на количественном параметре, но и на тоновых (тональных) признаках; кроме того, ударение в Т канин. не сопровождается экспираторным (интенсивностным) выделением.

2. Акустические характеристики гласных непроезводных (и производных на ПС уровне) двусложных имен в Т канин., которые имеют соответствия в Т ямал. с ударением на втором слоге.

а) **Слова с *а* в первом слоге** (49К): *а—а* (*СаСаСС*). Длительность гласного второго слога немного превышает длительность гласного первого слога: $D_1 < D_2$ на 0,01 сек. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет не более 1,5 дБ). Тон резко повышается на конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 40 Гц.

б) **Слова с *э* в первом слоге** (50К): *э—о* (*эСо*). Длительность гласного первого слога значительно превышает длительность гласного второго слога: $D_1 > D_2$ на 0,12 сек., что может быть связано с отсутствием *у* перед гласным *и* в Т канин. (в начальной позиции гласные звуки в этом диалекте произносятся долго). Таким образом, этот единственный пример (слово 50К) является спорным. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет не более 1 дБ). Тон повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 20 Гц.

в) **Слова с *о* в первом слоге** (52К, 53К): *о—о* (*СоСо*), *о—ы* (*СоСыС*). Длительность гласного второго слога превышает длительность гласного первого слога: $D_1 < D_2$ на 0,02—0,08 сек. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет не более 2 дБ). Тон резко повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 40 Гц (слово 52К *нохо*). Однако в слове 53К *юны?* наблюдается понижение тона, что может быть связано как с низкой употребительностью этого имени в живой современной речи, так и фонетической структурой самого слова (*СVCVC* с гортанным смычным согласным в конечной позиции).

г) **Слова с *э* в первом слоге** (54К): *э—а* (*СэСа*). Длительность гласного второго слога превышает длительность гласного первого слога: $D_1 < D_2$ на 0,07 сек. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет не более 2 дБ). Тон резко повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 40 Гц.

д) **Слова с *ы* в первом слоге** (57К): *ы—а* (*СыСа*). Длительность гласного второго слога превышает длительность гласного первого слога: $D_1 < D_2$. Интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет не более 2 дБ). Тон резко повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 60 Гц.

е) **Слова с *и* в первом слоге** (59К, 60К): *и—а* (*СиСа*), *и—и* (*СиСи*). Длительность гласного второго слога превышает длительность гласного первого слога: $D_1 < D_2$. В слове 59К *с'ид'а* интенсивность гласных первого и второго слога количественно почти не отличается: $I_1 = I_2$ (разница между I_1 и I_2 составляет не более 0,5 дБ). Однако в последовательности с одинаковыми гласными *и—и* (слово 60К *јур'и*) $I_1 < I_2$ на 4 дБ. Тон резко повышается на открытом конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 30—70 Гц.

ж) **Слова с *я* в первом слоге** (61К—67К, 69К—71К, 73К—80К): *я—а* (*СяСа, СяССа*), *я—о* (*СяСо, СяССо*), *я—э* (*СяСэС, СяСэСС*), *я—ы* (*СяСы*), *я—я* (*СяСя, СяСяС*). Длительность гласного второго слога в большинстве случаев превышает длительность гласного первого слога: $D_1 < D_2$. Интенсивность гласных первого и второго слога может количественно почти не отличаться: $I_1 = I_2$ (слова 61К, 65К, 70К, 78К); возможны также варианты: $I_1 < I_2$ (слова 64К, 67К, 69К, 74К), $I_1 > I_2$ (слова 63К, 77К, 79К). Тон, как правило, резко повышается на конечном (втором) слоге: $ЧОТ_1 < ЧОТ_2$ на 30—80 Гц (иногда на 100 и более Гц). Исключение составляет малоупотребительное (было произнесено лишь одним информантом — ВПВ) слово 75К *хялы*, в котором (в произнесении ВПВ) тон понижается на открытом конечном (втором) слоге.

Здесь следует оговорить, что фонема */я/* в канинском диалекте значительно превышает по длительности */я/* в ямальском. Так, в Т канин. ее длительность в первом слоге фонетического слова обычно колеблется в пределах 0,08—0,12 сек. (сред. 0,105 сек.), что по Д почти соотносится с */а/* в Т ямал. (обычно 0,1—0,15 сек.; сред. 0,13 сек.). Ср. длительность */я/* в Т ямал. — обычно 0,05—0,06 сек. (сред. 0,058 сек.). Однако длительность фонемы */а/* в Т канин. сильно превышает длительность */я/*: так, Д */а/* в первом слоге фонетического слова обычно колеблется в пределах 0,17—0,24 сек. (сред. 0,193 сек.), что может говорить о количественном выделении начального слога в канинском диалекте, которое нетипично для ямальского (однако и во 2С *я* в Т канин. произносится с большей длительностью, чем в Т ямал.).

Таким образом, в Т канин. длительность гласного первого слога уступает в количественном отношении длительности гласного второго слога в тех канинских словах, ямальские соответствия которых имеют ударение на втором слоге. Различия в интенсивности гласных первого и второго слога в Т канин. для определения ударения нерелевантны. Частота основного тона гласного второго слога в Т канин. значительно выше ЧОТ гласного первого слога, т. е. повышение тона происходит на конечном (часто открытом) слоге двусложного фонетического слова.

Подводя итог, можно заключить, что ударение в Т канин. не является экспираторно-квантитативным (в отличие от ударения в Т ямал.), т. к. показатели интенсивности гласных первого и второго слогов обычно совпадают или различаются очень незначительно (на 1—2 дБ). Длительность гласного первого слога в Т канин. обычно значительно (часто более, чем на 0,1 сек.) превышает длительность гласного второго слога, а также длительность гласного первого слога в тех же словах в Т ямал., что дает возможность говорить о квантитативном выделении гласного звука начального слога фонетического слова в Т канин. Частота основного тона в Т канин. значительно (чаще на 70—100 Гц, но может также более, чем на 150—190 Гц) повышается на гласном звуке второго слога в словах разных фонетических структур (часто *CVCV*), что свидетельствует о тоновом (тональном) выделении гласного звука конечного слога в бисиллабических фонетических словах (часто с открытым начальным слогом). Вопрос о природе ударения в Т канин. требует дальнейшего изучения.

V. Заключительная часть: общие выводы

Основные различия в релевантности просодических средств для выделения ядра фонетического слова в ямальском и канинском диалектах Т ненец. могут быть обобщены в таблице на с. 33.

Соотношение средней длительности (в секундах) ударных и безударных гласных первого слога в ямальском и канинском диалектах ненецкого языка представлено в следующей таблице.

V	ямальский диалект		канинский диалект	
	под ударением	без ударения	ямал. соотв. под ударением	ямал. соотв. без ударения
<i>a</i>	0,130	0,103	0,193	0,126
<i>э</i>	нет данных (—)	0,094	нет данных (—)	(0,240 в начальной позиции — без <i>y</i>)
<i>o</i>	0,114	0,073	0,229	0,100
<i>э</i>	0,105	0,093	0,204	0,091
<i>y</i>	0,074	0,064	0,161	нет данных
\bar{y} < ПС * <i>uā</i>	0,120	—	—	—
<i>ы</i>	0,062	0,052 (без спорных случаев)	0,141	0,128
<i>и</i>	0,078	0,069	0,153	0,110
\bar{i} < ПС * <i>ej</i>	0,108	—	—	—
\check{a}	—	0,058	—	0,105

Подводя итог всему вышесказанному, можно перечислить основные различия в просодических средствах акцентного выделения ядра фонетического слова в канинском и ямальском диалектах.

1. **Квантитативному выделению первого слога фонетического слова в канинском диалекте соответствует экспираторно-квантитативное ударение на первом слоге в ямальском.** Первый слог фонетического слова в Т канин. не выделен квантитативно (длительность гласного второго слога превышает длительность гласного первого слога), если в Т ямал. ударение падает на второй слог.

Средняя длительность гласных звуков первого слога в Т канин. значительно (обычно на 0,08—0,1 сек. в ударной позиции, по данным Т ямал., и на 0,02—0,04 сек. — в безударной) превышает среднюю длительность гласных первого слога в Т ямал.

Наиболее длительными гласными первого слога в Т ямал. являются широкие *a*, *o* и узкие долгие \bar{i} и \bar{y} (<ПС **uā*), в Т канин. — *a*, *o* и *э* (фонемы \bar{i} и \bar{y} в Т канин., видимо, отсутствуют — этот вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении). Наиболее краткими гласными первого слога в обоих диалектах являются узкие *y*, *ы*, *и*.

гласный 1С — гласный 2С	ямальский диалект		канинский диалект	
ударение на первом слоге (по данным Т ямал.)				
слова с <i>a</i> в первом слоге <i>a—a, a—o, a—э,</i> <i>a—y, a—ы, a—ă</i>		Д1 > Д2 И1 > И2 ЧОТ1 => ЧОТ2	Д1 > Д2 И1 = И2 ЧОТ1 < ЧОТ2	
слова с <i>o</i> в первом слоге <i>o—a</i> (+ Т канин. <i>o—э</i>)				
слова с <i>э</i> в первом слоге <i>э—a, э—o</i>				
слова с <i>y</i> в первом слоге <i>y—a, y—ы, y—и</i>	Д1 > Д2 (если <i>y/ŷ</i> из *ПС <i>иă</i>) // Д1 < Д2 (если <i>y</i> не из *ПС <i>иă</i>) И1 > И2 ЧОТ1 => ЧОТ2			
слова с <i>ы</i> в первом слоге <i>ы—a</i> (+ Т канин. <i>ы—и</i>)	Д1 < Д2 И1 > И2 ЧОТ1 => ЧОТ2		Д1 > < Д2 И1 = И2 ЧОТ1 < ЧОТ2	
слова с <i>и</i> в первом слоге <i>и—a, и—и</i>				
слова с <i>ï</i> в первом слоге <i>ï—a, ï—o</i>	Д1 > Д2 И1 > И2 ЧОТ1 => ЧОТ2			—
ударение на втором слоге (по данным Т ямал.)				
слова с <i>a</i> в первом слоге <i>a—э</i> (+ Т канин. <i>a—a</i>)	Д1 < Д2 ЧОТ1 = ЧОТ2	И1 = И2	Д1 < Д2 ЧОТ1 < ЧОТ2	И1 = И2
слова с <i>э</i> в первом слоге <i>э—o</i>			(—)*	
слова с <i>o</i> в первом слоге <i>o—o</i> (+ Т ямал. <i>o—э</i> , Т канин. <i>o—ы</i>)		И1 < / = И2	Д1 < Д2 ЧОТ1 < ЧОТ2	И1 = И2
слова с <i>э</i> в первом слоге Т ямал. <i>э—э</i> , Т канин. <i>э—a</i>		И1 = И2	нет данных	
слова с <i>y</i> в первом слоге <i>y—o, y—y</i>			Д1 < Д2 ЧОТ1 < ЧОТ2	И1 = И2
слова с <i>ы</i> в первом слоге <i>ы—a, ы—э</i>				И1 = И2
слова с <i>и</i> в первом слоге <i>и—a</i> <i>и—и</i>				И1 < И2
слова с <i>ă</i> в первом слоге <i>ă—a, ă—o, ă—э, ă—ы, ă—ă</i>		И1 < / = / > И2		И1 < / = / > И2

2. Частота основного тона в канинском диалекте обычно повышается на втором (конечном) слоге двусложного (бисиллабического) фонетического слова (часто структуры *CVCV*). В ямальском диалекте тон, как правило, остается ровным на протяжении всего слова.

3. Признак интенсивности нерелевантен при определении ударения в канинском диалекте: все гласные звуки фонетического слова произносятся примерно с одинаковой интенсивностью. В ямальском диалекте ударный гласный выделяется с помощью признака интенсивности: если ударение падает на первый слог, то интенсивность гласного 1С обычно значительно превосходит интенсивность гласного 2С; если ударение падает на второй слог, то числовые показатели интенсивности гласных 1С и 2С количественно почти совпадают, т. к. гласный звук начального слога фонетического слова в Т ямал. обычно несет на себе экспираторное выделение.

4. Ударение в ямальском диалекте экспираторно-квантитативное:

а) оба признака длительности и интенсивности одинаково релевантны в последовательностях, где оба гласных 1С и 2С широкие (неверхнего подъема) — *a, o, э*;

б) признак интенсивности выходит на первый план в последовательностях, где гласный 1С узкий (верхнего подъема) — *y, ы, и*, а 2С — широкий (неверхнего подъема);

в) признак длительности превалирует над признаком интенсивности в последовательностях с кратким гласным 1С (ǎ) и нейтральным по долготе широким гласным 2С.

Ударение в канинском диалекте не является экспираторно-квантитативным, акцентную систему Т канин. можно считать квантитативной с элементами тоновой (тональной).

Таким образом, мы видим, что акцентные системы западных и восточных диалектов тундрового наречия ненецкого языка очень сильно различаются между собой. В подтверждение этой гипотезы об отличной от восточных диалектов природе ударения западных говоров можно привести также данные П. Д. Староверова, собранные в ходе полевой работы в пос. Нельмин Нос Заполярного района Ненецкого автономного округа (Малоземельская тундра, 2003—2005 гг.; экспедиции отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством С. Г. Татевосова) и проанализированные им в работе “Vowel deletion and stress in Tundra Nenets” [Staroverov 2006], которая посвящена таким вопросам супrasegmentной фонетики одного из западных диалектов Т ненец. (малоземельского), как акустические характеристики ударения, а также условия, детерминирующие его место в фонетическом слове.

Проведенное исследование позволило П. Д. Староверову прийти к следующим выводам, касающимся акцентной системы малоземельского диалекта ненецкого языка.

1. Первый слог фонетического слова всегда выделен по признаку длительности (“word-initial lengthening”), но не маркируется ни увеличением интенсивности, ни повышением тона (что соответствует “primary stress” по Т. Салминену) [Staroverov 2006: 5—6].
2. Акустическим коррелятом ударения (просодического акцента) является повышение частоты основного тона на одном из двух первых слогов (на двух первых морях) фонетического слова (“phrase-initial high tone”, “the pitch rise”):
 - 2.1. для “lexically unaccented” фонетического слова —
 - 2.1.а. на первом слоге, если он закрытый;
 - 2.1.б. на втором слоге, если первый слог открытый;
 - 2.2. для “lexically accented” фонетического слова — на том слоге из двух первых, который имеет “prelinked tone” [Staroverov 2006: 6—7].
3. При словоизменении место ударения (повышения частоты основного тона) может смещаться на «плюсовые» суффиксы (“pitch-attracting suffixes”), если фонетическое слово “lexically unaccented”, и не может, если оно “lexically accented” [Staroverov 2006: 6—7].
4. Побочного ударения (“secondary stress”, по Т. Салминену) не засвидетельствовано [Staroverov 2006: 8].

Подводя итог своему исследованию, П. Д. Староверов характеризует акцентную систему малоземельского диалекта ненецкого языка как тональную (тоновую) с удлинением первого слога (“a pitch accent system with word-initial lengthening”), типологически близкую акцентной системе шведского языка [Staroverov 2006: 18].

Таким образом, мы видим определенное сходство между средствами выделения слога в канинском (крайнезападном) и малоземельском (западном) диалектах ненецкого языка. Возможно, что просодические средства западных тундровых говоров являются инновационными, а восточных диалектов — архаичными, однако следует подчеркнуть, что для верификации этой гипотезы необходимо дальнейшее изучение и привлечение данных по другим восточным (в частности крайневосточным) и центральному (большеземельскому) диалектам ненецкого языка.

Ср.: “The presence of pitch accent in Nenets was not reported in previous works so we can suppose that this is an innovation in the stress system of Tundra Nenets. Our hypothesis here would be that Tundra Nenets stress system gradually changes from stress described by T. Salminen to pitch accent on the first two moras. The secondary stress has probably already gone but the pitch distribution is not yet stable” [Staroverov 2006: 8]. Т. Салминен также считает западные тундровые говоры «инновационными» в области фонологии, что отличает их от «фонологически архаичных» восточных диалектов: “The most important dialect boundary follows the Pechora River and separates the phonologically innovative Western dialects from the Central-Eastern dialect group” [Salminen 1997: 14].

Одним из аргументов в подтверждение гипотезы о том, что тональная (тоновая) акцентная система (“the tonal system”) малоземельского диалекта ненецкого языка пока еще нестабильна (“not yet fixed”), является тот факт, что информанты, с которыми велась полевая работа в ходе экспедиций МГУ 2003—2005 гг., часто произносили по-разному одни и те же слова (с ровным или повышающимся тоном на одном и том же слоге, с повышением тона на разных слогах одного и того же фонетического слова и т. д.) [Staroverov 2006: 8]. Это дает возможность П. Д. Староверову прийти к выводу, что в западных диалектах ненецкого языка просодическое выделение одного слога в фонетическом слове постепенно «эволюционирует» от силового (экспираторного) к тональному (тоновому) акценту (“gradually switching from stress to pitch accent system”) [Staroverov 2006: 18].

Возможно, такого рода изменение характера просодического выделения слога в западных говорах связано также с иной, нежели в восточных диалектах, природой гортанных смычных звуков. В западных говорах, по данным [ПМА 2011; Staroverov 2006], они представляют собой “glottal approximants”, которые можно отнести к сонорным согласным, приближающимся по звучности к гласным звукам (см. рис. 4: Т канин. 49К *χajap(ə)ʔ* ‘солнце’), а в восточных, по [ПМА 2010], — к “glottal stops” (см. рис. 5: Т ямал. 49Я *χajəpʔ* ‘солнце’), степень звучности (сонорности) которых крайне низка (см. типологию гортанных согласных, “glottal consonants” в [Ladefoged, Maddieson 1996; Kavitskaya 2002]).

Можно высказать также предположение о возможной зависимости просодических изменений в западных диалектах Т ненец. от фразовой интонации (с повышением тона) северно-русских (архангельских) говоров, с которыми они находятся в тесном контакте; однако вопрос о взаимосвязи фразовой интонации и просодии фонетического слова изучен крайне мало, а определение вектора языкового влияния оказывается спорным и неочевидным.

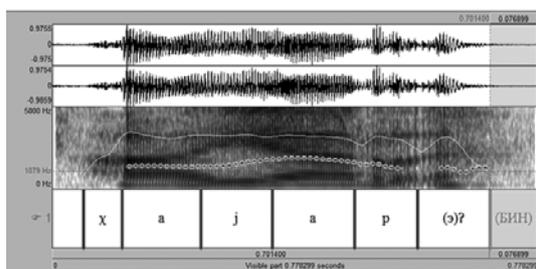

Рис. 4

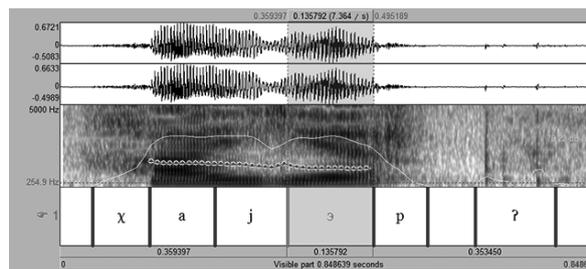

Рис. 5

Еще раз подчеркнем, что гипотезы об инновационности просодических средств выделения слога в западных диалектах и факторах, влияющих на их эволюцию, нуждаются в тщательной верификации, а выяснение причин такой просодической перестройки (если это, действительно, перестройка) и сопоставление супrasegmentных параметров ударения в западных, центральном и восточных говорах ненецкого языка является актуальным и требующим дальнейшей разработки вопросом самодийской фонологии и акцентологии. Для изучения этого вопроса необходимо привлечь к рассмотрению данные говоров из разных диалектных ареалов, а к спектральному анализу — непроезженные имена и глаголы, имеющие не только прауральскую, но и прасамодийскую этимологию, многосложные производные имена и глаголы, а также слова других (не описанных в этой статье) слоговых структур.

Сокращения

Языки и диалекты

ненец. — ненецкий язык

Л — лесное наречие

Т — тундровое наречие

бз. — большеземельский диалект

вост. — восточные диалекты

зап. — западные диалекты

канин. — канинский диалект

крайне-зап. — крайнезападные диалекты

ямал. — ямальский диалект

О — обдорский диалект (по данным [Lehtisalo 1956])

N — (?) говор с. Несь³ (по данным [Lehtisalo 1956])

Sj. — большеземельский диалект (по данным [Lehtisalo 1956])

ПрН — протоненецкий язык

ПС — прасамодийский язык

ПСС — прасеверносамодийский язык

сельк. — селькупский язык

таз. — тазовский диалект

эвенк. — эвенкийский язык

³ Говор с. Несь Заполярного района НАО относится к канинскому диалекту западной диалектной группы тундрового наречия ненецкого языка.

Информанты

1. Носители ямальского диалекта тундрового наречия ненецкого языка

(ЯНАО, Ямальский р-н, с. Сё-Яха и Тамбейская, северо-ямальская, тундра; апрель—сентябрь 2010 г.)

- ЛСЯ — Лаптандер Софья Яхочевна (1968 г. р., род. в Тамбейской тундре; 10 кл., незаконч. сред. спец. образ. — музыкальное училище; швея; до 1994 г. жила в Тамбейской тундре, с 1994 г. живет в с. Сё-Яха)
- ОЛЛ — Окотэтто Людмила Лаулевна (1978 г. р., род. в Яптиксалинской тундре; 9 кл., сред. спец. образ. — зоотехник; до 2000-х гг. жила в Яптиксалинской тундре, с 2000-х гг. живет в с. Сё-Яха)
- ОТО — Окотэтто Тамара Очевна (1943 г. р., род. в Сёяхинской тундре; 4 кл.; зверовод; постоянно живет в с. Сё-Яха)
- ЯМГ — Яунгад (урожд. Тусида) Мельне Григорьевна (1979 г. р., род. в Тамбейской тундре; 11 кл.; ночной сторож-вахтер; до 2007 г. жила в Тамбейской тундре, с 2007 г. живет в с. Сё-Яха)

2. Носители канинского диалекта тундрового наречия ненецкого языка

(НАО, Заполярный р-н, с. Ома и Канинская тундра; май—июнь 2011 г.)

- БАА — Бобрикова (урожд. Латышева) Александра Ананьевна (1955 г. р., род. в Канинской тундре; 8 кл., сред. спец. образ. — мастер по пошиву женской одежды; чумработница; до 2007 г. постоянно жила в Канинской тундре, с 2007 г. живет в с. Ома)
- БЗМ — Бармич (урожд. Каниюкова) Зинаида Максимовна (1949 г. р., род. в Канинской тундре; 11 кл., сред. спец. образ. — швея; работала на маслозаводе; в 1968—70 гг. жила в г. Мезень, с 1970 г. постоянно живет в с. Ома)
- БИН — Бобрикова (урожд. Бармич) Инна Николаевна (1961 г. р., род. в Канинской тундре; 9 кл.; чумработница; постоянно живет в Канинской тундре)
- ВПВ — Ванюта́ (урожд. Каниюкова) Полина Викторовна (1951 г. р., род. в д. Сёмжа Мезенского р-на Архангельской обл.; 8 кл.; чумработница; постоянно живет в Канинской тундре)
- КАВ — Каниюкова (урожд. Бобрикова) Анисья Васильевна (1939 г. р., род. в Канинской тундре; 7 кл.; чумработница; до 1990-х гг. жила в Канинской тундре, с 1990-х гг. летом живет в с. Ома, зимой — в Нарьян-Маре)
- САФ — Соболева (урожд. Ардеева) Августа Федоровна (1938 г. р., род. в Канинской тундре; 10 кл., сред. спец. образ. — культпросвет школа; заведующая «Красным чумом»; до 2000-х гг. жила в Канинской тундре, с 2000-х гг. постоянно живет в с. Ома)

Общие

Б — безударный гласный	У — ударный гласный
Гц — герц	ЧОТ — частота основного тона
Д — длительность	ЧОТБ — частота основного тона безударного гласного
ДБ — длительность безударного гласного	ЧОТУ — частота основного тона ударного гласного
ДУ — длительность ударного гласного	ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога
Д1 — длительность гласного первого слога	ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога
Д2 — длительность гласного второго слога	Я — ямальское слово
дЦ — децибел	1С — первый слог
И — интенсивность	2С — второй слог
ИБ — интенсивность безударного гласного	ABL — аблатив, отложительный (исходный) падеж
ИУ — интенсивность ударного гласного	С — согласный
И1 — интенсивность гласного первого слога	der. — дериват
И2 — интенсивность гласного второго слога	kompos. — сложное слово, композит
инф. — информант	LOC-INSTR — локатив-инструменталис, местно-творительный падеж
К — канинское слово	NOM — номинатив
неогубл. — неогубленный	PL — множественное число
огубл. — огубленный	PX2SG — посессивный аффикс, лично-притяжательный суффикс второго лица единственного числа
призв. / пр. — призвук (сокращение на спектрограммах)	SG — единственное число
сек. — секунда	V — гласный
соотв. — соответствие	
сред. / ср. — среднее	

Литература

Аникин, Хелимский 2007 — Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {Anikin, Xelinskij 2007 — Anikin A. E., Xelinskij E. A. Samodijsko-tunguso-man'čžurskie leksičeskie sv'azi. M., 2007.}

- Вербов 1973 — *Вербов Г. Д.* Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3—190. {Verbov 1973 — *Verbov G. D.* Dialekt lesnych nencev // Samodijiskij sbornik. Novosibirsk, 1973. S. 3—190.}
- Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. М., 2000. {Dybo 2000 — *Dybo V. A.* Morfonologizovannye paradigmaticeskie akcentnye sistemy: Tipologija i genezis. T. 1. M., 2000.}
- Перепись 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 г. // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>, 2011. {Perepis' 2002 — Vserossijskaja perepis' naselenija 2002 g. // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>, 2011.}
- Попова 1966а — *Попова Я. Н.* Заметки о системе вокализма ямальского говора ненецкого языка // Вопросы языка и литературы. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 47—58. {Popova 1966a — *Popova Ja. N.* Zametki o sisteme vokalizma jamal'skogo govora neneckogo jazyka // Voprosy jazyka i literatury. Vyp. 1. Č. 2. Novosibirsk, 1966. S. 47—58.}
- Попова 1966б — *Попова Я. Н.* Фонетическая система ямальского диалекта ненецкого языка // Тезисы докладов научно-технической конференции молодых ученых и специалистов (секция «Гуманитарные науки»). Новосибирск, 1966. С. 52—54. {Popova 1966b — *Popova Ja. N.* Fonetičeskaja sistema jamal'skogo dialekta neneckogo jazyka // Tezisy dokladov naučno-texničeskoj konferencii molodyx učenyx i specialistov (sekcija “Gumanitarnye nauki”). Novosibirsk, 1966. S. 52—54.}
- Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978. {Popova 1978 — *Popova Ja. N.* Fonetičeskie osobennosti lesnogo narečija neneckogo jazyka. M., 1978.}
- Терещенко 1956 — *Терещенко Н. М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л., 1956. {Tereščenko 1956 — *Tereščenko N. M.* Materialy i issledovanija po jazyku nencev. M.; L., 1956.}
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereščenko 1965 — *Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. M., 1965.}
- Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 376—395. {Tereščenko 1966 — *Tereščenko N. M.* Neneckij jazyk // Jazyki narodov SSSR. T. 3. Finno-ugorskie i samodijskie jazyki. M., 1966. S. 376—395.}
- Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {Tereščenko 2008 — *Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. SPb., 2008.}
- Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Прасамодийские *ǰ и *ǰ̃: Прауральские источники и нганасанские рефлекссы // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 196—201. {Xelimskij 2000 — *Xelimskij E. A.* Prasadmodijskie *ǰ i *ǰ̃: Praural'skie istočniki i nganasanskie refleksy // Komparativistika, uralistika: Lekcii i stat'ji. M., 2000. S. 196—201.}
- Ackerman, Salminen 2006 — *Ackerman F., Salminen T.* Nenets // Encyclopedia of language and linguistics / Ed. Brown K. Amsterdam, 2006. P. 577—579.
- Hajdú 1954 — *Hajdú P.* Die sekundären anlautenden Nasale (*ŋ*-, *ń*-) im Samojedischen // Acta Linguistica Hungarica. 1954, 4. S. 17—67.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrenianumin toimitteita, 17.)
- Janhunen 1980 — *Janhunen J.* Samojedologian peruskurssin luentomonisteet. Helsinki, 1980.
- Janurik 1985 — *Janurik T.* Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte der samojedischen Sprachen // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, 20. Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposiums zur Dialektologie der uralischen Sprachen (4—7 September 1984) / Hrsg. *Veenker W.* Wiesbaden, 1985. S. 283—301.
- Kavitskaya 2002 — *Kavitskaya D.* Compensatory lengthening: Phonetics, phonology, diachrony. Routledge — New York — London, 2002.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — *Ladefoged P., Maddieson I.* The Sounds of the World's Languages. Oxford, 1996.
- Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (LSFU, 13.)
- Salminen 1990 — *Salminen T.* Phonological criteria in the classification of the Nenets dialects // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum 3C. Debrecen, 1990. P. 344—349.
- Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets inflection // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 227. Helsinki, 1997.
- Salminen 1998 — *Salminen T.* Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998. (LSFU, 26.)
- Salminen 2007 — *Salminen T.* Notes on Forest Nenets phonology // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 2007. P. 349—372. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 253.)
- Sammallahti 1974 — *Sammallahti P.* Material from Forest Nenets // Castrenianumin toimitteita, 2. Helsinki, 1974.
- Staroverov 2006 — *Staroverov P.* Vowel deletion and stress in Tundra Nenets // Proceedings of the First Central European Student Conference in Linguistics / Ed. *Gyuris B.* // http://www.nytud.hu/cescl/proceedings/Peter_Staroverov_CESCL.pdf, 2006.

РЕЗЮМЕ

Данная статья посвящена вопросам супraseгментной фонетики западных (на примере канинского) и восточных (на примере ямальского) диалектов тундрового наречия ненецкого языка. В ней выявлены основные просодические признаки и акустические характеристики ударения непроезводных двусложных имен в канинском и ямальском диалектах ненецкого языка.

SUMMARY

The article deals with the problems of suprasegmental phonetics of the Western (by the example of the Canin dialect) and the Eastern (by the example of the Yamal dialect) territorial varieties of the Tundra Nenets language. The basic prosodic features and acoustic characteristics of stress in underived disyllabic nouns in the Canin and Yamal dialects of Tundra Nenets are considered in the article.

Ключевые слова: ненецкий язык, тундровое наречие, канинский диалект, ямальский диалект, ударение, просодические признаки, акустические характеристики

Keywords: Tundra Nenets, the Canin dialect, the Yamal dialect, stress, prosodic features, acoustic characteristics

Особенности семантической деривации некоторых соматических терминов в диалектах селькупского языка

В языках мира метафорические переносы с соматических терминов исследовались рядом авторов. В первую очередь отметим работы [Цивьян 1974; Невская 1979], в которых описывается метафорический перенос с названий частей тела на обозначение деталей жилища; статью [Аркадьев 2002], посвященную подробному исследованию полисемии названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте; статью [Дыбо 2006], в которой собраны и проанализированы с позиции сравнительно-исторического языкознания все возможные метафорические переносы, зафиксированные в тюркских языках в системе соматических терминов.

Таким образом, типология метафорических переносов с названий частей тела в общих чертах построена. Интерес представляют особенности таких метафор в разных языках и возможности объяснения этих особенностей; например, насколько связано наличие тех или иных переносов с экстралингвистическими факторами, условиями жизни носителей языка: способом ведения хозяйства и окружающим ландшафтом. Кроме того, как всегда при исследовании семантической деривации в диахроническом аспекте, в каждом конкретном случае следует решить, наследуются ли метафорические переносы из праязыка или возникают вновь, происходит ли это возникновение по внутренним причинам или под влиянием языковых контактов.

Интересно, что в тюркских языках при обилии метафорических переносов на детали ландшафта, фактически (за исключением языков Поволжья) отсутствуют мотивы антропоморфного представления о жилище. А. В. Дыбо показывает, что на материале алтайских языков оказывается целесообразным различать принципиальную возможность использования антропоморфных мотивов при описании разных типов ландшафтов (водного и горного) [Дыбо 2006]. Согласно А. В. Дыбо, в тюркских языках часть метафор унаследована из праязыка, в отдельных языках метафорика может меняться (появляться или, наоборот, исчезать) под влиянием контактных языков. Оказывается, что для описания причин исчезновения / появления важен учет, в частности, реального ландшафтного окружения носителей тех или иных современных языков. В заключении работы [Дыбо 2006] анализируются метафорические переносы не только в тюркских, но и в других алтайских языках; в результате сравнения полученных данных А. В. Дыбо приходит к выводу, что «космос для праалтайцев, насколько можно судить по реконструируемой лексике, так же, как и для пратюрков, скорее зооморфен¹... В специальном объяснении, таким образом, нуждается антропоморфность горного пейзажа у монголов (контактное явление?) и антропоморфность водного ландшафта для тюрков».

Как показывает наше исследование, в селькупском языке ситуация принципиально иная. Во-первых, по предварительным результатам (см. ниже) селькупы не различают части тела человека и животных. Насколько можно судить по проверке текстовых примеров с помощью синтагматического критерия полисемии, разработанного Ю. Д. Апресяном², речь идет не о семантическом переносе с названия части

¹ Т. е. происходит метафорический перенос на детали водного и горного ландшафта с названий частей тела животных.

² Отправным условием разграничения полисемии и моносемии может являться обозначение некоторым словом А одной или нескольких типизированных ситуаций (т. е. одного или нескольких типизированных объектов): одной (одного) — для моносемии, нескольких — для полисемии. Однако если слово А обозначает более одной типизированной ситуации (более одного типизированного объекта), то его можно отнести и к полисемичным (т. е. А1 = 'В', А2 = 'С'), и к моносемичным, где его значение имеет вид А = 'В или С' [Апресян 1995: 187; Урысон 1998: 228]. По мнению Ю. Д. Апресяна, «наиболее интересен тот тип значений, который создается включительно-дизъюнктивной организацией семантических компонентов, например, *обжечь* = 'каузировать травму горячим или едким', *гаснуть* = 'переставать гореть или светить', *заря* = 'яркое освещение горизонта перед восходом или заходом солнца', *корреспонденция* = 'письма или телеграммы' (в отличие от *почта* 'любые почтовые отправления, включая бандероли, посылки и т. п.'). Во всех упомянутых случаях имеет место включительная дизъюнкция: если А = 'В или С', то А = 'либо В, либо С, либо В и С одновременно'; это значит, например, что *гаснуть* может обозначать либо прекращение горения (*дрова погасли*), либо прекращение свечения (*лампы погасли*), либо прекращение того и другого вместе (*дрова в камине и неоновые лампы на улице погасли почти одновременно*). Именно употребление последнего типа поддерживают единство значений; если бы не было контекстов, в которых одновремен-

тела животного на часть тела человека или наоборот, а о моносемии в названиях семантических терминов, которые в рамках одного и того же контекста описывают и части тела животных, и части тела человека. Во-вторых, в селькупском языке, в отличие от большинства тюркских языков, распространен перенос с названий частей тела на детали жилища. В-третьих, в отличие от тюркских и монгольских языков, в селькупском фактически отсутствуют антропоморфные мотивы в названиях гор и возвышенностей.

С точки зрения семантической деривации, группа соматических терминов в селькупском языке особенно интересна. Оказывается, что все рассматриваемые в этом исследовании существительные (со значениями 'голова', 'рот', 'нога, ноги', 'глаз, глаза' и 'язык') полисемичны, но у ряда из них, как уже было сказано выше, некоторые значения, которые мы, как носители русского языка, описываем разными лексемами, отвечают критериям определения моносемии.

'Голова'

Селькупские существительные: вас., кет., об., тур., тым. *ol, ol̄, olə*, кет. *oll̄i*, таз. *ol̄i* — совмещают в своей структуре признаки различной семантики, которые отображены в следующей таблице.

Таблица 1

Семантическая структура селькупских существительных:
вас., кет., об., тур., тым. *ol, ol̄, olə*, кет. *oll̄i*, таз. *ol̄i*

вас., кет., об., тур., тым. <i>ol, ol̄, olə</i> , кет. <i>oll̄i</i> , таз. <i>ol̄i</i>	примеры, перевод (по источнику материала)
основное значение	вас. <i>qəd̄il qunnan oloqənd logon amdad̄it</i> 'у шамана в голове черти сидят' [Д]; кет. <i>teb̄inan olot kūzuj</i> 'у него голова болит' [Д]; кет. <i>teb̄inan pal'd'unn̄i ol̄it</i> 'у него кружится голова-его' [Д]; об.с. <i>teb̄im man̄nətrəku keregeŋ olount tob̄ində čan</i> 'его оглядеть надо с головы-его до ног-его' [Д]; об.ч. <i>ole körel̄žugu</i> 'головой кивнуть' [Д]; об.ш. <i>gold̄it ol</i> 'верховье реки' [Д]; об.ч. <i>pon ol</i> 'верхушка дерева' [Д]
производные значения	1) 'верхняя часть тела' > 'ее волосной покров' (метонимический перенос по типу синекдохи) вас. <i>mi oloβut mul'žekaut</i> 'мы головы-наши моем' [Д]; об.с. <i>olou panḡilḡbattə</i> 'волосы вьются' [Д]; об.с. <i>olum̄d̄i n'ežargu k'er'eg'eŋ</i> 'за волосы-ее драть надо' [Д]; об.с. <i>oləm p̄ižugu</i> 'волосы обстричь' [Д] 2) 'верхний' > 'главный' тур. <i>olqur</i> 'глава рода' [Д]; об.ш. <i>olim̄i</i> 'председатель' [Д]; таз. <i>oly(t) ija</i> 'вожатый' [ОчСЯ 1993: 142]; таз. <i>olyqur (olqur, olyt qur)</i> 'начальник' [ОчСЯ 1993: 142] 3) 'имеющий голову' > 'умный' таз. <i>olysym̄l'</i> 'умный' [ОчСЯ 1993: 142]

Многозначность лексемы проявляется в наименовании верхней части тела человека (головы), верхушки дерева, верховья реки одним существительным (вас., кет., об., тур., тым. *ol, ol̄, olə*, кет. *oll̄i*, таз. *ol̄i*) со значением 'самый верх, верхняя часть, конец тела человека, природного объекта'. Исследователями тазовского (северного) диалекта зафиксированы следующие словосочетания, одним из компонентов которых является таз. *oly: topyn oly* 'ступня' [ОчСЯ 1993: 185] (букв. 'конец ноги'); *utyn oly* 'кисть' [ОчСЯ 1993: 191] (букв. 'конец руки'); *p̄ətn̄yn oly* 'головка пим (без голенища)' [ОчСЯ 1993: 148] ('тапочки, одеваемые под пимы'; букв. ' мехового чулка головка' или ' мехового чулка конец').

Праформой селькупских слов вас., кет., об., тур., тым. *ol, ol̄, olə*, кет. *oll̄i*, таз. *ol̄i* является ПУ **alka* 'передний или задний конец'. Можно предположить, что развитие значения существительного проходит путь от общего понятия 'конец' к постепенному выделению частных значений.

Возможно, об.ш. *gold̄it ol* 'верховье реки' [Д] и об.ч. *pon ol* 'верхушка дерева' [Д] указывают на следы былого одушевления естественных объектов, т. е. первоначально здесь не было собственно метафоры (в ее понимании как производного значения полисемантического слова), а лишь буквальное обозначение

но реализуются оба семантических компонента, не было бы оснований говорить, что 'переставать гореть' и 'переставать светить' сосуществуют в рамках одного значения. Таким образом, исключительная дизъюнкция — признак полисемии (либо С, либо В, но не С и В вместе); выпадение употреблений типа 'В и С' из числа употреблений значения 'В или С' является достаточным условием для его распада на два новых значения — 'В' и 'С'» [Апресян 1995: 186].

ние: 'голова реки', а не ее 'исток'; 'голова дерева', а не понятие 'вершина'. Такое понимание живой природы свойственно селькупам, представителям традиционной культуры, в которой и дерево, и река занимают равное положение с человеком в кругу природных объектов. Однако необходимо отметить, что употребление существительного об.ч. *ol* для обозначения верхушки дерева и верховья реки на сегодняшний момент, видимо, можно считать редким³.

Понимание головы как главной части тела определило появление таких образований, как тур. *olqur* 'глава рода' (существительное) и об.ш. *olimi* 'председатель' (субстантивированное причастие), т. е. «таких метафор, которые исторически выполняли функцию понятия в контексте образного мышления» [Феоктистова 1984: 102].

По данным [UEW], обозначения головы в уральских языках являются рефлексами разных праязыковых лексем.

Метафорические переносы, связанные с наименованием головы⁴ и засвидетельствованные в уральских языках, приведены в следующей таблице.

Таблица 2

язык	форма	праформа	значение формы
ненецкий	<i>ηэва</i>	ПУ * <i>ojwa</i>	1) 'голова'; 2) 'самая высокая часть, верхний край чего-л. (например, горы, сопки, дерева); гребень'; 3) 'начало, передняя часть чего-л.' [Терещенко 1965: 413]
нганасанский	<i>ηойбу</i>	ПУ * <i>ojwa</i>	1) 'голова'; 2) 'вершина, верхушка' [ЭлСНЯ]
энецкий	<i>эба</i>	ПУ * <i>ojwa</i>	1) 'вершина (горы, сопки); 2) 'голова' [Сорокина, Болина 2001: 153]
камасинский	<i>ulu</i>	ПУ * <i>alka-</i>	'голова' [Donner 1944: 80]
маторский	<i>nambam</i>	? ⁵	1) 'голова'; 2) 'вершина' [Helimski 1997: 313]
хантыйский	<i>бу</i>	ПУ * <i>ukV</i> (* <i>okV</i>)	1) 'голова человека, животного; головка спички, веретена, любого предмета с утолщением на конце; головка обуви, чулка'; 2) 'начальник' [DEWOS: 32]
мансийский	<i>пуηк</i>	ПУ * <i>päηe</i>	'голова' [Ромбандеева 1982: 97; Munkácsi 1986: 478]; 'глава' [Munkácsi 1986: 478]
венгерский	<i>fej</i>	ПУ * <i>päηe</i>	1) 'источник, начало'; 2) 'верхняя часть предмета'; 3) 'голова, глава'; 4) 'личность' [EWUng: 367]
финский	<i>pää</i>	ПУ * <i>päηe</i>	1) голова; 2) голова (скота); 3) глава; 4) головка, рукоятка, черенок, конец, кончик, наконечник, шляпка; 5) конец (край, предел) [БФРС 2007: 504]
саамский	<i>oai've</i> (N)	ПУ * <i>ojwa</i>	1) 'голова'; 2) перен. 'голова, ум, рассудок'; 3) перен. 'руководитель' [Куруч 1985: 60]
марийский	<i>вуй</i>	ПУ * <i>ojwa</i>	1) 'голова'; 2) 'голова (единица счета скота)'; 3) 'конец, кончик чего-л.'; 4) 'верхушка, верхняя часть чего-л.'; 5) 'колос'; 6) 'начало (улицы, деревни, оврага)'; 7) перен. 'голова (начальник, руководитель); глава' [Васильев, Учаев 2003: 29]
мордовские (эрзянский)	<i>пря</i>	ФУ * <i>perä</i>	1) 'голова'; 2) 'вершина'; 3) 'кончик' [Коляденков, Цыганов 1949: 179]
коми (коми-зырянский, коми-пермяцкий)	<i>юр</i>	ФП * <i>jure</i>	1) 'голова'; 2) 'голова (единица счета скота)'; 3) 'головка': <i>лук юр</i> 'головка лука', <i>мак юр</i> 'головка мака'; 4) 'головка (сапог, валенок)'; 5) 'верхушка, вершина, верх'; 6) 'верхний, передний конец чего-л.'; 7) 'копна'; 8) 'сноп, пучок'; 9) 'шляпка'; 10) 'капюшон'; 11) 'горлышко'; 12) 'главный, старший' [Безносилова и др. 2000: 775]
удмуртский	<i>йыр</i>	ФП * <i>jure</i>	1) 'голова': <i>быдъым йэр</i> 'вождь'; <i>визьмо йэр</i> 'умная голова, умница'; 2) перен. 'забота, беспокойство, хлопоты' [ЭлКыллюкам]; см. также <i>йыразь</i> 1) 'память'; 2) 'изголовье'; 3) 'верховье'; <i>ошмес йыразь</i> 'исток родника' [ЭлКыллюкам]

³ В настоящее время верховья рек и верхушки деревьев обозначаются словом *par*.

⁴ Здесь и далее при разборе названий частей тела в уральских языках приводятся только основные, прототипические обозначения.

⁵ Здесь и далее вопросительный знак ставится, когда у слова нет этимологии за пределами внутренней семьи языков (самодийских, пермских и т. д.).

На основании анализа этих форм можно сказать, что во всех самодийских языках представлен метафорический перенос с названия головы (вне зависимости от его происхождения) на детали ландшафта. Такой же перенос представлен и в марийском языке у рефлекса ПУ **ojwa*, и в пермских языках у рефлексов ФП **jure*. В ФУ языках у названий головы другого происхождения доступные нам словари таких метафорических переносов не отмечают.

Таким образом, можно сделать вывод, что метафорический перенос с названия головы на названия ландшафта связан с происхождением слова. Практически у всех рефлексов ПУ **ojwa* (за исключением саамского языка) и ФП **jure* такой перенос имеется; следовательно, можно предположить его наличие и для праязыковых значений этих двух слов. Для семантики слова **alka* ‘конец’, которое явилось источником селькупского названия головы, такой перенос трудно предполагать: видимо, в селькупском языке он является инновационным — возникшим под влиянием соседних северно-самодийских языков.

‘Рот’

Другим примером анатомической лексики селькупского языка является существительное кет., об.ч., об.ш., тым. *āk, aη*, таз. *āk, āη* (*ā* — редко). Его семантическая структура отражена в следующей таблице.

Таблица 3

Семантическая структура существительного кет., об.ч., об.ш., тым. *āk, aη*, таз. *āk, āη*

кет., об.ч., об.ш., тым. <i>āk, aη</i> , таз. <i>āk, āη</i>		примеры, перевод (по источнику материала)
основное значение	‘рот человека и других объектов’	кет. <i>m'ennan angin</i> ‘у меня во рту’ [Д]; об.ш. <i>akt kōn aja</i> ‘рот-его кривой’ [Д]; об.ш. <i>ōlig čāža akkīndi</i> ‘слюна идет изо рта’ [Д]; таз. <i>āqqyl' cēru</i> ‘жевательный табак’ (букв. ‘находящийся во рту табак’) [ОчСЯ 1980: 194]; таз. <i>āk, āη, ā</i> ‘клюв’ [ОчСЯ 1993: 144]; об.ш. <i>madan āk</i> ‘дверной проем’ [Д]; таз. <i>mātan āk</i> ‘вход в чум’ [ОчСЯ 1993: 144]; таз. <i>Rōttan āk</i> ‘устье реки Ратты’ [ОчСЯ 1980: 63]; тым. <i>kīn ak</i> ‘устье реки’ [Д]
производное значение	‘отверстие’ (выходное или входное)	таз. <i>tap pecyt ākty nū omta</i> ‘Он к печному отверстию туда сел’ [ОчСЯ 1980: 361]; таз. <i>okoškanāk</i> ‘проем окна’ [ОчСЯ 1993: 144]

Тым. *kīn ak* ‘устье реки’ [Д], таз. *Rōttan āk* ‘устье реки Ратты’ [ОчСЯ 1980: 63] и таз. *āk, āη, ā* ‘клюв’ демонстрируют возможность употребления рассматриваемой лексемы для описания части тела животных и переноса значения на объекты ландшафта.

Интерес вызывают экспериментальные предложения, которые были предложены носителям селькупского языка. Одно из них вызвало трудности при переводе, а именно: «У человека — рот, а у птицы — клюв». И наоборот, предложение, которое, конечно, с точки зрения русского языка, составлено семантически неверно: «И у человека, и у птицы рот», — носители селькупского языка перевели без затруднений (об.ч. *kulanan aj tigel χurulanan āk* ‘у человека и птицы рот’ [ПМА]).

Таким образом, существительное отвечает критериям моносемии Ю. Д. Апресяна и Е. В. Урысон. Схему семантического содержания этого существительного в селькупском языке, с одной стороны, не совсем верно передавать при помощи модели А = ‘В (рот человека) или С (рот животных, птиц)’, поскольку семантические компоненты ‘В’ и ‘С’ скорее удовлетворяют представлению семантического содержания лексемы с точки зрения русского языка; т. е. если бы языком толкования стал селькупский язык, то схема приобрела бы вид одностороннего моносемичного слова А = В (рот животного, человека, птицы и т. д.): ср. в рус. *глаза* (у человека, птицы, зверя), но *рот* (у человека) / *клюв* (у птицы). С другой стороны, современные носители селькупского языка южного диалектного ареала в повседневной жизни пользуются только русским языком, проживают и работают среди русского населения, что, разумеется, в большей степени влияет на соответствующие представления в отношении того или иного объекта непосредственно наблюдаемой действительности.

Отношение носителей селькупского языка к чуму / дому как живому организму, у которого, как и у человека, есть различные части тела, отмечает И. В. Булгакова: «<...> дом воспринимается как живое создание, внутри которого существуют другие живые существа — люди. Поскольку дом является живым существом, то человек его создает по своему образу и подобию. Дом имеет макушку — крышу (*madat par*), покрытую сучьями и бревнами, которые являются волосами дома. Дверь жилища имеет глаза *motal' sajmi*, необходимые для того, чтобы хорошо изучить и запомнить всех, кто входит в дом и кто его покидает. Для того чтобы устойчиво стоять на земле, дому, как и человеку, нужны ноги *mādan tob*.

Люди входят в дом через дверь, дом имеет рот-дверь *mādan ak*, предназначенный для того, чтобы приветствовать всех входящих и прощаться с выходящими» [Булгакова 2003: 9].

Приведем здесь также рассказ нашего информанта И. А. Коробейниковой, которая рассказывает следующее: «Я — *mat*, и дом — *mat*. У меня есть макушка (верхушка что-ли) — *olot par*, и у дома — *madat par*. У меня есть нос — *puć*, и у дома есть тоже *madat puć* — крыльцо. У меня есть бок — *qö*, и у дома есть бок, стена — *qö*. *Хaj* — глаз, и у дома *madat хaj* — окно. *Ak* — и у дома *āk*... Вот как у нас в сказках: “*Čadža, čadža aradžiga, manembat — mat amda*” (‘Шел-шел старик, смотрит — избушка сидит’). Бабушка так рассказывала: у нее избушка не стоит, а сидит» [ПМА].

Таким образом, в отношении об.ш. *madan āk* ‘дверной проем’ [Д] и таз. *mātan āk* ‘вход в чум’ [ОчСЯ 1993: 144] также необходимо констатировать еще отчетливые следы персонификации артефактов⁶.

Перенос значения в северных диалектах селькупского языка можно отметить в следующих примерах: таз. *pecyt āk* ‘печное отверстие’, таз. *okoškaṅk* ‘проем окна’. Поскольку тазовские существительные *pecy* ‘печь’ и *okoška* ‘окно’ являются заимствованиями из русского языка, можно предположить, что эти словосочетания, как более поздние образования, они появились в селькупском языке путем переноса значения: ‘рот’ > ‘отверстие’.

В следующей таблице представлены семантические структуры существительных, обозначающих рот, в других уральских языках.

Таблица 4

язык	форма	праформа	значение формы
ненецкий	<i>n'aʔ</i>	ПУ * <i>aŋe</i>	‘рот’ [Терещенко 1965: 362]
нганасанский	<i>ɲaŋ</i>	ПУ * <i>aŋe</i>	‘рот’ [Костёркина, Момде, Жданова 2001: 340]
энецкий	<i>éʔ</i>	ПУ * <i>aŋe</i>	1) ‘рот’; 2) ‘пасть’ [Helimski 2007]
камасинский	<i>aŋ</i>	ПУ * <i>aŋe</i>	‘рот’ [Donner 1944: 4]
маторский	<i>āŋ</i>	ПУ * <i>aŋe</i>	‘рот’ [Helimski 1997: 76]
хантыйский	<i>lul</i>	ФУ * <i>šule</i>	1) рот; 2) пасть [DEWOS: 753]
мансийский	<i>tus</i>	ФУ * <i>šule</i>	‘рот’ [Munkácsi 1986: 685]
венгерский	<i>száj</i>	ПУ * <i>šuwe</i>	1) анатом. ‘рот’; 2) ‘пасть’; 3) ‘губы’; 4) ‘устье, отверстие’; 5) ‘горлышко’; 6) ‘горловина’; 7) ‘вход’ [ЭлСВЯ]
финский	<i>suu</i>	ПУ * <i>šuwe</i>	1) ‘рот’; 2) ‘устье, отверстие; жерло’; 3) ‘начало’ [БФРС 2007: 599]
саамский	<i>njal'bme</i> (N)	ФУ * <i>ñälmä</i>	1) ‘рот’; 2) ‘пасть’ [Куруч 1985: 226]
марийский	<i>умша</i>	ПУ * <i>aŋe</i> - ~ * <i>oŋi</i> - + * <i>šuwe</i>	1) ‘рот’; 2) ‘пасть животного’ [Васильев, Учаев 2003: 227]
мордовские (эрзянский, мокшанский)	эрз. <i>курго</i> мокш. <i>курга</i>	ПУ * <i>kurk(k)V</i>	1) ‘рот’; 2) ‘устье’ [Коляденков, Цыганов 1949: 115]; <i>курго</i> также означает ‘пасть’ [Коляденков, Цыганов 1949: 115] 1) ‘рот’; 2) ‘пасть, рыло’; 3) ‘горло, горлышко (посуды)’ [Алямкин и др. 1998: 305]
коми (коми-зырянский, коми-пермяцкий)	<i>вом</i>	ПУ * <i>aŋe</i>	1) ‘рот’; 2) ‘пасть, зев’; 3) ‘устье’; 4) ‘дуло’; 5) ‘горлышко (верхняя суженная часть сосуда, посуды)’ [Безносилова и др. 2000: 108]
удмуртский	<i>ым</i>	ПУ * <i>aŋe</i>	1) ‘рот’; 2) ‘пасть’ [ЭлКыллюкам]

Сельк. кет., об.ч., об.ш., тым. *āk*, *aŋ*, таз. *āk*, *āŋ* являются рефлексамии ПУ **aŋe*.

Следует обратить внимание на то, что, по данным словарей, метафорический перенос или моносемия ‘рот, пасть животного’ представлен во многих уральских языках: селькупском, энецком, хантыйском, венгерском, саамском, марийском, мордовских, коми, удмуртском — несмотря на то, что названия рта в этих языках являются рефлексамии разных праязыковых лексем. Видимо, этот перенос следует постулировать и для ПУ **aŋe* и ПУ **šuwe* (для последнего на ФУ уровне).

⁶ Ср. в работе [Феоктистова 1984: 102] о персонификации естественных объектов.

Наоборот, перенос на названия ландшафта, т. е. употребление в значении ‘устье’ встречается значительно реже: в селькупском, венгерском, финском, мордовских и коми языках; но, поскольку он представлен также у рефлексов ПУ **aŋe* и ПУ **šuwe*, нельзя исключить возможность этой многозначности и для прауральского уровня.

‘Нога, ноги’

Селькупские имена существительные *vas.*, *ob.*, *tym.* *top*, *ob.č.* *tob*, *ob.c.*, *tym.* *toppə*, *ket.*, *taž.* *topi* имеют значение ‘конечность (конечности) объекта живой природы, предназначенные для передвижения’, например: *ob.c.* *laqčambadi top* ‘сломанная нога’ [Д]; *ob.c.* *topse mir'epčampiku as k'er'eg'eŋ* ‘ногами семенить не надо’ [Д]; *tym.* *topse ad'el'd'egu* ‘топать ногами’ [Д]; *ket.* *qβəryən toppi* ‘медвежья лапа’ [Д]; *taž.* *topuntu qory* ‘кожа с ног (в т. ч. с лап птиц)’ [ОчСЯ 1980: 20].

В соответствии с синтагматическим критерием различения полисемии / моносемии, предложенным Ю. Д. Апресяном, эти существительные относятся к моносемичным, что может быть представлено схемой типа А = ‘В или С’ или А = ‘С и В вместе’, т. к. их семантическая структура демонстрирует отсутствие исключительной дизъюнкции (признака полисемии), а также тождественность компонентов ‘В (нога)’ и ‘С (лапа)’ с точки зрения их семантического состава — они различаются местом семантического акцента: ‘В (нога)’ — у человека, ‘С (лапа)’ — у зверя, птицы. Приведем некоторые примеры экспериментальных предложений, которые предлагались для перевода носителям селькупского языка.

1) Стимул: Люди и звери стали ногами, лапами подгрести к себе еду.

ob.č. *Kula aj madžel χurula tiŋmbadet toblaχe kadolešpegu onen džegend apsiŋ.*

‘Люди и звери стали ногами подгрести к себе еду’ [ПМА].

Семантическая схема: А = ‘С и В вместе’.

2) Стимул: Мальчик со своей собакой подбежали к воде помыть свои ноги, лапы.

ob.č. *Kiβαče ondž kanaχe kuralbat üdend muldžegu ondž toblap.*

‘Мальчик со своей собакой подбежали к воде помыть свои ноги’ [ПМА].

Семантическая схема: А = ‘С и В вместе’.

3) Стимул: У человека ноги не такие быстрые, как у собаки лапы.

ob.č. *Kulanan tobla ā ni'l'dži ček kanduk kanat tobla.*

Букв. ‘Человека ноги не такие быстрые, как собаки лапы’ [ПМА].

Семантическая схема: А = ‘В или С’.

4) Интересным фактом является также затруднение при передаче семантики русского стимула: «У человека ноги, а у зверей лапы». Информанты-носители селькупского языка предлагали следующий перевод данного предложения: *ob.č.* *Kulanan tobla aj χurulanan tobla* ‘И у человека ноги, и у зверей лапы’ [ПМА].

В переносном метафорическом значении эти существительные встречаются также в отношении предметов мебели (стола, стула и т. д.): *ob.c.* *stolon top* ‘ножка стола’ [Д]; *ob.č.* *omderpot tob* ‘ножка стула’, *ustulen tob* ‘ножка стула’, *koptet tob* ‘ножка кровати’, *divanet tob* ‘ножка дивана’ [ПМА]. Возможно, значение ‘ножка (мебели)’ появилось в селькупском под влиянием русского языка (параллельно с заимствованием многих наименований мебели, не являющихся исконными для селькупов).

Анализ полученных данных позволяет наглядно изобразить структуру семантической деривации *vas.*, *ob.*, *tym.* *top*, *ob.č.* *tob*, *ob.c.*, *tym.* *toppə*, *ket.*, *taž.* *topi* *eō* на схеме 1.

Необходимо отметить многочисленные семантические параллели, которые наблюдаются в уральских языках. Однако в данном случае мы не можем постулировать для прасамодийского и прауральского языков моносемию, поскольку в рассмотренных нами современных уральских языках ногу / лапу описывают этимологически неродственные слова. Вероятно, в этом случае речь идет о типологически частотных метафорических переносах или моносемии.

Селькупские слова *vas.*, *ob.*, *tym.* *top*, *ob.č.* *tob*, *ob.c.*, *tym.* *toppə*, *ket.*, *taž.* *topi* являются рефлексами ПС **topā* ‘коготь, копыто’ [Janhunen 1977: 166], которое, видимо, заимствовано из ПТю **ta:pan* [СИГТЯ 2001: 289]⁷.

Интересно отметить, что особенность, присущая селькупскому слову, которое может обозначать не только ‘ноги’, но и ‘лапы’, характерна для большинства названий со значением ‘ноги’ в уральских языках (несмотря на то, что они являются рефлексами разных лексем).

⁷ Гипотеза о заимствовании предложена А. В. Дыбо в рецензии на настоящую статью.

Семантическая структура существительного вас., об., тым. *top*, об.ч. *tob*, об.с., тым. *toppa*, кет., таз. *topi*

СЕЛЬКУПСКИЙ ЯЗЫК

вас., об., тым. *top*, об.ч. *tob*, об.с., тым. *toppa*, кет., таз. *topi*

1) 'конечность (конечности) объекта живой природы'

РУССКИЙ ЯЗЫК

'нога' → 'ножка (мебели)'

метафорический перенос

(? возможное влияние русского языка и культуры)

2) 'ножка (у мебели)'

Таблица 5

язык	форма	праформа	значение формы
ненецкий	<i>ηэ</i>	ПС * <i>āj</i> (? * <i>āâj</i>) [Janhunen 1977: 17]	1) 'нога (человека)'; 2) 'лапа (зверя)' [Терещенко 1965: 413]
нганасанский	<i>ηуой</i>		'нога' [Костёркина, Момде, Жданова 2001: 298]
энецкий	<i>ηа</i>		1) 'нога (человека)'; 2) 'лапа (зверя)' [Helimski 2007]
камасинский	<i>üjü</i>		1) 'нога'; 2) 'лапа' [Donner 1944: 80]
маторский	<i>aj</i>		'нога' [Helimski 1997: 200]
хантыйский	<i>kõr</i>	ПУ * <i>kurV-</i>	1) 'нога'; 2) 'задняя конечность у животных'; 3) 'ножка стола, стула'; 4) 'стена сети' [DEWOS: 611]
мансийский	<i>lāyäl</i>	ПУ * <i>luwe</i>	1) 'нога'; 2) 'лапа' [Munkácsi 1986: 244]
венгерский	<i>láb</i>	ПУ * <i>luwe</i>	1) анатом. 'нога'; 2) 'лапа'; 3) 'ножка (у мебели)'; 4) 'подножие (подошва, основание) горы'; 5) сел.-хоз. <i>lábón álló gabona</i> 'хлеб(а) на корню'; 6) муз. <i>húros hangszeren</i> 'кобылка, подставка'; 7) строит. 'целик'; 8) 'устаревшие меры длины' — а) 'фут' (30,5 см); б) 'стопа' (8 см): <i>két láb hosszú</i> 'длиной в два фута'; 9) 'стопа' [ЭлСВЯ]
финский	<i>jalka</i>	ФУ * <i>jalka-</i>	1) 'нога'; 2) 'ножка; цоколь, основание; подошва'; 3) 'фут (мера длины)' [БФРС 2007: 162]
саамский	<i>juol'gi</i> (N)	ФУ * <i>jalka-</i>	1) 'нога'; 2) 'цоколь' [Sammallahti, Nickel 2006: 402]
марийский	<i>jol</i>	ФУ * <i>jalka-</i>	1) 'нога'; 2) 'ножка (у мебели)' [Васильев, Учаев 2003: 47]
мордовские (эрзянский, мокшанский)	<i>pil'g'e</i>	ФУ * <i>päl'k3-</i>	эрз. 'нога' [Raasonen 1990—1996: 1664]; 1) 'нога'; 2) 'нога, ножка' [Бузакова и др. 1993: 486]; мокш. 1) 'нога'; 2) 'ножка (опора, стойка мебели)' [Алямкин и др. 1998: 480]
коми (коми-зырянский, коми-пермяцкий)	<i>kok</i>	?	1) 'нога, ноги'; 2) 'ножка'; 3) 'лапа (крупных животных и птиц)' [Безносикова и др. 2000: 278]
удмуртский	<i>kuk</i>	?	'нога (человека); ножка (предметов); лапа, лапка (животных, птиц)'; <i>азь кукъёс</i> 'передние ноги'; <i>бер кукъёс</i> 'задние ноги'; <i>кукез чигтыны</i> 'сломать ногу'; <i>жэж кук</i> 'ножка стола'; <i>зэзег кук</i> 'гусиная лапа'; <i>эбек кук</i> 'лягушачья лапка'; <i>пукон кук поныны</i> 'приделать ножку стула' [ЭлКыллюкам]

'Глаз, глаза'

Селькупские существительные вас., об.ч. *χaj*, кет., об. *sai*, *saj*, ел., тур. *saj*, тым. *säj*, об.с. *s'ej*, об.с., об.ч., тым. *sej*, таз. *sajj* имеют значение 'глаз, глаза': вас. *χajnde mij'qätəmbat* 'глазами моргает' [Д]; вас. *χajdə tabənan čölgələmbi* 'глаза-его у него сверкали (букв. сверкал)' [Д]; вас. *olod ella, χajed kombijimba* 'голова-его живая, глаза-его моргают' [Д]; кет. *sainmijn manžəmbigu* 'смотреть в глаза' [Д]; об.с. *sejde qolžət* 'глаз-его косит' [Д]; об.с. *sejda tōskan en* 'глаза узкие (букв. глаз-его узкий есть)' [Д]; об.с. *seimda təgərat* 'глазами моргает' [Д]; об.с. *sejze margərgu* 'глазами мигать' [Д]; об.с. *ter sejmt qajkut* 'она глаза щурит' [Д]; об.с. *sejeβ čubərentəη* 'глаз-мой засорил-я' [Д]; об.с. *manan sejeγan mijrəpən* 'у меня в глазах рябит' [Д]; об.с. *qajno sejmt mejγəral?* 'почему глазами подмигиваешь?' [Д]; об.ч. *χajömdə β'es' čayəq tēmbat* '(ты мне) все глаза промозолил' [Д]; об.ч. *χaim mul'qal'ešpugu* 'глазами подмигивать' [Д]; об.ч.

χair qaišpugu ‘глаза прищуривать’ [Д]; об.ч. *tab tabədənd χainde mantel'za* ‘он на них глазами-его уставился’ [Д]; таз. *peläl' saju* ‘один глаз’ (букв. ‘половина глаза’) [ОчСЯ 1980: 168]; тым. *seiop qaçya aβēšpəndjīt* ‘дым глаза ест’ [Д].

Следует отметить, что в селькупском языке существительные *vas.*, об.ч. *χaj*, кет., об. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об.с. *s'ej*, об.с., об.ч., тым. *sej*, таз. *sajj* обозначают парные предметы и не имеют формы множественного числа. Только в кетском диалекте слова *sai, saj* имеют форму множественного числа — *saila*. Во множественном числе кет. *sai, saj* демонстрирует персонификацию естественных объектов: *man sailaβ assə qonžərnattə* ‘мои глаза-мои не видят’, *atuēatə tēljn sailat* ‘показались лучи (букв. глаза) солнца’ [Д].

В лингвистической литературе по южным и северным диалектам селькупского языка сложные комплексы, в состав которых в качестве второго компонента входят *vas.*, об.ч. *χaj*, кет., об. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об.с. *s'ej*, об.с., об.ч., тым. *sej*, таз. *sajj*, рассматриваются как сложные единицы с полусуффиксом (суффиксоидом) со значением единичности [ОчСЯ 1980: 338; МСЯ 1995: 44]. В «Очерках по селькупскому языку» есть указание на то, что данный полусуффикс оформляет названия предметов, имеющих округлую форму [ОчСЯ 1980: 338], но тазовское существительное *saju* представлено как многозначное (однозначное) в словаре к [ОчСЯ 1993: 167].

В «Селькупско-русском диалектном словаре», напротив, у *vas.*, об.ч. *χaj* выделено четыре значения: 1) ‘глаз’; 2) ‘капля’; 3) ‘крупинка’; 4) ‘ядро’ [Быконя 2005: 268]; для кет., об. *sai, sai*, ел., тур. *sai* и тым. *sāi* даны значения: 1) ‘глаз, глаза’; 2) ‘петля (сети)’ [Быконя 2005: 206].

Анализ имеющихся сведений по употреблению существительных *vas.*, об.ч. *χaj*, кет., об. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об.с. *s'ej*, об.с., об.ч., тым. *sej*, таз. *sajj* позволяет выделить производное значение, которое формируется путем метафорического переноса ‘глаз’ > ‘предмет, напоминающий глаз’. Признак, положенный в основу переносного значения, может быть разным: это и округлая форма, напоминающая глаз, и блеск, ассоциирующийся с блестящей поверхностью глаза.

Переносное значение является само по себе весьма общим и проявляется во всех нижеследующих сложных комплексах селькупского языка: об.ч. *χoromžet χaj* ‘капля дождя’ [Д]; об.ч. *ūdīt χaj* ‘капля воды’ [Д]; об.ч. *šaqt χaj* ‘крупинка соли’ [Д]; об.ч. *n'uidjil χaj* ‘икринка’ (букв. ‘сладкая крупинка’) [Д]; об.ч. *feškīt χaj* ‘ядро ореха’ [Д]; об.с. *poqən sej* ‘ячейка рыболовецкой сети’ [Д]; ел. *poqīt saj* ‘ячейка рыболовецкой сети’ [Д]; об.с. *suljñ s'ej* ‘овсяное зерно’ [Д]; таз. *pül'saju* ‘градинка’ [ОчСЯ 1980: 338]; таз. *surus-saju* ‘снежинка’ [ОчСЯ 1980: 338]; таз. *tüssaju* ‘искра’ [ОчСЯ 1980: 338].

На основании вышесказанного, структуру семантической деривации этих существительных можно передать при помощи следующей схемы.

Схема 2

Схема семантической деривации селькупских существительных

vas., об.ч. *χaj*, кет., об. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об.с. *s'ej*, об.с., об.ч., тым. *sej*, таз. *sajj*

<p><i>vas.</i>, об.ч. <i>χaj</i>, кет., об. <i>sai, saj</i>, ел., тур. <i>saj</i>, тым. <i>sāj</i>, об.с. <i>s'ej</i>, об.с., об.ч., тым. <i>sej</i>, таз. <i>sajj</i></p>	}	<p>1) ‘глаз’ → 2) ‘небольшой предмет’ зачастую округлой формы; напоминающий по форме или другим признакам (например, блеску) глаз</p>
--	---	---

Разработанная в настоящем исследовании гипотеза о структуре и характере устройства семантической деривации селькупских имен *vas.*, об.ч. *χaj*, кет., об. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об.с. *s'ej*, об.с., об.ч., тым. *sej*, таз. *sajj* может быть востребована и применена при объяснении особенностей семантической деривации существительных, обозначающих глаз в ряде других языков (см. таблицу 6).

Селькупские существительные *vas.*, об.ч. *χaj*, кет., об. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об.с. *s'ej*, об.с., об.ч., тым. *sej*, таз. *sajj* также являются рефлексами ПУ **šilmä*.

Для ПУ **šilmä* нельзя исключить реконструкцию метафорических значений ‘нечто блестящее (икринка, капля, крупинка)’ и ‘ячейка в сети, дырочка’, которые без изменения сохранились и у селькупского слова-рефлекса.

‘Язык’

Селькупские существительные *vas.*, об.ч., об.ш., таз., тым. *šē*, кет., об.с. *se, sē*, ел. *s'ej, s'ejti*, кет. *sä*, об.с. *s'e* употребляются в значении ‘орган в полости рта’: кет. *qβersaj se* ‘шершавый язык’ [Д]; об.с. *man tunβaŋ seze nörpalgu* ‘я умею чистить языком (убирать соринку)’ [Д]; об.ч. *adalžəlel šēmd!* ‘покажи язык!’ [Д]; об.ч. *šen ug* ‘кончик языка’ [Д]; таз. *lättympaty aj šēmpy kaššaltympty, mitymol miššalnyty šekkyñ oly* ‘прицелился и языком щелкнул, будто нажал на курок’ [ОчСЯ 1980: 405].

Таблица 6

язык	форма	праформа	значение формы
ненецкий	<i>сэв</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) 'глаз'; 2) (перен.) употребляется для обозначения отдельной частицы однородной массы: <i>сыра' сэв</i> (<i>сыранзэв</i>) 'снежинка'; <i>сарё' сэв</i> (<i>сарёнзэв</i>) 'капля дождя'; <i>я' сэв</i> (<i>янзэв</i>) 'зернышко'; <i>тиребя' сэв</i> (<i>тиребянзэв</i>) 'икринка'; 3) 'узор, украшение на женской сумке, шапке'; 4) 'ячей (невода)'; 5) 'очко (в картах)' [Терещенко 1965: 579]
нганасанский	<i>с'еймы</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	'глаз, глаза; частица': <i>сор с'еймы</i> 'капля дождя'; <i>д'юэ с'еймы</i> 'песчинка'; <i>д'умэ с'еймы</i> 'снежинка'; <i>т'урими с'еймы</i> 'икринка' [ЭлСНЯ]
энецкий	<i>сэү sei</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) 'глаз'; 2) 'чешуя' [Сорокина, Болина 2001: 128]; 'глаз' [Helinski 2007]
камасинский	<i>сима</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	'глаз' [Donner 1944: 59]
маторский	<i>с ме</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	'глаз' [Helinski 1997: 340]
хантыйский	<i>сем</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) 'глаз'; 2) 'очко'; 3) 'прыщ'; 4) 'капля' [DEWOS: 1338]
мансийский	<i>сам</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	I 1) 'крупинка'; 2) 'зерно'; 3) 'крошка'; II 'глаз' [Ромбандеева 1982: 103]
венгерский	<i>szem</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) анатом. 'глаз'; 2) 'светик, свет очей / жизни': <i>a család szeme fénye</i> 'любимчик'; 3) 'глаз, взор, зрение'; 4) 'зерно, зернышко, семя'; 5) термин из области овощеводства: <i>a szőlő szemei</i> 'виноградники'; <i>egy szem szilva</i> 'одна слива'; <i>két szem szőlő</i> 'две виноградины'; 6) <i>a lánc szemei</i> 'звенья цепи'; 7) 'крупинка, крупинка': <i>egy szem sincs</i> 'ни крупинки нет'; <i>nagy szemekben esik az eső</i> 'идет крупный дождь'; <i>egy szemet sem alszik</i> 'не смыкать глаз'; <i>egy szem só</i> 'крупинка соли'; <i>egy szem eső sem esett</i> 'не выпало ни капли дождя'; 8) 'петля': <i>leejt egy szemet</i> 'спустить петлю'; <i>a szem (a harisnyán)</i> 'спустилась петля на чулке' [ЭлСВЯ]
финский	<i>silmä</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) 'глаз'; 2) <i>neulan silmä</i> 'игольное ушко'; <i>kirveen silmä</i> 'проушина топора'; <i>verkon silmä</i> 'ячей сети'; <i>pelikortin silmä</i> 'очко игровой карты'; <i>pudotaa silmä puikoilta</i> 'спустить петлю со спицы' [БФРС 2007: 566]
саамский	<i>čál'bme (N)</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) 'глаз'; 2) 'капля' [Куруч 1985: 198]; <i>čállьм</i> 'глаз' [Куруч 1985: 387]
марийский	<i>šinža</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	'глаз' [Васильев, Учаев 2003: 256]
мордовские (эрзянский)	<i>s'el'm'e</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) 'глаз'; 2) 'очки' [Paasonen 1990—1996: 2128]
коми (коми-зырянский, коми-пермяцкий)	<i>s'in</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	1) 'глаз, глаза'; 2) 'зрение'; 3) 'взгляд, взор'; 4) ботан. 'глазок'; 5) 'дырочка, отверстие в некоторых предметах': <i>дра син</i> 'отверстие в канве'; 6) 'ноздя, дырка'; 7) 'ячей (сети), петля (при вязании)'; 8) 'масть игровых карт'; 9) перен. 'надзор'; 10) 'орнамент, узор, пестрина' [Безносикова и др. 2000: 587]
удмуртский	<i>s'in</i>	ПУ * <i>šilmä</i> -	'глаз' [ЭлКыллюкам]

В тазовском диалекте селькупского языка имеются составные наименования: таз. *utyn šē* 'ладонь' [ОчСЯ 1993: 174] (букв. 'руки язык') и таз. *kīñcyt šē* 'створки запора' [ОчСЯ 1993: 118] (букв. 'запора язык'; таз. *kīñcyt* 'запор, приспособление для ловли рыбы'). В ходе экспедиции в Парабельский район Томской области для южного диалектного ареала был восстановлен сложный комплекс об.ч. *odet (udet) šē* 'ладонь' [ПИМА] (букв. 'руки язык'): об.ч. *kanak nügelbat udet šē tebelgunan šexē* 'собака лизнула ладонь (букв. руки язык) хозяина языком' [ПИМА].

В южных диалектах селькупского языка есть примеры употребления вариантов данного слова в переносных значениях: 1) 'не говорить, сразу замолчать' — вас. *šel xāčēt!* 'язык-твой прикуси!' [Д]; об.с. *s'el sājēt!* 'прикуси язык-твой!' [Д]; 2) об.с. *t'ubbə set* 'длинный язык' (о болтуне; о том, кто болтает лишнее), об.с. *tebnan t'ubbə set* 'у нее длинный язык' [Д].

Результатом ассоциативных связей ‘орудие действия’ ~ ‘действие, совершаемое этим орудием’ обуславливается производное значение вариантов данной лексемы (только в южных диалектах селькупского языка) — ‘язык как исторически сложившаяся система, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе’. Например: об.с. *ārəj čočogə sē* ‘иностранный язык’ [Д]; вас. *čūməl'qut še* ‘селькупский язык’ [Д]; вас. *rūžət še* ‘русский язык’ [Д]; об.с. *man t'aljmpəku tunβaŋ süsegu sēn* ‘я умею говорить по-селькупски’ (букв. ‘на селькупском языке’) [Д]; об.ч. *kolobətpad čumjil' šet* ‘говорите по-селькупски!’ (букв. ‘на селькупском языке’) [Д]; кет. *kul'diŋ n'urugu te seβan?* ‘как называется на вашем языке?’ [Д]; об.ш. *mat oŋjil'žešpəp ružij šep, šöšquj šep* ‘я изучаю русский язык, селькупский язык’ [Д].

Примеры употребления вариантов данной лексемы с лично-притяжательными суффиксами свидетельствуют о конкретизации понятия ‘язык-речь’, т. е. значение слова как бы еще «удерживается» в сфере конкретного: кет. *man oneŋ sēβə qāŋina assj eβəlženžəβ (sēβə: -βə — PX1SG.NOM)* ‘я свой язык-мой никогда не забуду’; кет. *man sēmdat negargu qiqan (sēmdat: -mdat — PX2PL.ACC)* ‘я язык-ваш записать хочу’; об.с. *man te sēmdiltə nagirgu kegau (sēmdiltə: -mdiltə — PX2DU.ACC)* ‘я ваш (вас двоих) язык-ваш (-вас двоих) записать хочу’; об.ч. *tabla oŋolalžešpādət nagərond onžədət šeqəndət (šeqəndət: -qə — показатель PL, -ndət — PX3PL.ACC)* ‘они учатся грамоте на своем языке-их (многих)’.

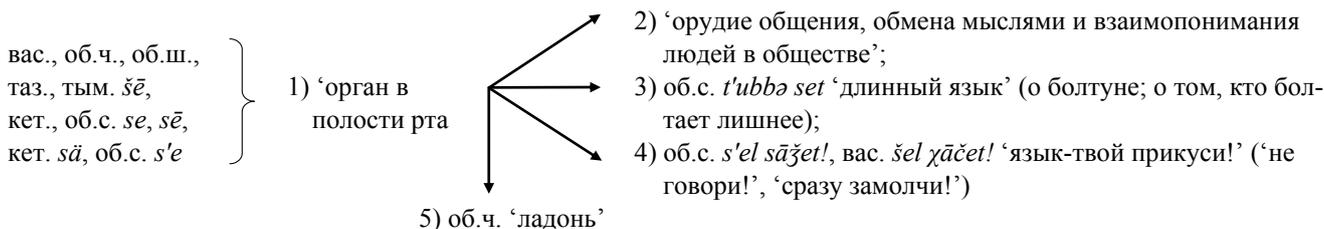
Зачастую значение ‘язык, орудие общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе’ реализуется в сочетании с глаголами, семантика которых связана с идеей изучения, получения знаний посредством определенных действий: об.ш. *mat ti šemdj nagurgu kigak* ‘я ваш язык записать хочу’; об.ш. *qanduj šelap tat tanβal?* ‘какие языки ты знаешь?’; об.ш. *qanduj šelap tat oŋjil'žešpal?* ‘какие языки ты изучаешь?’.

В северных диалектах, по данным «Североселькупского словаря» Е. А. Хелимского (со ссылкой на материалы [ОчСЯ 1980, 1993] и словарь С. И. Ирикова [Ириков 1988]), в значении ‘язык как исторически сложившаяся система, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе’ выступает тазовская лексема *āty* ‘слово, речь’ [ОчСЯ 1993: 110], например: *šöl'qumyl' āty* ‘селькупский язык’ [Хелимский Сельк.]. В южном диалекте мы находим употребление кетского существительного *əžə* (как диалектного варианта таз. *āty*) в значении ‘язык-речь’: *qulij əžə* ‘человеческий язык’ [Д].

На следующей схеме изображена семантическая структура вариантов данной лексемы в южных диалектах.

Схема 3

Семантическая структура вас., об.ч., об.ш., таз., тым. *šē*, кет., об.с. *se, sē*, кет. *sä*, об.с. *s'e* в южных диалектах селькупского языка

Поскольку основным материалом по северным диалектам селькупского языка являются труды Московской школы самодистики по тазовскому диалекту, то семантическая структура лексемы в северных диалектах (см. схему 4) сделана на основе данных по тазовскому диалекту (примерами употребления лексемы по другим северным диалектам селькупского языка мы не располагаем).

Схема 3

Семантическая структура таз. *šē* в северном диалекте селькупского языка

- 1) таз. *šē* ‘орган в полости рта’ ————— 2) таз. *utyn šē* ‘ладонь’ (букв. ‘руки язык’) таз. *kīncyt šē* ‘створки запора’ (букв. ‘запора язык’)

Таким образом, необходимо обратить внимание на специфику развития семантической деривации существительных, обозначающих орган в полости рта, язык, в диалектах селькупского языка. Общим признаком, лежащим в основе переноса наименования, как в северном, так и в южном диалектных ареалах, является, возможно, признак подвижности языка-органа, который переносится на другой соматиче-

ский термин ‘ладонь’. Более универсальный перенос ‘язык-орган’ > ‘язык-речь’, встречающийся в большинстве языков, приведенных в таблице 7, обнаруживается только в южном диалектном ареале селькупского языка.

Особенности семантической деривации существительных, обозначающих орган в полости рта, язык, в других уральских языках, отражены в следующей таблице.

Таблица 7

язык	форма	праформа	значение формы
ненецкий	<i>нямю</i>	ПУ * <i>ńelmä-</i>	‘язык’ [Терещенко 1965: 350]
нганасанский	<i>сиӧде</i>	ПУ * <i>kele</i>	1) ‘язык (во рту)’; 2) ‘язык (речь)’ [Костёркина, Момде, Жданова 2001: 375]
энецкий	<i>si’oro</i>	ПУ * <i>kele</i>	‘язык’ [Helimski 2007]
камасинский	<i>šăkă</i>	ПУ * <i>kele</i>	‘язык’ [Donner 1944: 63]
маторский	<i>kEj</i>	ПУ * <i>kele</i>	‘язык’ [Helimski 1997: 271]
хантыйский	<i>n’äləm</i>	ПУ * <i>ńelmä-</i>	1) ‘язык во рту’; 2) ‘язык инструмента’; 3) ‘колонок скрипки’ [DEWOS: 1049]
мансийский	<i>нѐлм, нѐлум</i>	ПУ * <i>ńelmä-</i>	анатом. ‘язык’; <i>нѐлм лăтыу</i> ‘язык-речь’ [Ромбандеева 1982: 70, 554]
венгерский	<i>nyelv</i>	ПУ * <i>ńelmä-</i>	1) ‘язык-орган’; 2) перен. ‘язык-речь’; 3) перен., литер. <i>a rossz nyelvek azt mondják, hogy...</i> ‘злые языки говорят, что...’; 4) воен. <i>nyelvet fog</i> ‘добить или достать языка’; 5) перен. ‘язык, язычок’: <i>cipő nyelve</i> ‘язычок ботинка’, <i>harang nyelve</i> ‘язык колокола’ [ЭлСВЯ]
финский	<i>kieli</i>	ПУ * <i>kele</i>	1) ‘язык’; 2) ‘язык, язычок (колокола, пламени); <i>kalion kieli</i> ‘выступ скалы’, <i>repun kieli</i> ‘клапан рюкзака’, <i>vaa’an kieli</i> ‘стрелка весов’; 3) ‘язык (русский, финский), язык-слог’ [БФРС 2007: 222]
саамский	<i>ñjuovčá</i>	ПУ * <i>ńelmä-</i>	1) ‘язык (во рту)’; 2) ‘язык колокола’; 3) ‘терн’ [Sammallhti, Nickel 2006: 519]
марийский	<i>jəlmə</i>	ПУ * <i>ńelmä-</i>	1) анатом. ‘язык’; 2) ‘язык, язычок чего-л. (у предметов)’: <i>шагат йылме</i> ‘маятник часов’; 3) ‘язык (речь)’; 4) лингв. ‘язык’: <i>марий йылме</i> ‘марийский язык’ [Васильев, Учаев 2003: 56]
мордовские (эрзянский, мокшанский)	эрз. <i>кель</i> мокш. <i>кяль</i>	ПУ * <i>kele</i>	1) анатом. ‘язык’; 2) ‘речь’ [Коляденков, Цыганов 1949: 96]; 1) анатом. ‘язык’; 2) ‘язык, речь (способность говорить)’; 3) ‘язык (система словесного выражения мыслей)’; 4) ‘язык (слог, стиль писателя)’; 5) перен. ‘язык (пленный)’ [Бузакова и др. 1993: 249] 1) ‘язык — орган в полости рта’; 2) ‘система звуковых, словарных и грамматических средств для выражения мыслей’; 3) ‘металлический стержень в колоколе или колокольчике, который, ударяясь о стенку, производит звон’ [Алямкин и др. 1998: 314]
коми (коми-зырянский, коми-пермяцкий)	<i>kiv</i>	ПУ * <i>kele</i>	I. 1) анатом. ‘язык’; 2) ‘что-л., имеющее удлиненную, вытянутую форму’: <i>би кывъяс качисны энэжӧ</i> ‘языки пламени поднялись к небу’; 3) ‘язык; металлический стержень (колокола)’; 4) ‘маятник’: <i>часі кыв</i> ‘маятник часов’; 5) ‘голос (гармони)’; II. 1) ‘язык; речь’; 2) ‘способность говорить’; III. ‘слово’ [Безносикова и др. 2000: 321—322]
удмуртский	<i>kil</i>	ПУ * <i>kele</i>	1) ‘язык’; 2) ‘речь, слово’ [ЭлКыллюкам]

Селькупские существительные *vas.*, *об.ч.*, *об.ш.*, *таз.*, *тым.* *šě*, *кет.*, *об.с.* *se, sē*, *ел.* *s’ej*, *кет.* *sä*, *об.с.* *s’e* являются рефлексами ПУ **kele*.

Видимо, для прауральского следует восстанавливать метафорический переход ‘язык во рту’ > ‘язык (речь)’, который представлен у рефлексов ПУ **kele* в селькупском, нганасанском, финском и мордовских языках. Такая же полисемия наблюдается и у рефлексов ПУ **ńelmä-* в мансийском, венгерском и марийском языках.

Таким образом, анализ семантической деривации рассмотренных выше слов приводит нас к выводу, что в уральских языках соматические термины устроены принципиально иначе, чем в тюркских и шире — в алтайских. Во-первых, видимо, части тела человека и животных в ПУ обозначались одним словом. Во-вторых, в ПУ, предположительно, как и в селькупском, присутствовал метафорический перенос

с соматических терминов на детали ландшафта и на части жилища. Вероятно, эти особенности метафорических переносов в системе соматических терминов связаны с отсутствием развитого скотоводства (поэтому нет особых обозначений для частей тела животных) и оседлым образом жизни, при котором, в отличие от кочевников-тюрок, жилище было постоянным и неизменным атрибутом повседневной жизни уральских народов.

Сокращения

Языки и диалекты	Общие
морд. — мордовские	анатом. — анатомический термин
мокш. — мокшанский	ботан. — ботанический термин
эрз. — эрзянский	букв. — буквально
ОТю — общетюркский язык	воен. — военный термин
ПС — прасамодийский язык	Д — материалы, собранные во время научных экспедиций под руководством профессора А. П. Дульзона (1960—70 гг.)
ПУ — прауральский язык	лингв. — лингвистический термин
рус. — русский язык	литер. — литературное
саам. N — норвежско-саамский	муз. — музыкальный термин
сельк. — селькупский язык	перен. — переносное значение
вас. — васюганский диалект	ПМА — полевые материалы автора, собранные во время научных экспедиций в Парабельском районе Томской области (2011 г.)
ел. — елогуйский диалект	сел.-хоз. — сельскохозяйственный термин
кет. — кетский диалект	строит. — строительный термин
об. — диалекты обского ареала	ACC — винительный падеж (аккузатив)
об.с. — обские говоры Сюсюкум	DU — двойственное число
об.ч. — обские говоры Чумьлукуп	NOM — именительный падеж (номинатив)
об.ш. — обские говоры Шёшкун и Шёшкуп	PL — множественное число
таз. — тазовский диалект	PX — посессивный аффикс (лично-притяжательный показатель)
тур. — туруханский диалект	SG — единственное число
тым. — тымский диалект	1 — первое лицо
ФП — финно-пермский язык	2 — второе лицо
ФУ — финно-угорский язык	3 — третье лицо

Литература

Алямкин и др. 1998 — Алямкин Н. С., Бабушкина Р. В., Имярекова В. М. и др. Мокшанско-русский словарь / Ред. Серебренников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. М., 1998. {Al'amkin i dr. 1998 — Al'amkin N. S., Babuškina R. V., Im'arekova V. M. i dr. Mokšansko-russkij slovar' / Red. Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Pol'akov O. E. M., 1998.}

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. {Apres'an 1995 — Apres'an Ju. D. Izbrannye trudy. T. 1. Leksičeskaja semantika. Sinonimičeskie sredstva jazyka. M., 1995.}

Аркадьев 2002 — Аркадьев П. М. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // Московский лингвистический журнал. 2002, том 6, 1. С. 53—80. {Arkad'ev 2002 — Arkad'ev P. M. Polisemija nazvanij golovy v slav'anskix i germanskix jazykax v tipologičeskom i istoričeskom aspekte // Moskovskij lingvističeskij žurnal. 2002, tom 6, 1. S. 53—80.}

Безносикова и др. 2000 — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукөр (Коми-русский словарь) / Отв. ред. Безносикова Л. М. Сыктывкар, 2000. {Beznosikova i dr. 2000 — Beznosikova L. M., Ajbabinina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-roč kувчукөр (Komi-russkij slovar') / Otv. red. Beznosikova L. M. Syktyvkar, 2000.}

Бузакова и др. 1993 — Бузакова Р. Н., Ширманкина Р. С., Лисина Е. Н. и др. Эрзянско-русский словарь / Ред. Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. М., 1993. {Buzakova i dr. 1993 — Buzakova R. N., Širmankina R. S., Lisina E. N. i dr. Erz'ansko-russkij slovar' / Red. Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosin M. V. M., 1993.}

Булгакова 2003 — Булгакова И. В. Лексика, отражающая материальную культуру селькупов / Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Томск, 2003. {Bulgakova 2003 — Bulgakova I. V. Leksika, otkražajuščaja material'nuju kul'turu sel'kupov / Avtoref. dis. na soiskanie učennoj stepeni kand. filol. nauk. Tomsk, 2003.}

БФРС 2007 — *Вахрос И., Щербаков А.* Большой финско-русский словарь. 7-е изд. / Ред. *Оллыкайнен В., Сало И.* М., 2007. {BFRS 2007 — *Vaxros I., Ščerbakov A.* Bol'shoj finsko-russkij slovar'. 7-e izd. / Red. *Ollykajnen V., Salo I.* М., 2007.}

Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005. {Bykon'a 2005 — Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Red. *Bykon'a V. V.* Tomsk, 2005.}

Васильев, Учаев 2003 — *Васильев В. М., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 2003. {Vasil'ev, Učaev 2003 — *Vasil'ev V. M., Učaev Z. V.* Marijsko-russkij slovar'. Joškar-Ola, 2003.}

Дыбо 2006 — *Дыбо А. В.* Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках // Сравнительно-историческая грамматика: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. С. 648—654. {Dybo 2006 — *Dybo A. V.* Antropomorfnaja i zoomorfnaja metafora v t'urkskix jazykax // Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika: Prāt'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prāt'urkskogo etnosa po dannym jazyka. М., 2006. S. 648—654.}

Ириков 1988 — *Ириков С. И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1988. {Irikov 1988 — *Irikov S. I.* Slovar' sel'kupsko-russkij i russko-sel'kupskij: Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. L., 1988.}

Коляденков, Цыганов 1949 — *Коляденков М. Н., Цыганов Н. Ф.* Эрзянско-русский словарь. М., 1949. {Kol'adenkov, Cyganov 1949 — *Kol'adenkov M. N., Cyganov N. F.* Erz'ansko-russkij slovar'. М., 1949.}

Костёркина, Момде, Жданова 2001 — *Костёркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб., 2001. {Kost'orkina, Momde, Ždanova 2001 — *Kost'orkina N. T., Momde A. Č., Ždanova T. Ju.* Slovar' nganasansko-russkij i russko-nganasanskij. SPb., 2001.}

Куруч 1985 — Саамско-русский словарь / Ред. *Куруч Р. Д.* М., 1985. {Kuruč 1985 — Saamsko-russkij slovar' / Red. *Kuruč R. D.* М., 1985.}

МСЯ 1995 — *Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. {MSJa 1995 — *Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykon'a V. V., Il'jašenko I. A.* Morfologija sel'kupskogo jazyka: Južnye dialekty. Č. 1. Tomsk, 1995.}

Невская 1979 — *Невская Л. Г.* Дом в литовской загадке: Параллели к балканским текстам // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 222 — 227. {Nevskaja 1979 — *Nevskaja L. G.* Dom v litovskoj zagadke: Paralleli k balkanskim tekstam // Balcanica. Lingvističeskie issledovanija. М., 1979. С. 222 — 227.}

ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкіна Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М., 1980. {OčSJa 1980 — *Kuznecova A. I., Xelimskij E. A., Gruškina E. V.* Očerki po sel'kupskomu jazyku: Tazovskij dialekt. М., 1980.}

ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М., 1993. {OčSJa 1993 — *Kuznecova A. I., Kazakevič O. A., Ioffe L. Ju., Xelimskij E. A.* Očerki po sel'kupskomu jazyku: Tazovskij dialekt. М., 1993.}

Ромбандеева 1982 — *Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1982. {Rombandeeva 1982 — *Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A.* Slovar' mansijsko-russkij i russko-mansijskij: Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. L., 1982.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд. / Ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2001. {SIGTJa 2001 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika. 2-e izd. / Red. *Tenišev E. R.* М., 2001.}

Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецко-русский и русско-энецкий словарь. СПб., 2001. {Sorokina, Bolina 2001 — *Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enecko-russkij i russko-eneckij slovar'. SPb., 2001.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereščenko 1965 — *Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. М., 1965.}

Урысон 1998 — *Урысон Е. В.* «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 226—262. {Uryson 1998 — *Uryson E. V.* "Nesostojavšajas'a polisemija" i nekotorye ee tipy // Semiotika i informatika. Vyp. 36. М., 1998. S. 226—262.}

Феоктистова 1984 — *Феоктистова Н. В.* Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984. {Feoktistova 1984 — *Feoktistova N. V.* Formirovanie semantičeskoj struktury otvlečenno go imeni (na materiale drevneanglijskogo jazyka). L., 1984.}

Хелимский Сельк. — *Хелимский Е. А.* Североселькупский словарь // http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary, 2011. {Xelimskij Sel'k. — *Xelimskij E. A.* Severosel'kupskij slovar' // http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary, 2011.}

Цивьян 1974 — *Цивьян Т. В.* К семантике дома в балканских загадках // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974. С. 45—49. {Civ'jan 1974 — *Civ'jan T. V.* K semantike doma v balkanskix zagadkax // Materialy Vsesojuznogo simpoziuma po vtoričnym modelirujuščim sistemam, 1 (5). Tartu, 1974. S. 45—49.}

- ЭлКыллюкам — Удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь // <http://udm2rus.ru/>, 2011. {ElKyll'ukam — Udmurtsko-russkij i russko-udmurtskij slovar' // <http://udm2rus.ru/>, 2011.}
- ЭлСВЯ — Русско-венгерский и венгерско-русский словарь // <http://www.vengria-hu.eu/index.php?page=slovar>, 2011. {EISVJa — Russko-vengerskij i vengersko-russkij slovar' // <http://www.vengria-hu.eu/index.php?page=slovar>, 2011.}
- ЭлСНЯ — Электронный словарь нганасанского языка // <http://www.speech.nw.ru/Ngasan/introrus.html>, 2011. {EISNJa — Elektronnyj slovar' nganasanskogo jazyka // <http://www.speech.nw.ru/Ngasan/introrus.html>, 2011.}
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1992.
- Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.
- EWUng — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Hrsg. von *Benkő L.* Budapest, 1993.
- Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache: Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.
- Helimski 2007 — *Helimski E.* Энецкие словарные материалы // www.helimski.com, 2011. {Helimski 2007 — *Helimski E.* Eneckie slovarnye materialy // www.helimski.com, 2011.}
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrenianumin toimitteita, 17.)
- Munkácsi 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches wörterbuch. Budapest, 1986.
- Paasonen 1990—1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1—4. Helsinki, 1990—1996.
- Sammallahti, Nickel 2006 — *Sammallahti P., Nickel K. P.* Saamisch-deutsches Wörterbuch. Oslo, 2006.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

РЕЗЮМЕ

Данная статья является продолжением комплексного исследования особенностей семантической деривации существительных на материале селькупского языка. В статье рассматриваются вопросы семантической структуры некоторых соматических терминов в связи с типологией производных значений.

SUMMARY

This article is a prolongation of a complex research of the peculiarities of the semantic derivation of nouns by the example of the Selkup language. The article deals with the questions of the semantic structure of some somatic terms in connection with typology of derivative meanings.

Ключевые слова: селькупский язык, соматические термины, семантическая деривация, метафорический перенос, переносное значение

Keywords: the Selkup language, somatic terms, semantic derivation, metaphorical shift (metaphor), transferred meaning

Этнокультурная символика чисел в башкирском языке

При рассмотрении языковых данных в непосредственной связи с духовной и материальной культурой народа выявляются определенные закономерности в семантике чисел. «Помимо абстрактного, чисто количественного и порядкового значения, число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации» [Толстая 2002: 43].

На разных этапах формирования научной мысли исследователи, включая философов, культурологов и лингвистов, обращались к проблеме символического значения и художественной функции чисел в различных мифопоэтических системах [Шеппинг 1893; Иванов 1968; Лотман 1970; Топоров 1980; Степанов 1989; Жаботинская 1992; Маковский 1996; Кириллин 2000; Толстая 2002 и др]. Функционирование числительных в произведениях устного народного творчества является объектом исследований в трудах отечественных и зарубежных ученых [Иванова 1921; Хроленко 1972; Неклюдов 1984; Новичкова 1984; Жуковская 1988; Пюрбеев 1993; Праведников 1996]. В языкознании в плане изучения символических значений чисел отмечаются работы, затрагивающие проблемы лексико-семантического и этимологического анализа чисел [Поппе 1927; Потеня 1941; Чернышев 1946; Рамстедт 1957; Вежбицкая 1996; Апресян 2009; Blazhek 1999], семантики чисел в составе фразеологических единиц, ономастической лексики, культурологического анализа в картине мира разных народов [Сельвина 1983; Быконя 1998; Шичжан 2001; Голубева 2009].

В тюркском языкознании рассматривались функции чисел в произведениях устного народного творчества, ономастике, фразеологических единицах, мифологии [Кенесбаев 1946; Койчубаев 1969; Молчанова 1976; Кудайбергенов 1980; Петров 1980; Габышева 1988; Мурзаев 1996; Избекова 2000; Abdulla 2006; Durbilmez 2008]. В последнее время числа стали объектом внимания в связи с изучением этнокультурной лексики и реконструкцией пратюркской картины мира [Жанпеисов 1989; СИГТЯ 2006].

В башкирском языкознании, как и в тюркологии в целом, в последние годы возрос интерес к сакрализации чисел, их этнолингвистической семантике. Ученые обратили внимание на символические значения чисел в связи с изучением топонимов [Шакуров 1986; Хисамитдинова 1991; Камалов 1994; Усманова 1994; Бухарова 2003], антропонимов [Кусимова, Биккулова 1975; Раемгужина 2006], фразеологизмов [Раемгужина 1999] и этнокультурных значений слов [Хадыева 2005].

Следует различать понятия числа и числительного. Число является философской категорией, которая имеет свои логические, национально-культурные и мифологические особенности. «Число — абстрактное, лишенное особого содержания обозначение какого-либо члена некоторого ряда, в котором этому члену предшествует или следует за ним какой-нибудь другой определенный член; абстрактный индивидуальный признак, отличающий одно множество от другого того же рода» [ФЭС 2006: 513].

Числительные — это единицы системы языка, которые имеют не только логические особенности, но и сугубо языковые. К тому же, следует отметить, что формированию лексического и грамматического разряда имен числительных предшествовало возникновение понятия числа и счета. «Числительное — часть речи или класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру, связанные с понятием счета» [БЭС 1998: 582—584].

Лексико-семантический и лингвокультурологический анализ чисел предполагает исследование числовых понятий с учетом их языковых, этимологических и национально-культурных характеристик. Данная статья ставит целью изучение этнокультурной символики чисел башкирского языка, встречающихся в мифологии, языке и культуре народа. Описанию подвергаются их сакральные значения, заключающие в себе национально-культурную специфику и выражающие особенности миропонимания, мирозрения народа.

У разных народов существует система сакральных чисел, подчеркивающая оригинальный характер их этнических культур. У тюрков к таким числам относятся числа первого десятка: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, а также 12 и 40 [СИГТЯ 2006: 629]. Из всего набора числового комплекса, который формирует числовые представления башкир в рамках картины мира, выделяются числа 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100, 1000. Сакральная символика этих чисел зафиксирована в духовной и материальной культуре, верованиях, обычаях и обрядах, заговорах, мифологических и космологических представлениях, фольклоре и языке народа.

Бер ‘один’

Число один как первый элемент числового ряда несет особую семантику. В космологической модели мира единица символизирует «первоначало, первое движение, начало» [Ключников 1996: 39].

Прагнорское числительное **bi:r* ‘один’ некоторые ученые связывали с монгольским местоимением *būri* ‘всё, все, каждый’ и древнеяпонским *pitā* ‘один’ [Рамстедт 1957: 65; EDAL: №169; История башкирского народа, 1: 322], другие — со словом *barmaq* ‘палец’ [Тенишев 1978: 110], местоимением *bir/bār* ‘этот вот’, которое указывало на объекты, находящиеся близко от говорящего [Эрнитс 1987: 77—79] и т. д.

Одно из наиболее часто встречающихся значений числа *бер* ‘один’ в башкирском языке — это ‘наличие’, ‘существование’ кого-либо, чего-либо. Это значение тесно связано с употреблением слова *бер* ‘один’ в качестве неопределенного артикля. Такая семантика числа *бер* ‘один’ встречается в эпосе, сказках, где проявляются мифологические представления народа. Эпос «Урал-батыр» начинается с описания ограниченного со всех сторон пространства, именуемого *бер урын* (букв.) ‘одно место’:

*Дурт яғын диңгез ураткан
Булған, ти, бер урын* [БНТ 1972: 33].

‘С четырех сторон окруженное морем
Было место **одно**, говорят’.

Здесь *бер урын* — это определенное место, пространство, где находится какой-либо объект, персонаж или же происходит какое-либо событие, и в центре всего этого находится человек. В восприятии носителя мифологического мышления пространство обязательно обладает предметным наполнением: если нет предмета, нет и пространства. В этом неком месте *бер урын* живет мужчина по имени Янбирде со своей женой Янбикой и двумя детьми (Урал, Шульган). Если исходить из всего контекста эпоса, то данное место *бер урын* нужно понимать как пространство, имеющее определенные пределы, где зарождается жизнь, происходит какое-либо событие, находится какой-либо объект, персонаж [Аминев 2005: 7—8].

В башкирском языке значение ‘целостности’, ‘совершенства’, передаваемое словом *бер* ‘один’, отразилось в выражениях *үзе бер гүмер* ‘целая жизнь’, *бер тигән* ‘очень хороший, самый лучший’ [Ураксин 1996: 252, 70].

Слово *бер* ‘один’ используется со словами-нумеративами и обозначает сильнейшее действие, концентрацию сил в одном куске, капле и т. д., имеющих решающее значение в жизни человека. Это значение встречается в народных поверьях, связанных с культом скота: *мал һаткандә кото китмәһән тип берәр семтем йөнөн, мамығын алып калалар* ‘при продаже скота, чтобы с хозяйства не ушел кот¹ ‘изобилие, удача’, оставляют у себя **один** клочок шерсти или пуха из определенных мест животного’ [Хадыева 2002: 50].

Существуют запреты, подразумевающие, что одна капля, одна крошка и т. д., отделяемая от целого, единого, является разрушающей силой, нарушает целостность. Здесь значение слова *бер* ‘один’ приравнивается к целому, т. е. один как часть целого обладает теми же качествами, что и целое: *бер бөртөк икмәк валсығын төшөрөп тапарга ярамай, гәһәһә була* ‘нельзя ронять даже **одну** крошку хлеба, грех будет’; *мунсанан сыккас эскән һыуга бер генә тамсы тир тамырга тейеш түгел, ауырыу кағыла* ‘в воду, которую пьешь после бани, не должна попасть ни **одна** капля твоего пота, иначе заболеешь’; *төрткө ауырыуынан кулланылган ут яңыртыу имендә бер генә оскон да һүнмәй калырга тейеш түгел, имдең көсө булмай* ‘в ритуале «обновление огня»², совершаемом при заговаривании сибирской язвы, ни **одну** искорку огня нельзя оставлять непогашенной, иначе заговаривание не будет иметь силы’ [Хадыева 2002: 120, 26].

В башкирском языке есть слова, которые несут тот или иной смысловой оттенок, связанный с числовым значением, или, иначе говоря, за этими словами подразумеваются счет, порядок, количество. Слова *яңғыз* ‘одинокий’, *һыңар* ‘не имеющий пары’, *тәүге* ‘первый’ несут одно из нескольких значений лексемы *бер* ‘один’, имеют национально-культурную семантику и отражают мифологические представления народа.

Слово *тәүге* ‘первый’, аналогично *беренсе* ‘первый’, имеет семантику первого движения, начала. Первым действиям, первому явлению придавалось сакральное значение, поскольку, по поверьям, хорошее начало обуславливает успешный ход и успешный конец. Первые действия сопровождалась ри-

¹ *Кот* — этнокультурное понятие, которое обеспечивает человеку удачу, уют, успех, счастье, богатство. *Мал кото* обеспечивает удачу в ведении домашнего скота.

² Суть ритуала «обновление огня» сводится к тому, что во время эпидемий во всей деревне гасят огонь в очагах; после этого мужчины кресалом или трением двух сухих деревянных палок добывают новый огонь, которым окуривают дома и скотные дворы.

туалами, направленными на успешное выполнение, и приобретали магический, сакральный характер: *беренсе тапкыр йәшен йәшнәгәндә теләк теләргә кәрәк* ‘во время **первой** грозы нужно загадать желание’; *беренсе тапкыр көтөү кыуғанда, мал курсаулы булһын өсөн көтөүсегә йомортка бирәләр* ‘при **первом** выгоне скота, чтобы скот был защищенным, пастуха одаривают яйцами’ [Хадыева 2002: 33, 120].

Некоторые обычаи, связанные с купанием в бане, образовались на основе поверий о духе бани (*мунса эйәһе*). Входя в новую или чужую баню, человек должен поблагодарить банника, а уходя — оставить подарки: *кем дә булһа берәү мунсага беренсе мәртәбә инһә, эләүкәһенә еп бәйләп йә булмаһа тәзрә төбөнә тәңкә һалып сыга* ‘тот, кто в **первый** раз моется в чужой бане, должен привязать к лавке нитку или оставить на подоконнике монетку’; *йәш баланы тәүге мәртәбә мунса төшөрһәләр, эләүкәһенә сук бәйләп*: «Бына сук — һиңә бүләк, һиңә бүләк», — *тип сығып китәләр* ‘в обряде **первой** бани младенца, выходя из бани, на лавку привязывают кисточку и произносят: «Вот кисточка — тебе подарок, тебе подарок»’ [БНТ 1995: 56].

Во время новоселья важным моментом считалось первое вхождение в новый дом. Судя по полевым материалам, первым всегда переступает порог мужчина, а вслед за ним жена и другие члены семьи. В новый дом не заходят с пустыми руками. Женщина входит с коромыслом с полными ведрами воды. Также при первом вхождении в дом новоселы заходят с хлебом, кашей, молоком или квашеным молоком, символизирующими достаток и изобилие [Сулейманова 2005: 122].

В народной культуре первое действие, явление имеют значение магического начала и обозначаются особыми терминами. Например, первые волосы ребенка называются *карын сәсе* (букв.) ‘утробные волосы’, их должен стричь мужчина, эти волосы нельзя выбрасывать [Хадыева 2002: 111]. Первая рубашка младенца называется *эт күлдәге* (букв.) ‘собачья рубашка’, ее шьют из семи лоскутков с целью защитить ребенка от болезней, сглаза, злых духов. Раньше, когда ребенок вырос, «собачью рубашку» надевали на собаку, что должно было обеспечить ребенку долголетие и неприхотливость [Хисамитдинова 2002: 116].

Слово *яңғыз* (ОТю **janiz* ‘одинокий, единственный’ [VEWT: 187; ЭСТЯ 1989: 98] возводят к ПА **nōye* ‘один, единственный’, сравнивая с ПМонг **nige(n)* ‘один’, ПКор **njəni(k)* ‘другой’ и др.-яп. *nəti* ‘только’ [EDAL: № 1481]) имеет значение ‘одинокий’, ‘не имеющий пары’ (в противоположность значениям ‘два’ или ‘несколько’). Беспарность и одиночество имели у башкир сакральное значение. Существует множество поверий, табу, примет, связанных с одинокими деревьями, являющимися местом обитания духов. Дух дерева (*ағас эйәһе* букв. ‘хозяин дерева’) обычно невидим, но иногда может принимать облик кукушки или ворона; он покровитель, помощник, иногда недруг человека; наказывает тех, кто рубит, вредит одиноким деревьям; любит умилования (привязывание лент, тряпок, ниток и др.): *ямғыр теләгәндә, яңғыз тирәккә һыу һибәләр* ‘в обряде вызывания дождя поливают водой **одинокий** тополь’ [Хисамитдинова 2002: 4].

Значение отрицательного, связи с нечистой силой, злыми духами обнаруживается в слове *һыңар* ‘непарный, без пары, один из двух’ (ОТю **s[i]nar* < **s(i)an-gar*; возводят к ПА **sjóna* ‘один, единственный’ > ПМонг **sondu-γai* ‘нечетный’, маньчж. *soni-xon* ‘нечетный’, ПКор **hǎnàh* ‘один’, др.-яп. *sane* ‘совершенно, совсем’ [EDAL: №2111]). Если словосочетания со словом *яңғыз* ‘одинокий’ обозначают «одинокие» предметы или лица, которые, в основном, созданы природой, и их «одиночество» является естественным явлением (*яңғыз ағас* ‘одинокое дерево’), то значение слова *һыңар* ‘беспарный’ подразумевает то, что в силу каких-то обстоятельств спаренные явления, предметы, существа, созданные природой, лишились своей пары. В связи с этим у башкир существует множество запретов: *икмәкте һыңар кул менән бүләрә ярамай, икмәк рәһийә* ‘нельзя ломать хлеб **одной** рукой, хлеб обидится’; *утын алып ингәндә бер утынды һыңар кулга тоторға ярамай, яңғызлык теләйһең* ‘когда заносишь в дом охапку дров, в **одной** (свободной) руке нельзя держать одно полено — это к одиночеству’ [Хадыева 2002: 121, 86].

В мифологии башкир слово *һыңар* ‘беспарный’ является постоянным эпитетом в описании отрицательных персонажей, злых духов, нечистой силы, указывает на аномалию природных явлений, несовершенство существ: *шурәле һыңар куллы, һыңар аяклы, һыңар мөгөзлө була* ‘леший бывает **одноруким, одноногим, однорогим**’ [Хисамитдинова 2002: 115]. Ср.: в якутском олонхо выражение *согодох биир* ‘один, единственный, одинокий’ участвует в образовании эпитетов и усиливает отрицательные качества персонажей [Избекова 2000: 113].

Ике ‘два’

Природа числа *два* подразумевает парность, в частности, в таких ее аспектах, как четность, дуальность, двойничество, близнецество, с одной стороны, и противостоит одному, единому — с другой [Топоров 1982: 629].

В алтаистике принято считать, что первоначальное значение тюркского числительного (ПТю **ejki* ‘два’) было ‘ближайший, следующий’, и связывать его с ПКор **räki* ‘следующий’, др.-яп. *räka* ‘другой’ [Ramstedt 1957: 92—93; EDAL: № 2787; История башкирского народа, 1: 322]. Э. Р. Тенишев выдвигает гипотезу, что числительное *eki* ‘два’ произошло от встречающегося в орхонских памятниках глагола *er-* ‘следовать, преследовать’ [СИГТЯ 1988: 165]. Таким образом, по различным гипотезам, понятие *eki* ‘два’ подразумевает число, следующее за числом один, ближайшее к числу один.

С числом *ике* ‘два’ в поверьях башкир связано наличие двух миров: этого и загробного. Это выражается в пожеланиях и проклятиях: *ике донъяның рәхәтен күр* ‘живи хорошо в двух мирах’ [Хадыева 2002: 124]; *ике донъяла изгелек күрмәгер* ‘чтоб не видать тебе добра в двух мирах’ [СБЯ 1993, I: 369].

В ранних космологических и мифологических представлениях башкир число *ике* ‘два’ также рассматривалось как единство и в то же время противоположность двух начал. В эпосе «Урал-батыр», где отразились отголоски мифологических представлений, число *ике* ‘два’ употребляется в значении единства двух начал:

Икәүҙән-икәү шул ерҙә
Башлап гүмер иткән, ти.
Тора-бара ул икәү
Ике уллы булып киткән, ти [БНТ 1972: 33].

‘Двое надвое в тех местах
 Жизни плод они зародили.
 Родилось у них двое детей,
 Двое родилось сыновей’.

Число *ике* ‘два’ употребляется при описании явлений, олицетворяющих противоположность двух начал. В своих записках Д. П. Никольский особо останавливается на описании представлений или, как он сам пишет, мирозерцания башкир: «По представлениям башкир, в мире живут два начала: одно начало — добра, другое — зла, и между ними происходит постоянная борьба из-за человека. Этим же двум началам и их представителям приписывается происхождение многих явлений природы, поступки людей, их удачи или неудачи, счастье или несчастье и т. д. Представителями добра являются ангелы, а зла — шайтаны (дьяволы); последние употребляют все усилия и способы, чтобы сделать человеку, его скотине, занятиям и т. п. что-нибудь худое, и их старания увенчиваются успехом и в особенности там, где люди много грешат и живут не по заповедям» [Никольский 1899: 116].

Как говорилось выше, естественной является спаренность предметов, явлений. В башкирской мифологии наблюдается особое отношение к спаренным предметам (например, к сдвоенным плодам, сдвоенному желтку и др.): их считали священными, требующими особого отношения. Значение спаренности, целостности передается словами *игез* ‘двойня’, *куш* ‘парный, спаренный’, *иш* ‘пара’.

По поверьям, парные предметы и существа нельзя лишать пары: *куш агастың берәһен генә киҫергә ярамай, яңғыз калаһың* ‘нельзя рубить только одно из сросшихся деревьев — останешься в одиночестве’ [Хадыева 2002: 125]. Подарки, угощения, преподносимые незамужним девушкам и неженатым молодым людям, должны быть парными, что символизирует пожелание найти свою пару — жену или мужа: *өйләнмәгән кыз һәм егеттәргә бүләкте ишле итеп бирергә кәрәк, ишләнеү теләген аңлата* ‘незамужним девушкам и неженатым парням нужно дарить парные подарки, что подразумевает пожелание замужества или женитьбы’ [Хадыева 2002: 125]; *куш муйылды баш астына һалып ятһаң, кемгә кейәүгә бараһың йәки кемде кәләш итеп алаһың, шуны төшөңдә күрәһең* ‘если под подушку положить сросшиеся плоды черемухи, приснится твой будущий муж (жена)’ [БНТ 1995: 152].

Некоторые запреты содержат противопоставления чисел *бер* ‘один’ и *ике* ‘два’: *ике кешегә бер юлы көзгөгә карарга ярамай* ‘двоим нельзя одновременно смотреться в одно зеркало’; *ике кешегә бер таҫтамалга һөртөнөргә ярамай* ‘два человека не должны вытираться одним полотенцем одновременно’; *бер йортка ике өй ултыртырға ярамай* ‘в одном дворе нельзя строить два дома’ и т. д. [Хадыева 2002: 126]. Здесь можно говорить о понятии *өлөш* ‘доля, предназначенная человеку Богом’. По представлениям башкир, каждый человек еще до рождения наделяется своей долей (*өлөш*), которая отмеряется сверху и записывается на лбу человека. В понятие *өлөш* ‘доля’ у башкир входят причитающаяся человеку жизнь, предначертанная судьба, предписанные поступки, предназначенные встречи и предопределенная смерть [Хисамитдинова 2002: 193—195].

В башкирской мифологии рождение близнецов, двойни (*игез/игезәк*) оценивалось, в основном, положительно. Существует система поверий и примет по отношению к двойне в семье: *игезәктәр бер*

бөтөн тип һаналған: береһе йөрәк, икенсеһе бауыр; йөрәк булғаны үлһә, икенсеһе лә йәшәмәйәсәк; бауыр булғаны үлһә, икенсеһе артабан йәшәүен дауам итәсәк ‘близнецы (двойня) считались одним целым: один из них — сердцем, другой — печенью; если умрет тот, который считается сердцем, и второй не будет жить; если умрет тот, который считается печенью, то второй будет жить’ [Хадыева 2002: 126]. У башкир мать близнецов, ее руки, предметы ее одежды считались целебными, т. е. способными излечивать от разных болезней. Стельками, украденными у нее, окуривали больного или помещение, отгоняя (изгоняя) злых духов.

В представлениях древних тюрков, близнецы — самые близкие между собой братья, брат и сестра или сестры. Существует выражение *egiz baladaj* ‘словно близнецы’, подчеркивающее самые близкие родственные отношения [СИГТЯ 2006: 549]. Названия близнецов во всех тюркских языках являются словами, образованными от числительного *eki* ‘два’. По мнению Э. Севортыяна, *ekiz* ‘близнецы’ представляет собой производное от числительного *eki* ‘два’ посредством аффикса *-z* [ЭСТЯ 1974: 253]. Отсутствие других названий для близнецов в тюркских языках говорит о древности и длительности существования этого общетюркского слова (ПТю **ejkiř*, чув. *jaGar*, заимств. в ПМонг **igire*) [СИГТЯ 2006: 549; Дыбо 2007: 56].

Значение числительных *бер* ‘один’ и *ике* ‘два’ усложняется еще более глубокой семантикой четности и нечетности чисел в целом. Так, по традиции башкир, грудное вскармливание младенца раньше длилось до одного и полутора лет, иногда до трех и более. Отнимать от груди не рекомендовалось в возрасте двух или четырех лет: согласно поверью, отлучение ребенка от груди в четные годы сокращало жизнь родителей [Гумаров 1980: 130].

Өс ‘три’

Число три является одним из самых распространенных сакральных чисел в культурах народов мира. Объяснение тому, почему три трактуется как образ некоего абсолютного совершенства, некоторые исследователи находят в свойствах самого числа три, представляющего собой идеальную структуру с выделяемым началом, серединой и концом [Топоров 1980: 22]. Но есть и другое объяснение, согласно которому, космологические представления древних людей о верхнем, среднем и нижнем мирах привели к принципу троичности [Евсюков 1988: 143].

Этимологию ПТю числительного **iř* ‘три’ возводят к ПА **jiu(č)* ‘три’ [EDAL: №1553; История башкирского народа, 1: 322]. Существуют и другие этимологии: Г. И. Рамстедт сравнивал тюрк. *iř* с монг. *ičü-ken* ‘маленький, немного’, тунг. *iču-le* ‘разбивать, делить на куски’ и т. д. [Ramstedt 1957: 148]. К. К. Юдахин, наблюдавший игру киргизских детей в альчики, записал систему счета с употреблением *iř* в значении предела счета — ‘пять’. Он установил в качестве первоначального значения киргизское *iř* ‘конец’ [Юдахин 1940: 191—193]; ср. также предполагаемую связь с ОТю *iř* ‘конец, вершина, острие’ в [Чанышев 1985: 79]. Э. Р. Тенишев также предполагал, что первоначальный предел счета *iř* стал обозначать ‘три’ [СИГТЯ 1988: 166].

В древнейших представлениях башкир с числом *өс* ‘три’ связано членение мифологического пространства на мир подземный, земной и небесный. В эпосе «Урал-батыр» сохранились отголоски древнейших мифов о «первотворении», космической модели Вселенной в ее трихотомическом варианте: 1) о верхнем, небесном, мире, где живут бессмертные небожители (*күк өстө*); 2) среднем, земном, населенном обыкновенными людьми (*ер өстө*); 3) нижнем, подземном, где живут темные и злые силы, приносящие вред обитателям среднего мира и небожителям (*һыу / ер асты*). Представление о трехъярусной модели мироздания было свойственно и другим народам. Так, в якутском эпосе Вселенная состоит из трех миров: верхнего — небес (*Үөһээ дойду*), среднего — земли (*Орто дойду*), нижнего — преисподней (*Аллараа дойду*) [Избекова 2000: 69].

Мифологические воззрения, древнейшие представления человека о мире, жизни нашли специфическую и образную материализацию в обрядах, ритуалах, обычаях. Так, число три, символизирующее завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, чаще всего фигурирует в обрядовых и ритуальных ситуациях, при которых то или иное магическое действие совершается трижды. В народной магии нужно заклинание, молитву, действия, ритуал, определенное слово и словесные формулы для мощного воздействия необходимо повторять три раза. *Йыгылганда: «Тфу, тфу, тфу, шайтан, миңә кагылма, ана энгә кагыл», — тип һамаклап кагынып-һугынып йыгылған ергә өс тапкыр төкөрәһең* ‘при падении нужно быстро вскочить, отряхнуться, сплунуть три раза и произнести заговор: «Тфу, тфу, тфу, черт, меня не трогай, вон беса трогай!»’ [БНТ 1995: 65].

Троекратный повтор действий особенно часто встречается в лечебной магии. В заговаривании болезней *тимерәү* ‘лишай’, *өсйән* ‘рахит’, *быума* ‘эпилепсия’, *арна* ‘ячмень на глазу’, а также в обряде возвращения души (*кот койоу*³) действия и заговоры повторялись по три раза. Например:

Арпаны төртә-төртә имләйзәр. Арна имләгән кешенән икенсе берәү:

— *Ни сыккан? — тин һорай.*

— *Теҗеҗе.*

— *Арна сыккан, — тин яуап бирә.*

— *Ни имләйһең?*

— *Арна имләйем.*

Ошо рәүешле өсәр кабат әйтәләр [БНТ 1995: 65].

‘Когда заговаривают ячмень на глазу, тычут в глаз (зернами ячменя). Кто-нибудь спрашивает у знахаря:

— Что появилось?

— Ячмень появился, — отвечает знахарь.

— Что заговариваешь?

— Ячмень заговариваю.

Так повторяют **три раза**’.

В лечебной магии, обрядах, направленных на устранение недуга или обеспечения благополучия семье, дому и т. п., условием достижения цели является использование при заговаривании трех различных предметов, взятых из трех мест: *куз тейеүзе өс мунсанан таиш алып имләгәндәр* ‘сглаз заговаривали камнями, взятыми в **трех** банях’ [Хадыева 2002: 23]; *биртек ауырыуын имләгәндә өс өйзән биртек ашы йыйгандар* ‘при заговаривании радикулита собирали обрядовую пищу из **трех** домов’ [БНТ 1995: 80].

Также при заговаривании болезней распространено троекратное применение какого-либо предмета: *өзлөгөүзе дауалаганда күлдәк итәген өс урындан төйнәйзәр* ‘при лечении осложнений после родов на подоле платья больной женщины завязывают **три** узла’ [БНТ 1995: 80].

В заговорах применяются три разных предмета: *аусын ауырыуын дауалаганда өс төрлө дарыу куллангандар* ‘при лечении ящура использовали **три вида** лекарств’ [БНТ 1995: 83]; *өсйән ауырыуын өс төрлө әйбер менән имләгәндәр* ‘рахит заговаривали **тремя разными** предметами’ [БНТ 1995: 77].

В заговорах встречается использование предметов трех разных цветов: *нәстә кағылганда өс төстәге (кызыл, кара, ак) еп менән ауырыузың буйын үлсәгәндәр* ‘при заговаривании одержимости и беснования измеряли рост больного нитками **трех разных цветов** (красный, черный, белый)’ [БНТ 1995: 89].

Количество предметов в некоторых заговорах должно было равняться трем: *арпаны күзгә өс бөртөк арпаны өс тапкыр төртөп өс мәртәбә имләгәндәр* ‘ячмень на глазу заговаривали **три** раза, касаясь глаз **тремя** зернами ячменя’ [Хадыева 2002: 64].

Акцент на числе *өс* ‘три’ характерен для похоронно-поминальной обрядности мусульман. На третий день после смерти человека проводили поминки *өсө* ‘третьины’. Выражения *өсөн укытыу* ‘чтение Корана на третьины’ и *өсөн үткәреу* ‘проведение третьин’ определяют семантику третьего дня в похоронно-поминальном обряде, указывая на сакральный рубеж времени [СБЯ 1993, 2: 80].

Сакральная семантика числа *өс* ‘три’ отразилась и в материальной культуре башкир. На женское украшение *маңлайса* (налобник) монеты пришивались в три слоя (*өс кат тәңкә*), на женскую одежду *әмәйлек* (неширокий женский нагрудник, украшенный серебряными монетами, драгоценными камнями, кораллом и надеваемый наискосок через плечи) серебряные монеты нашивали в три ряда (*өс рәт тәңкә*) [Багаутдинова 1994: 51]. По поверьям, треугольная форма предмета обладала магической силой и выполняла обережную функцию: *өсмөйөшлө бетеу* ‘треугольный амулет’ — амулет треугольной формы, в который зашивалось изречение из Корана; считалось, что он охранял от болезней, несчастий и нечистой силы [Хисамитдинова 2002: 28].

³ У башкир существует понятие *кот* — душа счастья и благополучия. Если *кот* рядом, в человеке, тогда настроение, нрав, дух, здоровье и счастье находятся на месте. Кроме того, человек, у которого есть *кот*, приятен, удачлив и любим. Если душа *кот* улетает, то человек выбивается из привычной жизни, легко поддается болезням, недугам. В таких случаях проводится обряд возвращения души (*кот койоу*), когда с помощью определенных действий возвращают *кот*: над головой больного держат сосуд с водой и льют в воду расплавленный свинец, по отлившейся фигурке отгадывают существо, которое якобы испугало больного; в дальнейшем этот кусочек свинца как фигурка-оберег носится на груди.

Дурт ‘четыре’

Ученые отмечают, что основной смысловой оттенок числа четыре — это статика, постоянство. Большинство исследователей связывают генезис традиций, относящихся к сакраментальному числу четыре, с горизонтальной структурой космической модели мира [Иванов, Топоров 1965: 109; Жуковская 1980: 209; Хроленко 1972]. Ученые отмечают, что четырехмерное членение пространства присуще человеку с древнейших времен до наших дней и оно нашло отражение не только в мифологии, эпосе и т. д., но и сугубо материальном быту — планировке первобытного и средневекового жилища древних, средневековых и даже современных городов [Жуковская 1980: 209].

ПТю *dö:rt ‘четыре’, по мнению Г. И. Рамстедта и А. Н. Самойловича, имеет основу dö-, общую с общемонгольским *dörben* ‘четыре’ [Рамстедт 1957: 64; Самойлович 1927: 148]; ср. также в [История башкирского народа, 1: 322]: ПА *tōj(r)V; ПТМ *du-ki ‘четвертый’, *duji(n)* ‘четыре’; ПЯп *dā-; ПТю *dör-t; ПМонг *dör-ben ‘четыре’, *dö-čin ‘сорок’. Я. А. Чанышев считает, что тюркское числительное *tö:rt* ‘четыре’ образовано лексико-семантическим способом от ОТю *tür* ‘сворачивай, свертывай’ + *t(y)* ‘палец’ [Чанышев 1985: 79]. Как рассуждает Э. Р. Тенишев, числительное *tö:rt/dö:rt* ‘четыре’ этимологически может быть связано с четвертым (указательным) пальцем, функция которого состоит в указании на предметы, что обозначается глаголом *tört* ‘толкнуть’ [СИГТЯ 1988: 167]. Похоже, что этимология числительного *дурт* ‘четыре’ никак не сказалась на сакрализации числа.

Число четыре входит в довольно древнюю традицию обозначения четырех сторон, четырех углов или всего света. Ср.: др.-уйг. рун. *tört buluḡ* ‘страны света’ (букв. ‘четыре угла’), др.-уйг. *tört buluḡ* ‘весь мир’ (букв. ‘четыре угла’). В современных тюркских языках *tört* в сочетании со словами, обозначающими ‘сторона, угол’, образует словосочетания со значением ‘весь мир, земной шар; четыре стороны, угла света’: тур. *dünjanın dört buḡagundan* ‘со всех концов света’ (букв. ‘с четырех углов света’), каз. *dünjenin tört buruḡu* ‘весь мир, земной шар’ (букв. ‘четыре угла света’), кбалк. *tört dunja* ‘весь мир’ (букв. ‘четыре мира’) [СИГТЯ 2001: 582].

Деление мира на несколько отдельных частей или сторон было широко распространено и у башкир. В эпосе «Урал-батыр» говорится о четырехмерном членении пространства в представлении людей:

Дурт ягын диңгез ураткан
Булған, ти, бер урын [БНТ 1972: 33].
‘С четырех сторон окруженное морем
Было место **одно**, говорят’.

Константа, исходящая из древнейших географических познаний далеких предков, служит постоянным эпитетом, выполняя уже художественно-эстетическую функцию в выражении *дурт ягың кибла* ‘ступай на все четыре стороны’ (букв. ‘все твои четыре стороны кибла — направление на Каабу’) [СБЯ 1993, I: 297].

Как известно, в эпосе художественное освоение, «понимание» связываются с созерцанием глазами [Бурцев 1998: 7]. По всей вероятности, это созерцательное начало породило свои «закономерности» в освоении окружающего мира посредством числовых комплексов, которые неукоснительно соблюдаются, в частности, в эпических описаниях. Суть его заключается в том, что народ при описании объекта, устремляя свой взор по вертикальной оси (сверху вниз или снизу вверх), подбирает в качестве «эпитетов» нечетные числа три, семь и девять. Например, в башкирском языке выражение *ете кат ер астында* ‘под семью слоями земли’ указывает на вертикальное мифологическое пространство. Когда же человек описывает предметы и объекты, устремляя взор по горизонтальной плоскости вокруг описываемого предмета, то употребляет как «эпитеты» четные числа: *дурт тараф* ‘четыре стороны’.

Такой принцип описания окружающего мира наблюдается не только в эпосе, но и активно воплощается в жизнь в повседневной практике, в частности, в построении жилищных и хозяйственных сооружений. Представления народа о четырехмерном членении пространства и мысль о четырехугольной форме жилищных построек прослеживаются в обрядах, ритуалах и поверьях: *ен эйәләшкән өйҙәң дурт мөйөшөнә мылтык атып, ат индерең, артың яндырып, ауырыуҙы өшкөрөп ен кыуалар* ‘если в доме завелись бесы, то дом окуривают можжевельником, заводят лошадь, стреляют из ружья по **четырем углам**, а беса, вселившегося в больного, изгоняют способом *өшкөрөү* (чтением молитв, нашептыванием, сдуванием)’ [Хисамитдинова 2002: 51]; *йорт эйәһе күрөнөп, борсон йөрмәһен өсөн, йорттоң дурт мөйөшөнә йомортка һалаһың* ‘чтобы домовый не беспокоил, по **четырем углам** дома кладут яйца’ [БНТ 1995: 56]. Такие поверья связаны с верой в существование домового (*өй эйәһе*), местом обитания которого является порог, потолок и углы дома.

Мифологическая окраска числа *дүрт* ‘четыре’ проявляется и в поверьях народа. По представлениям башкир, у человека бывает четыре души (*дүрт йән*): *йән* ‘душа жизни’, *исем* ‘душа имени’, *кот* ‘душа счастья и благополучия’, *тын* ‘душа дыхания’ [Хисамитдинова 2002: 59]. Эти души в совокупности определяют жизнь и смерть, здоровье и благополучие, сущность и судьбу человека, поэтому в башкирских верованиях, обычаях и обрядах, фольклоре и в целом традиционной культуре душа занимает особое место. Ср. в древнеуйгурском буддийском тексте: *tört toym* ‘четыре рождения’ [СИГТЯ 2006: 631; ДТС 1969: 581].

Биш ‘пять’

Как отмечают исследователи, число пять предполагает земной порядок вещей и включает в себя четыре конечности тела и голову, которая их контролирует, а также четыре стороны света и центр [Керлот 1994: 577].

В отношении многих языков отмечалось, что числительное ‘пять’ происходит от слов со значением ‘рука’ [Панфилов 1977: 172—173]. Как отмечает В. В. Иванов, «наиболее подходящим предметом для обобщающих операций была пятипалая человеческая рука, свойством которой является способность взаимно однозначно соответствовать пяти каким-либо другим предметам» [Иванов 1978: 65—69]. И действительно, во многих языках мира числительное со значением ‘пять’ имеет родство со словами ‘пядь’, ‘ладонь’, ‘рука’ [Кондратов 1978: 130], например: тадж. *пенже* ‘рука, кисть руки’, рус. *пятерня*, эскимос. *манга* ‘кисть руки; пять’. Г. И. Рамstedт связывает тюрк. *beş* ‘пять’ с чув. *piłək~pillək*, каз. *bilek* ‘запястье’ [Рамstedт 1957: 65]; ср. в [История башкирского народа, 1: 322]: ПТю **bējl-ek* ‘пять’ — инновация неясного происхождения.

По Э. Р. Тенишеву, числительное *pä:š / bä:š* восходит к слову *beläk* ‘предплечье, запястье, кисть руки’: слово состоит из корня *bel-* и аффикса уменьшительности *-äk*. Производной от *bä:l* является форма *bä:š* (на основании соответствия *l ~ š*) [СИГТЯ 1988: 168]. Э. Р. Тенишев предполагает, что «числительным пять, которое содержало в основе значение ‘рука, одна рука’, у тюрков некогда заканчивалась система счета» [СИГТЯ 1988: 168]. В башкирском языке есть выражение *бир бишеңде* ‘дай пять (пятерню)’, в котором числительное *биш* ‘пять’ употребляется в значении ‘рука’, и значит, *биш* ‘пять’ у башкир также ассоциировалось с человеческой рукой.

В башкирской народной культуре сакральное число *биш* ‘пять’ как сумма горизонтального пространства (четырёх сторон) и центра встречается в эпических произведениях. В эпосе «Урал-батыр» говорится о пяти странах:

*Биш ил барын белдем мин:
Береһендә мин тыгузым,
Икеһен барғас күрзем мин,
Калған тағы икәүһен
Күрергә тин сыҡтым мин* [БНТ 1972: 83].

‘Пять стран я узнал:
В одной родился я сам,
Две увидел, когда странствовал я,
Остальные же две
Отправился повидать’.

Кроме того, числительное *биш* ‘пять’ наряду с нечетными *өс* ‘три’, *ете* ‘семь’ и *туғыз* ‘девять’ используется в обозначении магических отрезков времени, пространства и т. д.:

*Урал ятқас йокларға,
Биш көн тотош йоклагас,
Шүлгәндән кыз шикләнгәс,
Кыззар куйған һақларға* [БНТ 1972: 95].

‘Когда Урал ложился спать,
Мог он проспять **пять** дней подряд.
Опасаясь Шульгена, к Уралу
Хумай приставила девушек [его] сторожить’ (эпос «Урал-батыр»).

В некоторых заговорах числительное *биш* ‘пять’ употребляется как сакрально значимый компонент:

*Йәшен йәшнәгәндә әйтә торған һамак:
Йәшен, йәшен, кешнәмә,
Бер кемде лә теһләмә,
Яманлыктар эһләмә,
Бына һиңә биһ нәмә.*

Ошо һамакты әйткәс, сәс, артыһи йә миләһи ботағы, энә, еп, тоззо төрлө якка һипкәндәр [Хисамитдинова 2002: 72].

‘Заговор, который произносят во время грозы:
Молния, молния, не надо ржать,
Никого не кусай,
Зла не делай,
Вот тебе **пять** предметов.

После произнесения заговора по сторонам разбрасывали пять предметов: волосы, ветку можжевельника или рябины, иголку, нитку, соль’.

Использование пяти предметов в магии, возможно, связано с пятью элементами бытия; ср.: *beş qutlar* ‘пять элементов бытия’ [ДТС 1969: 97].

Ете ‘семь’

Особого рассмотрения заслуживает древнее сакральное число *семь*. Учеными предпринимались неоднократные попытки с различных точек зрения объяснить огромную популярность «магической семерки» у разных народов. Семерка воспринималась как символ счастья, удачи и благополучия, что получило столь широкое распространение в поверьях, обрядах и быту народа.

В мировой науке существует огромное количество теорий, объясняющих сакральный характер числа *семь*. Одни утверждают, что семидневные фазы луны явились предпосылками возникновения и сакрализации числа *семь* [Фролов 1968]; другие отмечают, что человек без подсчета способен правильно определять различие предметов в количестве 7 ± 2 [Миллер 1964: 192—225; Панфилов 1977: 167]. Существует также точка зрения, согласно которой, постоянство расположения семи цветов радуги явилось основой древних представлений о магическом характере числа *семь* [Иоселева 1965: 241]; по мнению В. Н. Топорова, число *семь* «возникает из суммы чисел 3+4» [Топоров 1982: 630].

Э. Р. Тенишев отмечает, что число *семь* у тюрков образует широкий круг понятий с устойчивой тенденцией — в обозначении религиозных представлений разных конфессий, формировании астрономических терминов и представлений, построении фольклорных сюжетов, пословиц и поговорок [СИГТЯ 2006: 633].

Сакральную семантику числительного ‘*семь*’, засвидетельствованную еще в раннюю эпоху, можно обнаружить в древнетюркских памятниках. Число *семь*, считавшееся магическим уже в период создания древнетюркских рунических памятников, получило в них художественно-композиционную роль: *Kül tigün kon jylka jimi jägirnikä* *учды: токузынч ай jäti отузка joñ ärtürtimiz. Баркын бәдизин битиг таиш(ын) бичин жылка jitimч ай jimi отузка кон алкады(м)ыз. Kül tigün ö(lin) кырк артук(ы) jimi jашынь булып таиш... бунча бәдизчиг тоїһун ältäbär käl(p)ti* ‘Кюль-Тегин улетел (т. е. умер) в год овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. (Надгробное) здание резные (фигуры?) и камень с надписью (в честь) его — мы все (это) освятили в год обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюль-Тегин умер сорока семи лет. Камень ... столь много резчиков привели тойгцны и эльтеберы’ (Памятник в честь Кюль-Тегина)’ [Малов 1951: 64, 69].

Махмуд Кашгари в своей книге «Диван Лугат ат-Турк» при толковании понятий *jetigän* ‘Большая Медведица’ и *jetti kat kuk* ‘семь слоев неба’ опирался на представления древних тюрков о семерке [Кашгари 1939—1943].

В «Древнетюркском словаре», составленном на основе материала из древнетюркских памятников, даются выражения с символическими значениями чисел: *jeti ayiliq nomlar* ‘семь драгоценных учений, семикнижие Мани’; *jeti jemki* ‘название манихейского обряда, связанного с принятием пищи’ [ДТС 1969: 259].

Современная алтаистика возводит ПТю числительное со значением ‘семь’ к ПА числительному **nadi-* ‘семь’: ПТМ **nada-n*; ПЯп **nana-*; ПТю **jet-ti*; ПКор **nir-(küp)* [История башкирского народа, 1: 322]. Г. И. Рамстедт тюркское число *je+ti* ‘семь’ связывает со значением ‘палец-едок’, т. е. ‘палец для еды’ (от *je-* ‘есть, кушать’) [Рамстедт 1957: 66]. М. Хартманн и М. Ряснен полагают, что *jeti* происходит

от глагола *jet-* ‘достигать’; *jet-di* > *jeti* ‘достигнуто, готово’ [Hartmann 1900: 155; Räsänen 1957: 77—78]. Их предположения развиваются Э. Р. Тенишевым, который считает, что тюркским числом семь заканчивался подсчет [СИГТЯ 1988: 169].

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, число *ете* ‘семь’ несет мощную сакральную семантику. По частоте употребления и широте охвата сфер употребления число *ете* ‘семь’ занимает особое место среди чисел.

Числительным *ете* ‘семь’ выражаются космологические представления башкир о пространственном строении мира. По поверьям, земля и небо состоят из семи слоев. Небесное мифологическое пространство, где обитают ангелы, высшие силы, обозначается выражением *ете кат кук* ‘семи-слойное небо’. Выражение *ете кат ер асты* ‘под семью слоями земли’ указывает на мифологическое пространство, где обитают злые силы, низшие существа [Хадыева 2005: 113]. Ср.: крх.-уйг. *jetti qat kök* ‘небо с семью сводами’, кбалк. *žerni žeti qatu* ‘ад’ (букв. ‘семь слоев земли’) [СИГТЯ 2006: 633].

Выражения *ете диңгез аръягында* ‘за семью морями’ и *ете тау артында* ‘за семью горами’ обозначают границы, где начинается чужой мир. Достижение этого пространства в сказках сопровождается различными трудностями, испытаниями [Хадыева 2005: 113].

Понятие *ете юл сатында* ‘на перекрестке семи дорог’ является обозначением открытой местности, пересечения нескольких дорог, где со всех сторон дует ветер. Пересечение семи дорог несет этносемантику «опасной границы» [Хадыева 2005: 114]: считалось, что на таком месте концентрируются нечистая сила, болезни, злые духи, черные мысли и т. д. Надо остерегаться перекрестка семи дорог: нельзя останавливаться, садиться отдыхать, там не должны находиться постройки, сенокосные угодья, иначе пристанет дух болезни (*ауырыу һуғыла*) [Хадыева 2005: 123]. На перекресток семи дорог изгоняли духов болезней, выбрасывали предметы, примененные в лечебной магии, «чтобы нечистая унесла болезнь»: *тиф, осок ауырыуларын ете юл сатына кыугандар* ‘дух болезни тифа и духи болезней, возникших от воздействия нечистой силы, изгоняли на перекресток семи дорог’ [Хисамитдинова 2002: 55]. Для изгнания болезни раньше знахари изготовляли куклу, которую, продержав три дня за пазухой больного, вместе с золой и кусочками хлеба выбрасывали на перекресток семи дорог.

Сакральное значение семерки обнаруживается и в понятии *ете төн уртаһы* ‘середина семи ночей, глубокая ночь’, воспринимаемом в поверьях как время мистических явлений: *ете төн уртаһында кук кабағы асыла һәм ождама күренә* ‘глубокой ночью (в середине семи ночей) открывается небесный купол и становится видным рай’; *һәр айҙың 14-се көнөндә ете төн уртаһында һыу кыздары күл өстөнә сығып сәстәрән тарай* ‘14-го числа каждого месяца глубокой ночью (в середине семи ночей) русалки выходят из воды и расчесывают волосы’ [Хадыева 2002: 31]; *ете төн уртаһында абаға сәскә ата* ‘глубокой ночью (в середине семи ночей) расцветает папоротник (мифический огненно-красный цветок, делающий счастливым того, кто его увидит)’ [Хадыева 2002: 123, 15]. Ср.: каз. *жеті карақшыны таныған жеті тунде адаспас* [Кенесбаев 1946: 4] ‘тот, кто распознает на небосклоне Большую Медведицу, и глубокой ночью не заблудится’.

Семерка выступает как удобный эталон для отсчета времени. Значение предела времени числительное *ете* ‘семь’ несет в сочетаниях, выражающих родственные отношения: *ете быуынын белеу* ‘знать семь поколений’. Считалось, что башкир должен был знать своих предков до семи колен. То же самое значение имеет выражение *ете атаһы* ‘семь отцов’ — до семи колен, семизначного предела мир является родным, своим, а за семью начинается чужое. Выражение *ете ят* букв. ‘семикратно чужой’ употребляется для передачи значения отсутствия родственных уз [Хадыева 2005: 113]. В других тюркских языках также встречаются выражения, которые несут семантику семизначного предела родственных отношений: каз. *žeti ata* букв. ‘семь отцов’, кбалк. *žeti atadan beri* ‘испокон веков’ (букв. ‘начиная с семи отцов’) [СИГТЯ 2001: 584].

Число *ете* ‘семь’ как эталон времени закрепилось и в религиозных представлениях: на седьмой день после смерти человека проводили седмины (*етеһе*). Выражения *етеһен укытыу* ‘чтение Корана на седмины’ и *етеһен үткәреу* ‘проведение седмины’ также указывают на значимость седьмого дня поминок как сакрального рубежа времени [СБЯ 1993, 1: 732]. Ср.: в узбекской традиции *jetti* ‘четвертый траурный день’ (число семь складывается из трех ночей и четырех дней) [СИГТЯ 2006: 633].

При определении количества предметов и их вида, а также при счете, повторе вопросов и ответов и т. п., что характерно для целого ряда обрядов, семерка выбирается как число, обладающее мощной магической силой: *ете бөртөк арпа менән арпа имләу* ‘заговаривать ячмень на глазу семью зернами ячменя’ [Хадыева 2002: 124]; *бил биртенгәндә ете өйҙән биртек йыйыу* ‘собирать из семи домов обрядовую пищу для заговаривания радикулита’ [Хисамитдинова 2002: 29]; *ен кағылганда ауырыуҙың буйын ете төрлө еп менән үлсәу* ‘измерение роста больного нитками семи разных цветов при болезни от воздействия нечистой силы’ [БНТ 1995: 89].

Отрезок времени, в течение которого выполняется какое-либо действие, в сказках и эпосе определяется магическим числом *ете* ‘семь’ и передается выражениями *ете кән*, *ете төн* (*барыу*, *йоклау*, *алышыу* *h. б.*) ‘семь дней, семь ночей (идти, спать, сражаться и т. д.)’: *Ете кән, ете төн урманды кызырып йөрөгәндән һуң, кинйә улы бер мәмерйә алдына килеп сыккан* ‘Семь дней, семь ночей бродил младший сын по лесу, пока не оказался у пещеры’ (сказка «Три невестки»).

Тугыз ‘девять’

В ряде традиций число девять является главным сакральным числом. Как считает Н. Л. Жуковская, причина употребления девятки как «символа полноты и завершенности» заложена в математической природе этого числа: «число девять в десятичных системах счета — самое полное и наибольшее число первого числового ряда» [Жуковская 1992: 10].

В тюркских языках числу девять свойственно значение полного предела количества предметов и действий [СИГТЯ 2006: 634]. В современных тюркских языках встречаются различные случаи символической полноты числа девять: тур. *dokuz babaly* ‘внебрачный ребенок’ (букв. имеющий девять отцов); кат. *doqiz* ‘комплект белья как свадебный подарок жениху’; каз. *bir toyuz* ‘подарок из девяти предметов или девяти видов скота’; кирг. *toyuz* ‘подношение или штраф из девяти видов скота’; узб. *tiqqiz tovoq* ‘угощение, подаваемое на подносах гостям (женщинами) во время свадьбы, состоящее, по установленному обычаю, из девяти различных блюд’ [СИГТЯ 2006: 634].

Г. И. Рамстедт относит тюркскую форму *toquz* к монг. *tokur* ‘несгибающийся, скрюченный (о пальце)’ [Рамстедт 1957: 66]; ср. в [История башкирского народа, 1: 322]: ПТю **tokur* — инновация неясного происхождения. М. Рясänen считает, что числительное *toquz* ‘девять’ в конечном итоге связано с побудительной формой от глагола *toky-* ‘стучать’ — *tokkyz-* ‘вели стучать’ [Räsänen 1957: 78]. Числительное *toquz* ‘девять’ у тюрков было когда-то пределом счета: об этом свидетельствуют его значение ‘много, неисчислимо’ в турфанском говоре уйгурского языка и счет на девятки у якутов *sylyg toyusa* ‘калым в размере девяти лошадей, девяти быков и девяти коров’ [СИГТЯ 1988: 171].

У башкир число *тугыз* ‘девять’ встречается в верованиях, связанных с рождением ребенка. По представлениям народа, ребенок появляется на свет по истечении девяти месяцев, девяти дней, девяти часов и девяти мгновений. Жизнетворящая сила и целостность числа *тугыз* ‘девять’ прослеживаются в пожеланиях повивальной бабки:

<i>Тугыз айза тулгандың,</i>	‘Девять месяцев вертелся,
<i>Тугыз көндә болгандың,</i>	Девять дней крутился,
<i>Кендек инәң мине бел...</i> [БНТ 1995: 235].	Знай, я — повивальная бабка...’

Сакральное значение числительного *тугыз* ‘девять’ отмечается в трудах известного тюрколога А. Инана. В частности, в легенде о творении пратюрков говорится: *Һыу, тупрак һәм кояштың эселеге (ут) элементтарынан гибәрәт булган был йыйылма матдә өстөнән тугыз ай буйы ел иште, ти. Ошоллай итеп дүрт элемент: ут, ер, һыу һәм һауа ойошоп берләштеләр. Тугыз айзан һуң был яралыузан кеше формаһында бер мәхлүк килеп сыккан* [Инан 1998: 34]. ‘Над этим веществом, образованном из элементов воды, земли и огня, дул ветер на протяжении девяти месяцев. Таким образом, смешались и объединились четыре элемента — огонь, земля, вода и воздух. По истечении девяти месяцев из него образовалось существо в человеческой форме’.

В мифологии башкир числительное *тугыз* ‘девять’ (наряду с числительными, обозначающими 3, 6, 7 и 12) используется при указании количества голов некоторых мифических существ. В сказках встречаются девятиголовые змеи, драконы и дивы: *тугыз башлы аждаһа* ‘девятиглавый дракон’, *тугыз башлы дейеу* ‘девятиглавый див’, *тугыз башлы йылан* ‘девятиглавая змея’.

Ун ике ‘двенадцать’

Из произведения чисел три и четыре возникает число двенадцать, которое также принадлежит к наиболее употребительным в мифопоэтических культурах числовым шаблонам (двенадцать частей года, соответственно — знаков зодиака и т. п.) [Топоров 1982: 631]. Причина сакральности числа двенадцать, как полагают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, зависит от деления года на двенадцать месяцев [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 854—855].

У тюрков числительное со значением ‘двенадцать’ участвует в образовании астрономических и календарных терминов: крх.-уйг. *on iki ükäk* ‘двенадцать знаков зодиака’, ср.-уйг. *bütünlükün ajlar sany Tanry üskindä on iki aj* ‘всего месяцев в ведении Танры — двенадцать’ [СИГТЯ 2006: 635].

Другая функция числительного ‘двенадцать’ у тюрков — выражение полноты, целостности: каз. *on jeki müşe* ‘весь организм, все тело’ (букв. ‘двенадцать членов’), *on jeki saqqa* ‘всякого рода, разнообразный’ (букв. ‘двенадцать догадок’) [СИГТЯ 2001: 590].

У башкир с числом *ун ике* ‘двенадцать’ связано летоисчисление, основанное на двенадцатилетнем цикле (*мөсәл*). Обычно по тюркскому календарю (*мөсәл*) вели исчисление благоприятных и неблагоприятных годов [Хисамитдинова 2010: 224].

Сакральное число *ун ике* ‘двенадцать’ также встречается в мифологических представлениях башкир, связанных с двенадцатью небесными богами (*тәңрә*). О поклонении башкир двенадцати божествам писал в X в. Ибн-Фадлан: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господов: “у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них”. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ» [Ковалевский 1956: 130—131].

Кырк ‘сорок’

По мнению М. Рясенена, числительное *qurq* ‘сорок’ означает ‘излом, поломку’, иными словами, ‘предел счета’ [Räsänen 1957: 76]. Как отмечает Э. Р. Тенишев, полнота, достигающая предела, лежит в основе ритуального значения числа сорок: тур. *kyrky çukmak* ‘миновать, пройти — о сорока днях (после родов, рождения и кончины)’, тур. *kyrkyn etmek / geçirmek* ‘устраивать (проводить) сороковины’; кирг. *qurq* ‘сорок дней после родов; сороковины, сорочины’ [СИГТЯ 2006: 636].

В древнеуйгурском сказании об Огузе, посвященном одному из легендарных воителей (эпониму тюркских народностей), также можно обнаружить материал, говорящий о решающем значении сорокадневного отрезка времени: *Ошул огул анасінің көгүзүндүн огузні ічіб мундун артїграк ічмәді, жіг эт аш сүрмә тіләді, тілі(гә) кәлә башладі... Кїрік күндүн соң бәдүкләді, жүрүді, оїнаді*. ‘Из груди своей матери этот ребенок вкусил молоко и больше не пил: мяса сырого, пищи, вина хотел и заговорил... Через сорок дней он (Огуз) вырос, ходил и играл’ [Щербак 1959: 22—23].

В башкирском языке сакральное значение числительного *кырк* ‘сорок’ ярко выражено в поверьях, связанных с рождением и смертью человека, где отражены ранние мифологические, а также религиозные представления народа о сорокадневном сроке вселения души (после рождения) и оставления душой тела (после смерти): *кешегә йән кырк көн эсендә инә һәм кырк көн эсендә генә китә* ‘душа вселяется в человека до сорока дней после рождения и покидает также в течение сорока дней после его смерти’ [Хадыева 2002: 118]. Этнокультурное понятие о значимом сороковом счете у башкир закрепилось в ритуальном наименовании *кыркы сыгыу* ‘миновать, пройти — о сорока днях после смерти или родов, рождения’ [Хадыева 2005: 115].

Существует очень много поверий и запретов, связанных с сорокадневным периодом после рождения ребенка: в течение сорока дней нельзя оставлять младенца без присмотра, т. к. его может подменить черт (при необходимости надо положить в колыбель нож или другие обереги) [Хисамитдинова 2002: 15]; до сорока дней нельзя укладывать младенца на лавку в бане [Хисамитдинова 2002: 17]; первые волосы младенца нужно стричь до сорока дней [Хадыева 2002: 72] и др.

Значимость сорокадневного отрезка времени после смерти человека проявляется в следующих поверьях: *мәрхүмдең йәне кырк көн буйына өйзә йәки өй тирәһендә, үлгәндең тугандары, кәрзәштәре янында осоп йөрөй, ти* ‘говорят, душа покойного в течение сорока дней летает в доме, вокруг дома или около родственников’ [Хисамитдинова 2002: 70]; через сорок дней после смерти человека проводят поминки — *кыркы*. Выражения *кыркын уткәреу* ‘проведение сороковин’ и *кыркын уктыу* ‘чтение Корана на сороковины’ связаны с поминальным обрядом башкир [СБЯ 1993, 2: 733]. В других тюркских языках поминки на сороковой день обозначаются выражениями: туркм. *qurqu* ‘сороковины’, каз. *qurqun berdi* ‘устроили (букв. дали) сороковины’, алт. *kyryk* ‘поминки на сороковой день’, чув. *xērēx kunxi* ‘поминки на сороковой день’ [СИГТЯ 2001: 592].

В пространственном измерении числительное *кырк* ‘сорок’ также несет семантику магического предела, границы безопасности: *зыяратты кырк азым ерзән урап үтергә кәрәк* ‘кладбище надо обходить на расстоянии сорока шагов’ [Хадыева 2002: 119]; *мәрхүмде күмгәс, кәбер янында мулла йә берәй укымышлы карт тыңларга кала: ул кәберзән кырк азым һанап ергә ята ла тыңлай — үлгән кешенән ике фәрештә һорау алырга килә* ‘после погребения у могилы покойного остается мулла или другой пожилой человек: он, отсчитав сорок шагов от могилы, ложится и, приложив ухо к земле, слушает — к умершему приходят допрашивать два ангела’ [БНТ 1995: 357].

В обрядах количество и счет действия указывают также на сакральность числа *кырк* ‘сорок’: *ямгыр сакырғанда һамак әйтә-әйтә якындағы күпергә йәки баҫмаға кырк күнәк һыу коялар* ‘в обряде вызывания дождя выливали на мост **сорок ведер** воды’ [БНТ 1995: 120]; *кырк бизрә һыу алып бысранған козокто тазарталар* ‘загрязненный колодец чистят, вычерпывая из него **сорок ведер** воды’ [Хадыева 2002: 119].

В башкирском языке сакральная семантика числительных *йөз* ‘сто’ и *мең* ‘тысяча’ связывается со значениями ‘много’, ‘множество’, а также с долголетием, вечностью. В выражениях *йөшә* ‘живи до ста лет’, *мең йөшә* ‘живи до тысячи лет’ числительные *йөз* ‘сто’ и *мең* ‘тысяча’ передают пожелание долголетия [СБЯ 1993, 1: 798].

Числа сто и тысяча употребляются также для определения признака долголетия мифологических змей. По представлениям башкир, змея (*йылан*), дожив до ста лет, становится драконом (*аждаһа*). Мифологический персонаж *аждаһа* ‘дракон’, проживший тысячу лет, становится змеей-оборотнем (*юха*) [БНТ 1995: 50].

Таким образом, числа сакрализируются в культуре башкир и включают в себе ярко выраженные культурные значения. Числа, рассмотренные в данной статье, имеют разный семантический статус в башкирском языке, но одно положение видится как объединяющее, а именно их сакральный, магический характер.

Анализ сакральных чисел башкирского языка показал, что их национально-культурные особенности проявляются в представлениях, связанных со следующими значениями: 1) структура мироздания — пространство по горизонтали (*дүрт тараф* ‘четыре стороны’), пространство по вертикали (три мира — нижний, средний и верхний); 2) измерение времени (*кырк көн* ‘сорок дней’); 3) количественная характеристика, объем, размер, расстояние (*ете бөртөк арпа* ‘семь зерен ячменя’, *кырк күнәк һыу* ‘сорок ведер воды’); 4) граница, предел (*ете тау артында* ‘за семью горами’) и др.

Сокращения

алт. — алтайский язык	ПМонг — прамонгольский язык
букв. — буквально	ПТМ — пратунгусо-маньчжурский язык
др.-уйг. — древнеуйгурский язык	ПТю — пратюркский язык
др.-яп. — древнеяпонский язык	ПЯп — праяпонский язык
заимств. — заимствование	рун. — рунический
каз. — казахский язык	рус. — русский язык
кбалк. — карачаево-балкарский язык	ср.-уйг. — среднеуйгурский язык
кирг. — киргизский язык	тадж. — таджикский язык
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский язык	тунг. — тунгусские языки
ктат. — крымско-татарский язык	тур. — турецкий язык
маньчж. — маньчжурский язык	туркм. — туркменский язык
монг. — монгольский язык	тюрк. — тюркские языки
ОТю — общетюркский язык	узб. — узбекский язык
ПА — праалтайский язык	чув. — чувашский язык
ПКор — пракорейский язык	эскимос. — эскимосские языки

Литература

- Аминев 2005 — Аминев З. Г. Космогонические воззрения древних башкир. Уфа, 2005. {Aminev 2005 — Aminev Z. G. Kosmogoničeskie vozzrenija drevnix baškır. Ufa, 2005.}
- Апресян 2009 — Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. В 2-х тт. М., 2009. {Apres'an 2009 — Apres'an Ju. D. Issledovanija po semantike i leksikografii. V 2-x tt. M., 2009.}
- Багаутдинова 1994 — Багаутдинова М. И. Башкирско-русский словарь этнографических терминов. Уфа, 1994. {Bagautdinova 1994 — Bagautdinova M. I. Baškırsko-russkij slovar' etnografičeskih terminov. Ufa, 1994.}
- БНТ 1972 — Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос (на башк. яз.) / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. Сагитов М. М. Отв. ред. Харисов А. И. Уфа, 1972. {BNT 1972 — Baškırskoe narodnoe tvorčestvo. T. 1. Epos (na bašk. jaz.) / Sost., avt. vstup. stat'ji i komment. Sagitov M. M. Otв. red. Xarisov A. I. Ufa, 1972.}
- БНТ 1995 — Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (на башк. яз.) / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. Сулейманов А. М., Султангареева Р. А. Отв. ред. Хусаинов Г. Б. Уфа, 1995. {BNT 1995 — Baškırskoe narodnoe tvorčestvo. T. 1. Obr'adovuj fol'klor (na bašk. jaz.) / Sost., avt. vstup. stat'ji i komment. Sulejmanov A. M., Sultangareeva R. A. Otв. red. Xusainov G. B. Ufa, 1995.}

- Бурцев 1998 — *Бурцев Д. Т.* Якутский эпос олонхо как жанр. Новосибирск, 1998. {Bursev 1998 — *Bursev D. T.* Jakutskij epos olonxo kak žanr. Novosibirsk, 1998.}
- Бухарова 2003 — *Бухарова Г. Х.* Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии. Уфа, 2003. {Buxarova 2003 — *Buxarova G. X.* Mifopoetičeskaja kartina mira v baškirskoj toponimii. Ufa, 2003.}
- Быконя 1998 — *Быконя В. В.* Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998. {Bykon'a 1998 — *Bykon'a V. V.* Im'a čislitel'noe v kartine mira sel'kupov. Tomsk, 1998.}
- БЭС 1998 — Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. *Ярцева В. Н. М.*, 1998. {BES 1998 — *Boľšoj enciklopedičeskij slovar'.* Jazykoznanie / Gl. red. *Jarceva V. N. M.*, 1998.}
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. {Vežbickaja 1996 — *Vežbickaja A.* Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1996.}
- Габышева 1988 — *Габышева Л. Л.* Функции числительных в мифопоэтическом тексте // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск, 1988. С. 78—92. {Gabyševa 1988 — *Gabyševa L. L.* Funkcii čislitel'nyx v mifopoetičeskom tekste // Jazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri. Jakutsk, 1988. S. 78—92.}
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2. Тбилиси, 1984. {Gamkrelidze, Ivanov 1984 — *Gamkrelidze T. V., Ivanov V'ač. Vs.* Indoevropskij jazyk i indoevropcejcy: Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury. T. 2. Tbilisi, 1984.}
- Голубева 2009 — *Голубева Е. В.* Калмыцкие культурные концепты. Элиста, 2009. {Golubeva 2009 — *Golubeva E. V.* Kalmyckie kul'turnye koncepty. Elista, 2009.}
- Гумаров 1980 — *Гумаров В. З.* Народная гигиена башкир и охрана здоровья детей (кон. XIX — нач. XX вв.) // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа, 1980. С. 129—134. {Gumarov 1980 — *Gumarov V. Z.* Narodnaja gigiena baškir i ohrana zdorov'ja detej (kon. XIX — nač. XX vv.) // Obyčai i kul'turno-bytovye tradicii baškir. Ufa, 1980. S. 129—134.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л.*, 1969. {DTS 1969 — *Drevnet'urkskij slovar' / Red. Nadel'aev V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M. L.*, 1969.}
- Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. М., 2007. {Dybo 2007 — *Dybo A. V.* Lingvističeskie kontakty rannix t'urkov: Leksičeskij fond. M., 2007.}
- Евсюков 1988 — *Евсюков В. В.* Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. {Evs'ukov 1988 — *Evs'ukov V. V.* Mify o Vselennoj. Novosibirsk, 1988.}
- Жаботинская 1992 — *Жаботинская С. А.* Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка). М., 1992. {Žabotinskaja 1992 — *Žabotinskaja S. A.* Kognitivnye i nominativnye aspekty klassa čislitel'nyx (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka). M., 1992.}
- Жанпеисов 1989 — *Жанпеисов Е. Н.* Этнокультурная лексика казахского языка (на материалах произведений М. Ауэзова). Алма-Ата, 1989. {Žanpeisov 1989 — *Žanpeisov E. N.* Etnokul'turnaja leksika kazaxskogo jazyka (na materialax proizvedenij M. Auezova). Alma-Ata, 1989.}
- Жуковская 1980 — *Жуковская Н. Л.* Семантика чисел в калмыцком эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980. С. 207—212. {Žukovskaja 1980 — *Žukovskaja N. L.* Semantika čisel v kalmyckom epose “Džangar” // “Džangar” i problemy epičeskogo tvorčestva t'urko-mongol'skix narodov. M., 1980. S. 207—212.}
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. {Žukovskaja 1988 — *Žukovskaja N. L.* Kategorii i simbolika tradicionnoj kul'tury mongolov. M., 1988.}
- Жуковская 1992 — *Жуковская Н. Л.* Число девять как символ полноты и завершенности в архаическом мировоззрении и традиционной культуре (на монгольском материале) // Шаманизм как религия: Генезис, реконструкция, традиции. Якутск, 1992. С. 9—10. {Žukovskaja 1992 — *Žukovskaja N. L.* Čislo dev'at' kak simvol polnoty i zaveršennosti v arhaičeskom mirovozzrenii i tradicionnoj kul'ture (na mongol'skom materiale) // Šamanizm kak religija: Genезis, rekonstrukcija, tradicii. Jakutsk, 1992. S. 9—10.}
- Иванов 1968 — *Иванов В. В.* Числовые характеристики римской мифологии и ритуалов // III летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы. Тарту, 1968. С. 124—127. {Ivanov 1968 — *Ivanov V. V.* Čislovye charakteristiki rimskoj mifologii i ritualov // III letn'aja škola po vtoričnym modelirujuščim sistemam: Tezisy. Tartu, 1968. S. 124—127.}
- Иванов 1978 — *Иванов В. В.* Чет и нечет: Асимметрия систем. М., 1978. {Ivanov 1978 — *Ivanov V. V.* Čet i nečet: Assimetrija sistem. M., 1978.}
- Иванов, Топоров 1965 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. М., 1965. {Ivanov, Toporov 1965 — *Ivanov V. V., Toporov V. N.* Slav'anskije jazykovye modelirujuščie semiotičeskie sistemy: Drevnij period. M., 1965.}
- Иванова 1921 — *Иванова З. П.* Типични числа въ българската народна песни // Известия на семинара по славянска филология при университета в София. Кн. 4. София, 1921. С. 513—529. {Ivanova 1921 — *Ivanova Z. P.*

Tipični čisla v" b"lgarstkata narodna pesni // Izvestija na seminaru po slav'anska filologija pri universiteta v" Sofija. Kn. 4. Sofija, 1921. S. 513—529.}

Избекова 2000 — *Избекова Е. И.* Числительные в олонхо: Структура и семантика / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Якутск, 2000. {Izbekova 2000 — *Izbekova E. I.* Čislitel'nye v olonxo: Struktura i semantika / Dis. na soiskanie učenoj stepeni kand. filol. nauk. Jakutsk, 2000.}

Инан 1998 — *Инан А.* Шаманизм: История и современность (на башк. яз). Уфа, 1998. {Inan 1998 — *Inan A.* Šamanizm: Istorija i sovremennost' (na bašk. jaz.). Ufa, 1998.}

Иоселева 1965 — *Иоселева М. Я.* Происхождение магических чисел // Страны и народы Востока. Вып. 4. М., 1965. С. 239—241. {Ioseleva 1965 — *Ioseleva M. Ja.* Proisxoždenie magičeskix čisel // Strany i narody Vostoka. Vyp. 4. M., 1965. S. 239—241.}

История башкирского народа — История башкирского народа. Т. 1 / Гл. ред. *Кульшарипов М. М.* М., 2009. {Istorija baškirskego naroda — Istorija baškirskego naroda. T. 1 / Gl. red. *Kul'šaripov M. M.* M., 2009.}

Камалов 1994 — *Камалов А. А.* Башкирская топонимия. Уфа, 1994. {Kamalov 1994 — *Kamalov A. A.* Baškirskaja toponimija. Ufa, 1994.}

Кенесбаев 1946 — *Кенесбаев С.* «Жети», «үш», «тоғыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар // Известия АН Казахской ССР. Серия филологических наук. Вып. 4 (29). Алма-Ата, 1946. С. 3—14. {Kenesbaev 1946 — *Keņesbaev S.* “Žeti”, “üş”, “toğyz”, “қырық” pen bajlanysty üğymdar // Izvestija AN Kazaxskoj SSR. Serija filologičeskix nauk. Vyp. 4 (29). Alma-Ata, 1946. S. 3—14.}

Керлот 1994 — *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994. {Kerlot 1994 — *Kerlot X. E.* Slovar' simvolov. M., 1994.}

Кириллин 2000 — *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI вв.). СПб., 2000. {Kirillin 2000 — *Kirillin V. M.* Simvolika čisel v literature Drevnej Rusi (XI—XVI vv.). SPb., 2000.}

Ключников 1996 — *Ключников С. Ю.* Священная наука чисел. М., 1996. {Ključnikov 1996 — *Ključnikov S. Ju.* Sv'aščennaja nauka čisel. M., 1996.}

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. {Kovalevskij 1956 — *Kovalevskij A. P.* Kniga Ibn-Fadlana o ego putešestvii na Volgu v 921—922 gg. Har'kov, 1956.}

Койчубаев 1969 — *Койчубаев Е.* О семантике ведущих имен числительных во фразеологических оборотах, этнических и топонимических образованиях казахского языка // Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969. С. 253—263. {Kojčubaev 1969 — *Kojčubaev E.* O semantike veduščix imen čislitel'nyx vo frazeologičeskix oborotax, etničeskix i toponimičeskix obrazovanijax kazaxskogo jazyka // Issledovanija po t'urkologii. Alma-Ata, 1969. S. 253—263.}

Кондратов 1978 — *Кондратов А. М.* Звуки и знаки. М., 1978. {Kondratov 1978 — *Kondratov A. M.* Zvuki i znaki. M., 1978.}

Кудайбергенов 1980 — *Кудайбергенов С.* Числительные в составе киргизских топонимов // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980. С. 164—170. {Kudajbergenov 1980 — *Kudajbergenov S.* Čislitel'nye v sostave kirgizskix toponimov // Onomastika Srednej Azii. Vyp. 2. Frunze, 1980. S. 164—170.}

Кусимова, Биккулова 1975 — *Кусимова Т. Х., Биккулова С. А.* Башкирские имена (на башк. яз). Уфа, 2000. {Kusimova, Bikkulova 1975 — *Kusimova T. X., Bikkulova S. A.* Baškirskie imene (na bašk. jaz.). Ufa, 2000.}

Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Семантика числа и тип культуры // Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 58—63. {Lotman 1970 — *Lotman Ju. M.* Semantika čisla i tip kul'tury // Stat'ji po tipologii kul'tury. Tartu, 1970. S. 58—63.}

Маковский 1996 — *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. {Makovskij 1996 — *Makovskij M. M.* Sravnitel'nyj slovar' mifologičeskoj simvoliki v indoevropejskix jazykax: Obraz mira i miry obrazov. M., 1996.}

Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951. {Malov 1951 — *Malov S. E.* Pam'atniki drevnet'urkskoj pis'mennosti: Teksty i issledovanija. M.; L., 1951.}

Миллер 1964 — *Миллер Дж. А.* Магическое число семь плюс или минус два: О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. М., 1964. С. 192—225. {Miller 1964 — *Miller Dž. A.* Magičeskoe čislo sem' pl'us ili minus dva: O nekotoryx predelax našej sposobnosti pererabatyvat' informaciju // Inženernaja psixologija. M., 1964. S. 192—225.}

Молчанова 1976 — *Молчанова О. Т.* Числительные и счетные слова в алтайских топонимах // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 151—155. {Molčanova 1976 — *Molčanova O. T.* Čislitel'nye i sčetnye slova v altajskix toponimax // Proisxoždenie aborigenov Sibiri i ix jazykov. Tomsk, 1976. S. 151—155.}

Мурзаев 1996 — *Мурзаев Э. М.* Тюркские географические названия. М., 1996. {Murzaev 1996 — *Murzaev E. M.* T'urkskie geografičeskije nazvanija. M., 1996.}

Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М., 1984. {Nekl'udov 1984 — *Nekl'udov S. Ju.* Geroičeskij epos mongol'skix narodov. M., 1984.}

Никольский 1899 — *Никольский Д. П.* Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. {Nicol'skij 1899 — *Nicol'skij D. P.* Baškiry: Etnografičeskoe i sanitarno-antropologičeskoe issledovanie. SPb., 1899.}

Новичкова 1984 — *Новичкова Т. А.* Традиционные числа в былинах // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 43. Вып. 2. М., 1984. С. 144—155. {Novičkova 1984 — *Novičkova T. A.* Tradicionnye čisla v bylinax // Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. T. 43. Vyp. 2. M., 1984. S. 144—155.}

Панфилов 1977 — *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., 1977. {Panfilov 1977 — *Panfilov V. Z.* Filosofskie problemy jazykoznanija: Gnoseologičeskie aspekty. M., 1977.}

Петров 1980 — *Петров К. И.* Тюркские средневековые этнопонимы от числительного семь (к происхождению топонима Джети-суу — Семиречье) // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980. С. 149—164. {Petrov 1980 — *Petrov K. I.* T'urkskie srednevekovye etnotoponimy ot čislitel'nogo sem' (k proisxoždeniju toponima Džeti-suu — Semireč'e) // Onomastika Srednej Azii. Vyp. 2. Frunze, 1980. S. 149—164.}

Поппе 1927 — *Поппе Н. Н.* Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Т. 1. Л., 1927. {Poppe 1927 — *Poppe N. N.* Mongol'skie čislitel'nye // Jazykovednye problemy po čislitel'nym. T. 1. L., 1927.}

Потебня 1941 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М., 1941. {Potebn'a 1941 — *Potebn'a A. A.* Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 4. M., 1941.}

Праведников 1996 — *Праведников С. П.* Имена числительные в фольклорном тексте: Лексикологический и лексикографический аспекты. Курск, 1996. {Pravednikov 1996 — *Pravednikov S. P.* Imena čislitel'nye v fol'klornom tekste: Leksikologičeskij i leksikografičeskij aspekt. Kursk, 1996.}

Пюрбеев 1993 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: Культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста, 1993. {P'urbėev 1993 — *P'urbėev G. C.* Epos "Džangar": Kul'tura i jazyk (etnolingvističeskie et'udy). Elista, 1993.}

Раемгужина 1999 — *Раемгужина З. М.* Языковая картина мира в башкирской фразеологии (в сопост. с нем. яз.). Уфа, 1999. {Raemgužina 1999 — *Raemgužina Z. M.* Jazykovaja kartina mira v baškirskoj frazeologii (v sopost. s nem. jaz.). Ufa, 1999.}

Раемгужина 2006 — *Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: Аспекты формирования и особенности функционирования. Уфа, 2006. {Raemgužina 2006 — *Raemgužina Z. M.* Baškirskij antroponimikon v svete jazykovoj kartiny mira: Aspekty formirovanija i osobennosti funkcionirovanija. Ufa, 2006.}

Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957. {Ramstedt 1957 — *Ramstedt G. I.* Vvedenie v altajskoe jazykoznanie: Morfologija. M., 1957.}

Самойлович 1927 — *Самойлович А. Н.* Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. Т. 1. Л., 1927. С. 135—156. {Samojlovič 1927 — *Samojlovič A. N.* Tureckie čislitel'nye količestvennye i obzor popytok ix tolkovanija // Jazykovednye problemy po čislitel'nym. T. 1. L., 1927. S. 135—156.}

СБЯ 1993 — Словарь башкирского языка. В 2-х тт. / Ред. *Бишев А. Г.* М., 1993. {SBJa 1993 — Slovar' baškirskogo jazyka. V 2-x tt. / Red. *Bišev A. G.* M., 1993.}

Сельвина 1983 — *Сельвина Р. Л.* Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 73—84. {Sel'vina 1983 — *Sel'vina R. L.* Otraženie drevnej čislovoj simboliki v kalmyckoj antroponimike // Onomastika Kalmykii. Elista, 1983. S. 73—84.}

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1988. {SIGTJa 1988 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Otv. red. *Tenišev E. R.* M., 1988.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд. / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2001. {SIGTJa 2001 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika. 2-e izd. / Otv. red. *Tenišev E. R.* M., 2001.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* М., 2006. {SIGTJa 2006 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Otv. red. *Tenišev E. R., Dybo A. V.* M., 2006.}

Степанов 1989 — *Степанов Ю. С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989, 5. С. 5—31. {Stepanov 1989 — *Stepanov Ju. S.* Sčet, imena čisel, alfavitnye znaki čisel v indoevropskix jazykax // Voprosy jazykoznanija. 1989, 5. S. 5—31.}

Сулейманова 2005 — *Сулейманова М. Н.* Доисламские верования и обряды башкир. Уфа, 2005. {Sulejmanova 2005 — *Sulejmanova M. N.* Doislamskie verovanija i obr'ady baškir. Ufa, 2005.}

Тенишев 1978 — *Тенишев Э. Р.* Тюркские «один», «два», «три» // Тюркологический сборник—1974. М., 1978. С. 110. {Tenišev 1978 — *Tenišev E. R.* T'urkskie "odin", "dva", "tri" // T'urkologičeskij sbornik—1974. M., 1978. S. 110.}

Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Счет и число в народной традиции: Семантика, оценка, магия // Семиотика и информатика (сб. науч. статей). Вып. 37. М., 2002. С. 43—58. {Tolstaja 2002 — *Tolstaja S. M.* Sčet i čislo v narodnoj tradicii: Semantika, ocenka, magija // Semiotika i informatika (sb. nauč. statej). Vyp. 37. M., 2002. S. 43—58.}

Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3—58. {Toporov 1980 — *Toporov V. N.* O čislovyx model'ax v arhaičnyx tekstax // Struktura teksta. M., 1980. S. 3—58.}

- Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Числа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 629—630. {*Toporov 1982 — Toporov V. N.* Čisla // Mify narodov mira. T. 2. M., 1982. S. 629—630.}
- Ураксин 1996 — *Ураксин З. Г.* Фразеологический словарь башкирского языка (на башк. яз.). Уфа, 1996. {*Uraksin 1996 — Uraksin Z. G.* Frazeologičeskij slovar' baškirkogo jazyka (na bašk. jaz.). Ufa, 1996.}
- Усманова 1994 — *Усманова М. Г.* Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа, 1994. {*Usmanova 1994 — Usmanova M. G.* Im'a otčeј zemli: Istoriko-lingvističeskoe issledovanie toponimii bassejna reki Sakmar. Ufa, 1994.}
- Фролов 1968 — *Фролов Б. А.* К истолкованию числовой символики палеолита // Сибирский археологический сборник: Древняя Сибирь. Новосибирск, 1968. {*Frolov 1968 — Frolov B. A.* K istolkovaniju čislovoj simboliki paleolita // Sibirskij arheologičeskij sbornik: Drevn'aja Sibir'. Novosibirsk, 1968.}
- ФЭС 2006 — *Философский энциклопедический словарь / Ред. Петрунин Ю. Ю., Панов М. И.* М., 2006. {*FES 2006 — Filosofskij enciklopedičeskij slovar' / Red. Petrunin Ju. Ju., Panov M. I.* М., 2006.}
- Хадыева 2002 — *Хадыева Р. Н.* Этнолингвистический словарь башкирского языка (на башк. яз.). Уфа, 2002. {*Xadyeva 2002 — Xadyeva R. N.* Etnolingvističeskij slovar' baširkogo jazyka (na bašk. jaz.). Ufa, 2002.}
- Хадыева 2005 — *Хадыева Р. Н.* Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М., 2005. {*Xadyeva 2005 — Xadyeva R. N.* Baškirkaja etnokul'tura i jazyk: Opyt vossozdanija jazykovoj kartiny mira. M., 2005.}
- Хисамитдинова 1991 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская ойконимия XVI—XIX вв. Уфа, 1991. {*Xisamitdinova 1991 — Xisamitdinova F. G.* Baškirkaja oјkonimija XVI—XIX vv. Ufa, 1991.}
- Хисамитдинова 2002 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская мифология: Словарь-справочник (на башк. яз.). Уфа, 2002. {*Xisamitdinova 2002 — Xisamitdinova F. G.* Baškirkaja mifologija: Slovar'-spravočnik (na bašk. jaz.). Ufa, 2002.}
- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {*Xisamitdinova 2010 — Xisamitdinova F. G.* Mifologičeskij slovar' baškirkogo jazyka. M., 2010.}
- Хроленко 1972 — *Хроленко А. Т.* О «втором плане» числительных // Научно-практические очерки по русскому языку. Вып. 6. Курск, 1972. С. 74—82. {*Xrolenko 1972 — Xrolenko A. T.* O "vtorom plane" čislitel'nyx // Naučno-praktičeskije očerki po russkomu jazyku. Vyp. 6. Kursk, 1972. S. 74—82.}
- Чанышев 1985 — *Чанышев Я. А.* К этимологии тюркских числительных первого десятка // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 78—82. {*Čanyšev 1985 — Čanyšev Ja. A.* K etimologii t'urkskix čislitel'nyx pervogo des'atka // Teorija i praktika etimologičeskix issledovanij. M., 1985. S. 78—82.}
- Чернышев 1946 — *Чернышев В. И.* О «стержневых» именах числительных в русском и казахском языке // Известия АН Казахской ССР. Серия филологических наук. Вып. 4 (29). Алма-Ата, 1946. С. 45—52. {*Černyšev 1946 — Černyšev V. I.* O "steržnevux" imenax čislitel'nyx v russkom i kazaxskom jazyke // Izvestija AN Kazaxskoj SSR. Serija filologičeskix nauk. Vyp. 4 (29). Alma-Ata, 1946. S. 45—52.}
- Шакуров 1986 — *Шакуров Р. З.* По следам географических названий: Топонимия бассейна р. Демы. М., 1986. {*Šakurov 1986 — Šakurov R. Z.* Po sledam geografičeskix nazvanij: Toponimija bassejna r. Demy. M., 1986.}
- Шеппинг 1893 — *Шеппинг Д. О.* Символика чисел // Филологические записки. Вып. 1. Воронеж, 1893. С. 1—9. {*Šeppling 1893 — Šeppling D. O.* Simvolika čisel // Filologičeskije zapiski. Vyp. 1. Voronež, 1893. S. 1—9.}
- Щербак 1959 — *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959. {*Ščerbak 1959 — Ščerbak A. M.* Oguz-name. Muxabbat-name. Pam'atniki drevneujgurskoј i starouzbekskoj pis'mennosti. M., 1959.}
- Шичжан 2001 — *Шичжан Я.* Модель числа как фрагмент русской языковой картины мира. М., 2001. {*Šičžan 2001 — Šičžan Ja.* Model' čisla kak fragment russkoј jazykovoj kartiny mira. M., 2001.}
- Эрните 1987 — *Эрните Э. К.* К происхождению числительного один // Советская тюркология. 1987, 2. С. 77—79. {*Ernits 1987 — Ernits E. K.* K proisxoždeniju čislitel'nogo odin // Sovetskaja t'urkologija. 1987, 2. S. 77—79.}
- ЭСТЯ 1974 — *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Ред. Севортян Э. В.* М., 1974. {*ESTJa 1974 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na glasnje / Red. Sevort'an E. V.* М., 1974.}
- ЭСТЯ 1989 — *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Ред. Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1989. {*ESTJa 1989 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy "Ž", "Ž", "J" / Red. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S.* М., 1989.}
- Юдахин 1940 — *Юдахин К. К.* Киргизское ич 'пять' // Труды Института востоковедения. 1940, 2. С. 191—193. {*Judaxin 1940 — Judaxin K. K.* Kirgizskoe ič 'p'at' // Trudy Instituta vostokovedenija. 1940, 2. S. 191—193.}
- Abdulla 2006 — *Abdulla Behlül.* Folklorida Qırx Sayı // Folklore and Ethnography. 2004, 2. P. 42—46.
- Blazhek 1999 — *Blazhek V.* Numerals — Comparative Etymological Analyses and their Implications. Brno, 1999.
- Durbilmez 2008 — *Durbilmez Bayram.* Nahçıvan türk halk inanışlarında mitolojik sayılar // Turkish Studies: International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2008, 3/7. P. 340—352.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* with the assistance of *Gruntov I., Glumov V.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden — Boston, 2003.

- Hartmann 1900 — *Hartmann M.* Zur türkischen Dialektkunde // KSz. 1900, 1.
Kaşğari 1939—1943 — *Kaşğari Mahmud.* Divanъ Lugat-it-türk // Besim Atalay. I—IV. Ankara, 1939—1943.
Ramstedt 1957 — *Ramstedt G. J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
Räsänen 1957 — *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen // StO. 1957, 21.
VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Bd. 1—2. Helsinki, 1969—1971.

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматривается сакральная семантика числительных башкирского языка. Этнокультурные значения чисел зафиксированы в духовной и материальной культуре, фольклоре и языке народа. В статье дается описание сакральных значений чисел 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100, 1000, которые формируют числовые представления башкир в рамках языковой картины мира.

SUMMARY

This article discusses the sacral meaning of numbers in the Bashkir language. The ethnocultural sense of numbers has been fixed in the people's language, folklore, spiritual and material culture. The article offers a description of the sacral meaning of such numbers as 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100 and 1,000, which shape the Bashkirs' numerical notions in the frame of the linguistic worldview.

Ключевые слова: башкирский язык, числительные, число, картина мира, этнокультурная символика

Keywords: the Bashkir language, numerals, number, worldview, ethnocultural sense

Дезидентификационное именное отрицание в урумском языке

В данной статье пойдет речь о некоторых особенностях именного отрицания в урумском языке. Урумский язык относится к тюркской семье и на сегодняшний день практически не описан. На нем говорят некоторые группы этнических греков, проживающих в Приазовье на территории Украины. По своему грамматическому строю урумский язык является типичным тюркским языком и обладает как кыпчакскими, так и огузскими чертами.

Данное исследование базируется преимущественно на материалах, собранных в ходе ряда лингвистических экспедиций в Приазовье, организованных филологическим факультетом СПбГУ (2003—2005 гг.), а также на материалах, собранных и опубликованных О. М. Гаркавцом [Гаркавец 1999]. Процитированные в тексте статьи примеры относятся к собранным в 2003—2005 гг. и неопубликованным экспедиционным данным.

В этой статье под дезидентификационным отрицанием понимается любой элемент, который при комбинации с именем N дает значение ‘не являться N’ (термин используется в соответствии с [Певнов 2007: 155]). Дезидентификационное отрицание в этой системе терминов противопоставляется привативному отрицанию с семантикой ‘не имеющий N’, ‘без N’ и абсентивному отрицанию с семантикой ‘не имеется’, ‘отсутствует’ (об этих терминах также см. [Певнов 2007]).

Последние два вида именного отрицания в этой работе не рассматриваются по следующим причинам. Во-первых, средства и способы выражения этих значений коренным образом отличаются от средств, используемых для дезидентификационного отрицания, и оказываются как по семантике, так и по формальным признакам далеки от того, что описывается в данной работе. Во-вторых, средства и способы выражения привативного и абсентивного именного отрицания в урумском языке чрезвычайно близки тем, что наблюдаются в других тюркских языках (за исключением лишь отдельных деталей, таких, например, как формирование абессивного падежа на базе привативного суффикса *-sYz*), и сами по себе представляют преимущественно статистический интерес.

В этой статье рассматривается только область дезидентификационного именного отрицания — более узкая, чем все вопросы именного отрицания в целом. В англоязычных работах данный вид отрицания часто называется “constituent negation” и иногда смешивается с “existential negation” (тем самым охватываются вопросы именного отрицания в целом: как дезидентификационного, так и абсентивного; см., например, [Miestamo 2007: 561—563]).

Следует обратить внимание, что определение в данном случае отталкивается от семантики и фокуса отрицания, никак не затрагивая вопрос о роли выражающих отрицание элементов в структуре предложения. Классификация отрицания по последнему критерию, согласно [Падучева 1998], дает различие фразового и присловного (в частном случае — приименного) отрицания. Таким образом, термин «именное отрицание» закрепляется за семантической отнесенностью отрицательного элемента к имени, а внешне сходный термин «приименное отрицание» — за синтаксическими (или даже морфологическими) характеристиками этого элемента.

В урумском языке существуют два синтаксических типа дезидентификационного именного отрицания (далее — ДИО), не пересекающихся по функциям.

Первый тип ДИО реализуется посредством употребления приименного постпозитивного служебного слова *dögül*. Это служебное слово употребляется в тех случаях, когда имя, к которому отрицание относится, стоит в позиции предиката главного предложения в настоящем или прошедшем времени индикатива:

- (1) *Bu kabačkiler bizim xoradan dögül.*
bu kabački-ler biz-im xora-dan dögül
 этот кабачок-PL мы-GEN огород-ABL NEG
 ‘Эти кабачки — не с нашего огорода’.

При этом имя сохраняет способность сочетаться с показателями падежа и притяжательности, а служебное слово *dögül* берет на себя все собственно предикативные свойства — в частности, присоединяет показатели времени и эвиденциальности, а также согласуется в лице и (в определенных случаях) в числе с подлежащим:

- (2) *Bu kabačkiler bizim xoradan döğüldü.*
bu kabački-ler bizim xora-dan döğül-dü
 этот кабачок-PL мы-GEN огород-ABL NEG-PST
 ‘Эти кабачки были не с нашего огорода’.

Согласование в числе с подлежащим в норме имеет место только, когда подлежащее в предложении опущено, но по конситуации или контексту восстанавливается как существительное или местоимение с показателем множественного числа. Так, для вышеприведенного примера возможен вариант: *Bizim xoradan döğüldüler* (с формой *döğül-dü-ler*) ‘не с нашего огорода были’, — где подлежащее *kabačkiler* полностью эллиптировано, но восстанавливаемо по контексту (например, упоминалось в тексте чуть раньше). При наличии подлежащего с показателем множественного числа непосредственно в тексте показатель числа в сказуемом не дублируется; это является общей стратегией и для именных, и для глагольных сказуемых урумского языка:

- (3) *Biz çaban döğüldük.*
biz çaban döğül-dü-k
 мы пастух NEG-PST-1PL
 ‘Мы не были пастухами’.

Такой механизм отрицания, основанный на постпозитивном отрицательном элементе, не является специфической чертой урумского языка и обнаруживается в других тюркских языках: например, в близкородственном урумскому турецком языке отрицание имеет форму *değil* и ведет себя аналогичным образом синтаксически и морфологически [Кононов 1941].

Еще одной разновидностью первого типа ДИО является противопоставительная конструкция типа «X, а не Y». В ней отрицанию подвергается имя, являющееся не предикатом, а любым другим элементом синтаксической конструкции; при этом данное имя выносится в отдельную предикативную конструкцию с отрицанием, формируя на синтаксическом уровне отдельное предложение.

- (4) *Xoj bardayy stolun sütüne, st'emniin sütüne döğül.*
xoj barday-y stol-un süt-ün-e, st'emni-in süt-ün-e döğül
 ставить кувшин-ACC стол-GEN на-PX3-DAT скамья-GEN на-PX3-DAT NEG
 ‘Поставь горшок не на скамью, а на стол’.

- (5) — *O xyza döğül-mü?*
 — *Ona döğül, sojlaryna varydy.*
o xyza-a döğül-mü // on-a döğül, soj-lar-yn-a vary-dy
 тот девушка-DAT NEG-Q тот-DAT NEG родственник-PL-PX3-DAT иди-PST
 ‘(Он) Не к той ли девушке (пошел)?
 (Он) Не к ней, а к родственникам (своим) пошел’.

Судя по имеющимся материалам, обязательными элементами подобной противопоставительной отрицательной конструкции являются:

а) помещение неотрицательного (и противопоставляемого отрицаемому) элемента в главное предложение, при основном смысловом глаголе (так, в приведенных примерах неотрицательные элементы *stolun sütüne* и *sojlaryna* оказываются в одной синтагме с глаголами *xoj* и *varydy* соответственно);

б) выделение отрицаемого элемента в отдельную предикативную конструкцию, где основной глагол в норме эллиптирован, как в примерах (4) и (5).

Причины появления подобной синтаксической конструкции состоят в том, что строго предикативные функции служебного слова *döğül* не позволяют ему напрямую обеспечивать отрицание актанта в предложении (без формирования отдельной предикативной конструкции, минимально состоящей из имени и собственно показателя *döğül*).

Второй тип ДИО реализуется посредством употребления отрицательного показателя *-ma* в глаголе. В случае, когда отрицание относится к именному предикату, стоящему в любой форме, кроме индикатива настоящего или прошедшего времени, отрицание реализуется с помощью глагола *ol* ‘быть’ в отрицательных формах:

- (6) *Men hazax olmasam...*
men hazax ol-ma-sa-m...
 я русский быть-NEG-COND-1SG
 ‘Если бы я не был русским...’

Эти формы относятся ко второму типу ДИО, поскольку значение отрицания реализуется в обычной глагольной форме, а не в служебном слове, обслуживающем только данную конструкцию. С точки зрения функциональной дистрибуции, эта конструкция дополняет первый тип ДИО, обслуживая все отрицательные предикативные формы имени, не охваченные ДИО первого типа.

Особую разновидность ДИО второго типа имеют конструкции, где имя не является предикатом, но отрицание маркируется в глагольной форме. Фокус отрицания на любом из актантов, кроме прямого объекта, обеспечивается при этом изменением порядка слов в предложении со стандартного на маркированный.

Урумский язык, как и другие тюркские, относится к типу SOV, а это означает, что при нейтральном порядке слов (в частности, когда отрицание относится к глаголу) сам глагол находится в конце предложения, а прямой объект — непосредственно перед ним, отделяя его от субъекта и любых других членов предложения.

(7) *Men sana süit almady.*

men sana süit al-ma-dym.
я ты.DAT молоко брать-NEG-PST-1SG
'Я не покупала тебе молока'.

Если же фокус отрицания смещен на один из актантов и отрицание семантически относится не ко всему высказыванию, а только к идентичности одного из участников ситуации (что и, собственно, дает нам этот случай ДИО), то актант, к которому относится выраженное в глаголе отрицание, ставится непосредственно перед этим глаголом. Отрицание, относящееся к прямому объекту, не вызывает изменения порядка слов и, таким образом, обеспечивает полную омонимию, снимающуюся только контекстом.

При этом возможно как перемещение самого имени / именной группы ближе к глаголу (и концу предложения), как в примерах (8) и (9), так и перемещение глагола ближе к началу предложения, как в примере (10).

(8) *Men tatly şij sizin üçün almady.*

men tatly şij siz-in üçün al-ma-dy-m
я сладкий вещь вы-GEN для брать-NEG-PST-1SG
'Я купила сласти (сладости) не для вас' (в контексте: 'а для ребенка').

(9) *Men balaja tatly şij almady.*

men bala-ja tatly şij al-ma-dy-m
я ребенок-DAT сладкий вещь брать-NEG-PST-1SG
'Я купила ребенку не сласти (сладости)' (в контексте: 'а молоко').

(10) *Men almady süit, (ablam aldy).*

men al-ma-dy-m süit, (abla-m al-dy)
я брать-NEG-PST-1SG молоко (старшая.сестра-PX1SG брать-PST)
'Это не я купила молоко, (это моя старшая сестра купила)'.

Здесь, в первую очередь, необходимо рассмотреть вопрос о том, относить ли подобную конструкцию к именному отрицанию. Именному отрицанию посвящено не очень много работ, и, как правило, они рассматривают только отрицательные именные предикаты, игнорируя иные варианты проявления отрицания в предложении (как например, в [Veselinova 2006] и [Певнов 2007]; в обеих указанных работах все приведенные примеры дезидентификационного отрицания основаны на именах в позиции предиката). В случае урумского языка обнаруживается необходимость выхода за рамки интереса к одному лишь предикату, поскольку иначе описание ДИО оказывается существенно неполным.

Традиционно все случаи маркирования отрицания в глаголе в тюркских языках рассматриваются как глагольное отрицание и помещаются в грамматиках в разделе о глаголе. Их связь с фокусом отрицания на том или ином элементе предложения при этом не рассматривается.

Действительно, не очевидно, почему механизм изменения порядка слов следует считать «именным отрицанием»: именное (в плане содержания) отрицание в этом случае реализуется морфосинтаксическим способом, затрагивающим на морфологическом уровне только глагол и лишь на синтаксическом — имя. Это единственный способ выражения именного отрицания для имени в любой синтаксической позиции кроме предикативной, и для понимания данного морфосинтаксического механизма недостаточно рассмотреть только его глагольную, морфологическую составляющую.

Периодически в различных лингвистических трудах рассматривается тот факт, что семантическое именное отрицание формально может реализовываться не только в рамках собственно имени. В частности, языковые данные показывают, что отрицание «в принципе может быть реализовано субстантивно, атрибутивно, предикативно и адвербиально» [Певнов 2007: 155]. Существует также понятие «смещенно-

го отрицания», впервые введенное Е. В. Падучевой в книге «О семантике синтаксиса» [Падучева 1974] и в тюркологии до сих пор не распространенное. Отрицание называют «смещенным», «если оно присоединяется не к тому слову, к которому относится по смыслу, а к другому слову, синтаксически подчиняющему первое» [Падучева 1998: 354]. Данный термин кажется полностью применимым к описываемой модели второго типа ДИО урумского языка.

Возвращаясь к урумскому материалу, мы наблюдаем следующее: у обоих типов ДИО, «нормально-го» и «смещенного», обнаруживаются две важные общие черты — средства выражения отрицания всегда постпозитивны по отношению к имени и предикативны по функциям. Эти черты позволяют выявить наиболее общий «паттерн», свойственный ДИО в урумском языке во всех вариантах его реализации: отрицание всегда требует **формирования предикации**, и отрицательный предикат всегда **постпозитивно** примыкает к отрицаемой именной группе.

Такие особенности конструкций с отрицанием связаны с позицией ремы в тюркских языках; этот вопрос изучался преимущественно на материале турецкого языка (см., например, [Erkü 1983; Herring, Paolillo 1995]), где рема помещается непосредственно перед предикатом. Регулярное смещение отрицания на глагол и фиксация порядка слов при отрицании непосредственным образом связаны с темарематическими характеристиками предложения.

По всей видимости, если бы синтаксис и прагматика урумского языка были в большей сохранности, в нем обнаруживались бы схожие закономерности в выражении актуального членения; однако имеющиеся материалы по урумскому языку фактически демонстрируют сильнейший сдвиг в сторону синтаксических и прагматических черт, которые характерны для русского языка. Другими словами, если бы урумский язык регулярно реализовывал противопоставление (11) и (12), то можно было бы говорить о роли порядка слов в темарематическом членении предложения и маркировании фокуса в целом.

(11) ‘Я тебе молоко купила’.

Men sana süit al-dym.
я ты.DAT молоко брать-PST-1SG

‘Я именно тебе (FOC) молоко купила’.

**Men süit sana al-dym.*
я молоко ты.DAT брать-NEG-PST-1SG

Однако собранные экспедиционные материалы не указывают на подобное последовательное различие. В действительности в обоих случаях будет использоваться преимущественно нейтральный порядок слов, как в (11), с маркированием фокуса при помощи просодических средств (конкретные просодические характеристики таких высказываний пока не были исследованы отдельно, но, предположительно, могут оказаться чрезвычайно близки к аналогичным интонационным средствам русского языка).

Все это существенно затрудняет изучение собственно актуального членения в урумском языке. Урумская система именного отрицания демонстрирует несопоставимо лучшую сохранность по сравнению с урумским актуальным членением предложения в целом. Такая неравномерность изменений в ситуации языкового сдвига для (а) механизма актуального членения вообще и (б) механизма именного отрицания позволяет предположить, что механизм фокусировки отрицания, хотя и связан тесно с актуальным членением, не сводится к нему полностью (это замечание касается только ситуации со вторым типом ДИО).

Подобные особенности урумской (и, возможно, не только урумской) системы отрицания привлекают внимание к следующим трем общим моментам.

1) При описании языка необходимо рассматривать семантическое именное отрицание даже, если на формальном уровне отрицание смещено на глагол, поскольку языковая система может иметь дополнительные и неочевидные средства фокусировки отрицания на имени.

2) Необходимо рассматривать не только отрицание предиката, но и отрицание иных членов предложения, поскольку механизмы отрицания может существенно различаться.

3) Смещение именного отрицания на глагольный предикат и сопутствующее ему изменение порядка слов связано с общей стратегией языка в вопросах темарематического членения и фокуса, но не жестко прикреплено к ним и может в процессе языковых изменений (или незавершенного языкового сдвига) формировать самостоятельную, специфичную только для именного отрицания подсистему.

Сокращения

ABL — аблатив, исходный (отложительный) падеж

ACC — аккузатив, винительный падеж

COND — условное наклонение	PST — прошедшее время
DAT — датив, дательный падеж	PX3 — посессивный аффикс, лично-притяжательный суффикс 3-го лица
FOC — фокус	Q — маркер вопроса
GEN — генитив, родительный падеж	S — субъект
NEG — отрицание	V — предикат
O — объект	1SG — первое лицо единственное число
PL — множественное число	

Л и т е р а т у р а

Гаркавец 1999 — *Гаркавец О. М.* Уруми Надазов'я: Исторія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999. {*Garkavec' 1999 — Garkavec' O. M.* Urumi Nadazov'ja: Istorija, mova, kazki, pisni, zagadki, prisliv'ja, pisemni pam'jatki. Alma-Ata, 1999.}

Кононов 1941 — *Кононов А. Н.* Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941. {*Kononov 1941 — Kononov A. N.* Grammatika tureckogo jazyka. M.; L., 1941.}

Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. 2-е изд. М., 1974. {*Padučeva 1974 — Padučeva E. V.* O semantike sintaksisa. 2-e izd. M., 1974.}

Падучева 1998 — *Падучева Е. В.* Отрицание // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1998. С. 354—355. {*Padučeva 1998 — Padučeva E. V.* Otricanie // *Bol'soj enciklopedičeskij slovar': Jazykoznanie / Gl. red. Jarceva V. N.* M., 1998. S. 354—355.}

Певнов 2007 — *Певнов А. М.* Об именном отрицании // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона (27—30 ноября 2007 г.). СПб., 2007. С. 155—161. {*Pevnov 2007 — Pevnov A. M.* Ob imennom otricanii // *Tipologija jazyka i teorija grammatiki. Materialy Meždunarodnoj konferencii, posv'aščennoj 100-letiju so dn'a roždenija S. D. Kacnel'sona (27—30 nojabr'a 2007 g.).* S. 155—161.}

Erkü 1983 — *Erkü F.* Discourse Pragmatics and Word Order in Turkish / Unpublished PhD Dissertation. Minnesota, 1983.

Herring, Paolillo 1995 — *Herring S. C., Paolillo J. C.* Focus position in SOV languages // *Word Order in Discourse / Ed. Downing P., Noonan M.* Amsterdam, 1995. P. 163—198.

Miestamo 2007 — *Miestamo M.* Negation: An Overview of Typological Research // *Language and Linguistics Compass.* Vol. 1. 2007, 5. P. 552—570.

Veselinova 2006 — *Veselinova L.* Towards a typology of negation in non-verbal and existential Sentences // *The 80-th Annual Meeting of the Linguistic Society of America / www.ling.su.se/staff/ljuba/Non-verbalNegation01.pdf*, 2006.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются две различных по происхождению грамматических конструкции, обслуживающих выражение дезидентификационного именного отрицания в урумском языке. Первая из исследуемых конструкций основана на употреблении постпозитивного приименного служебного слова *dögül*; вторая — на употреблении глагольного аффикса отрицания и маркированного порядка слов. В статье показывается функциональное распределение данных типов отрицания в урумском языке, отмечаются также общие для обоих механизмов выражения отрицания черты, позволяющие выделить лежащую за ними базовую модель урумского дезидентификационного именного отрицания.

SUMMARY

The article considers two historically unrelated types of de-identifying (constituent) nominal negation in the Urum language. The first of the two grammatical constructions is based on the post-nominal marker *dögül*. The second negative construction is a combination of a negative verbal suffix and marked word order. The article also demonstrates the way the two negation types are functionally distributed through the language. Finally, it considers the common features of both grammatical constructions, and those features can be described as the core model of the Urum de-identifying nominal negation.

Ключевые слова: урумский язык, дезидентификационное именное отрицание, актуальное членение, порядок слов

Keywords: the Urum language, de-identifying (constituent) nominal negation, actual partitioning, word order

О некоторых особенностях вокализма говора обских чумылькупов селькупского языка в экспериментально-фонетическом освещении

Селькупский язык представлен совокупностью диалектов, существенно различающихся на всех языковых уровнях, и общей литературной нормы для этого территориально раздробленного диалектного континуума не существует. По этой причине на самых ранних этапах изучения селькупского языка возникла необходимость детального описания частных особенностей языкового строя говоров в противовес изучению общих закономерностей, характерных для селькупского языка.

В свете этих задач данное исследование посвящено описанию некоторых особенностей вокализма чумылькупского диалекта вне сопоставления с особенностями других региональных вариантов селькупского языка. Соотнесение полученных нами данных с имеющимися сведениями относительно других диалектов представляется темой отдельного исследования.

В вопросе о генеалогической принадлежности чумылькупского мы следуем общепринятой классификации диалектов и говоров селькупского языка, предложенной Е. А. Хелимским. «Большое количество основ с носовыми и смычными согласными в ауслайте имеют следующее распределение по диалектам: южные диалекты (далее Ю) *-m, -n, -ŋ*; центральные диалекты (далее Ц) *-p, -t, -k*; северный диалект (далее С) *-m / -p (~ Ø), -n / -t (~ Ø), -ŋ / -k (~ Ø)*. Данное диалектное членение полностью регулярно и в материалах XVIII в. Например: об. *kuum* — кет. *kum* — нар. *kub / kum / kup* — сев. *kub* ‘человек’; кет. *mat* — нар. *mat* — сев. *man* ‘я’» [Хелимский 2000: 70].

Чумылькупский говор (по местам расселения его носителей часто называемый нарымским, ласкинским говором или говором обских чумылькупов) согласно этой классификации относится к центральной группе. По мнению А. П. Дульзона [Dulson 1971], в первой половине прошлого века в ареал расселения чумылькупов входили следующие деревни и села: Варгананджино, Ванджилыкынак, Кананак, Кулеево, Лымбыль-Карамо, Напас, Ньюлядрово, Пыжино, Тибинок, Ласкино, Парабель, Усть-Чижапка, Чижапка.

В области описаний частных особенностей фонетики подробная проработка диалектного материала была в значительной степени проделана для северных говоров, которые послужили основой для многочисленных попыток создать алфавит для селькупского языка. В 80—90-х гг. XX в. сотрудниками Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета была также разработана система письма для диалектов южных селькупов.

Подробно описаны особенности систем консонантизма: см. [Деннинг 1977, 1981, 1984, 1987; Купер 1983, 1984, 1985, 1987; Купер, Морев 1983, 1985; Морев 1976в, 1976г, 1977а, 1977б, 1977в, 1978, 1979а, 1979б, 1980, 1984, 1985, 1990]. Вокализм центрально-селькупских говоров менее изучен. Следует отметить кандидатскую диссертацию [Глушков 2002], посвященную анализу долготы / краткости гласных в селькупских диалектах. Выводы, сделанные в этой работе, представляются весьма интересными, однако, с нашей точки зрения, нуждаются в дальнейшей верификации — с помощью инструментального анализа данных, собранных С. В. Глушковым в экспедициях. Обработка собранных данных с помощью фонетических программ позволила бы выявить параметры длительности, характерные для долгих и кратких гласных, что, видимо, является необходимым этапом в определении статуса долгих и кратких гласных в фонетической системе языка — в тех случаях, когда отсутствует достаточное количество минимальных пар.

Особый интерес для целей нашего исследования представляют кандидатская диссертация [Морев 1973] и несколько последующих статей [Морев 1976а, 1976б]: они посвящены углубленному изучению вокализма чумылькупского диалекта. Опираясь на ряд положений этих исследований, мы, тем не менее, подвергаем некоторые из них пересмотру и, в отдельных случаях, более подробному экспериментально-фонетическому освещению с использованием современных методик и средств акустического анализа звучащей речи.

Несмотря на внушительный список населенных пунктов, которые А. П. Дульзон включает в ареал распространения данного диалекта, на сегодняшний день исследователями обнаружено только два носителя, способных поддержать беседу на нем. Представители младшего поколения оказались не в состоянии продолжить затухающую языковую традицию, поэтому о чумылькупском, к сожалению, уже можно говорить как о диалекте, потерявшем перспективу эволюции.

Повсеместное распространение русского языка в среде исконных носителей диалектов селькупского постепенно вытесняет их родной язык из разных сфер общения, и глубина этого проникновения варьируется от диалекта к диалекту. Если тазовский диалект еще в какой-то мере сохранил роль «домашнего»

языка, то чумылькупский уже полностью утратил даже эту функцию, уступив свое место русскому языку во всех сферах коммуникации.

В связи с этим на сегодняшний день велика вероятность уподобления артикуляционной базы одного языка другому в речи носителей чумылькупского диалекта (проще говоря, русский акцент). При этом у нас нет возможности проследить динамику изменений тех или иных звукотипов, поскольку уход чумылькупского из сферы повседневного употребления произошел раньше, чем появились технические средства высококачественной записи звука в полевых условиях. К сожалению, отсутствие документальных свидетельств более ранних состояний системы гласных звуков чумылькупского не позволяет судить о том, в какой мере особенности фонетики русского языка были освоены артикуляционной базой носителей селькупских диалектов, а также произошло ли это вообще; поэтому в нашем исследовании эта проблема отдельно не рассматривается¹.

Отдельные проявления русского влияния, однако, достаточно ясно просматриваются в консонантизме чумылькупского. Так, например, факультативным стало употребление увулярного смычного [q], случайным образом заменяемого на велярный [k] при произнесении его в составе одного и того же слова и в одной и той же позиции. Консонантизм говора не является предметом данного исследования, но изменение коартикуляционной специфики в связи с частичным выходом звука [q] из употребления кажется нам проблемой, достойной отдельного упоминания в связи с исследованием межъязыковых контактов.

В этой статье предметом экспериментально-фонетического анализа стали материалы экспедиции в места проживания носителей чумылькупского диалекта, предпринятой в марте 2009 г. Н. Л. Федотовой (на момент экспедиции — аспирантки ТГПУ). Как уже было упомянуто выше, информантов было обнаружено только двое: Яков Яковлевич Мартынов, проживающий в с. Нарым (далее ЯМ), и Ирина Анатольевна Коробейникова — в с. Парабель (далее ИК).

При этом основная масса пригодного для спектрального анализа материала была получена от ИК, т. к. ЯМ в силу преклонного возраста смог вспомнить только ограниченное количество лексем. Однако полученные от него данные все-таки были использованы, поскольку даже при ограниченном словарном запасе ЯМ был в состоянии построить предложения и воспроизвести правильное словоизменение на родном языке.

В процессе работы с носителями им было предложено озвучить слова, которые, по данным словаря, составленного В. В. Быконой [Быконя 2005], относятся к чумылькупскому диалекту (путем перевода русских слов на родной диалект). Материалом исследования стали также дериваты, примеры словоизменения и употребления лексем в составе простых предложений, которые носители могли воспроизвести без подсказки исследователя. Результат фиксировался письменно в виде транскрипций и записывался на диктофон. Материалы экспедиции, а также рукопись Н. Л. Федотовой, осуществлявшей сбор данных, хранятся в Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ.

Из общего массива записей пригодными для спектрального анализа были признаны около 730 единиц речи, включая повторные произнесения одной и той же словоформы, разнесенные во времени. Причиной выбраковки материала служили дополнительные источники периодических и непериодических колебаний в записи, по амплитуде сравнимых с речью носителя.

Следует отдельно оговорить тот факт, что экспедиция Н. Л. Федотовой не имела своей задачей сбор фонетического материала и не была частью фонологического исследования. Полевые условия негативно сказались на степени пригодности значительной части записей для акустического анализа. Большой процент выбранных реализаций объясняет периферийный характер нашего исследования — для более углубленного анализа потребовалась бы еще одна экспедиция.

Осознавая, что сегодня любая документация вышедшего из употребления языка может дать не вполне аутентичный материал, мы применяли достаточно жесткую методику отбора, при которой неуверенная реакция носителя была достаточным поводом для отсеивания полученной лексемы.

Промежуточные результаты акустического анализа в виде спектрограмм, содержащих транскрипцию каждого слова с выделенным ударным слогом, а также сводная таблица с показателями интенсивности, длительности и частоты основного тона каждого гласного (в сопоставлении с аналогичными показателями по слову) хранятся на электронных носителях в Институте языкознания РАН.

Для нарезки записей на слова и предложения использовалась программа Sound Forge 10.0, дальнейший спектрографический анализ производился при помощи программ Praat, Speech Analyser и Multispeech.

¹ Лингвистика знает много примеров генетически неоднородных фонетических систем. Во многих языках ближневосточного региона появление широкого пласта заимствованной арабской лексики вылилось в обогащение набора увулярных согласных. Однако абсорбция чужеродных элементов в фонетике редко осуществляется полностью. Так, персидский [ɣ] по сравнению с арабским выступает в менее напряженном варианте и сильнее подвержен оглушению.

Фонологический статус звука [ə]

Вокализм различных диалектов селькупского языка представляет собой богатый набор звукотипов, число которых в говоре обских чумьлыкूपов, согласно подсчетам Ю. А. Морева [Морев 1973: 16], достигает 28. Следует, однако, при этом уточнить, что некоторые из них существуют в фонетическом строе говора как результат чисто коартикуляционных процессов и не вполне соответствуют определению звукотипа как такового, т. е. не могут осознаваться носителем как отдельный звук. Так, например, в процессе изучения экспериментального материала нами не было выявлено системного противопоставления закрытых и открытых вариантов [e] или [i], представленного в исследовании Ю. А. Морева.

Основываясь на артикуляционной и акустической близости некоторых звуков, их можно объединить в ограниченное число звукотипов, в которых за доминанту принимается звук, встречающийся в ударной позиции и способный выполнять смыслоразличительную функцию. В рамках выработки общего принципа первичной записи мы принимаем его за основного представителя фонемы. Таким образом, в чумьлыкूपском диалекте выделяются 10 гласных фонем, различающихся по трем градациям ряда, трем ступеням подъема и наличию / отсутствию огубленности для гласных переднего ряда (см. рис. 1; здесь и далее используется транскрипция IPA).

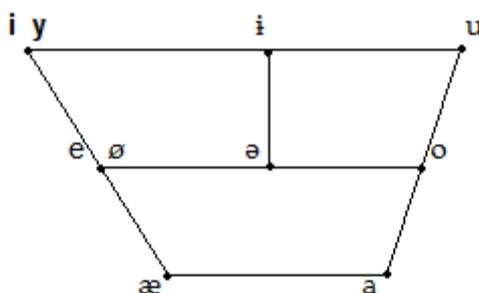

Рис. 1. Гласные фонемы чумьлыкूपского диалекта

Как видно из приведенной выше трапеции, звук [ə], называемый «шва», мы выделяем в качестве самостоятельного звукотипа и возможного кандидата на роль фонемы, что не совпадает с существующими представлениями относительно его места в фонетической системе говора.

Представленные ниже фонетические наблюдения не могут быть напрямую привлечены для исследования фонологического статуса звука, т. к. в материале экспедиции не содержалось минимальных пар. Однако при составлении первичной записи эти данные могут выполнять роль теоретического обоснования для расшифровки материала.

Согласно статистическим подсчетам, представленным в работе Ю. А. Морева [Морев 1973], по частотности употребления [ə] занимает в вокализме чумьлыкूपского диалекта второе место после [a]; это связано с тем, что [ə] широко представлен в различных фонетических позициях внутри слова.

1. Звук [ə] встречается в позиции сандхи на стыке морфем в роли эпентезы, разбивающей многоконсонантную группу.

2. Эпентетическая функция [ə] проявляется также в анлауте, где для чумьлыкूपского недопустимо стечение согласных; правда, в этой позиции «шва» выступает крайне редко и исключительно как модификация [e].

3. Появление [ə] в потоке речи бывает результатом редукции другого гласного, чаще всего [i] (ввиду совпадения этих гласных по ряду и близости по подъему), особенно в тех случаях, когда [ə] выступает в относительно более закрытом варианте, по подъему близкому к [i].

4. Реже [ə] выступает как аллофон [e] в позиции не под ударением, что также связано с артикуляционной близостью двух звуков, но на этот раз — по ряду.

5. В ауслaute и под ударением звук [ə] встречается достаточно редко, и обе эти позиции обычно бывают закреплены за определенными суффиксальными морфемами, как например: *-уьдъл* и *-гъндъ* в словах типа *кайуьдъл* (образовано от *hāygu* ‘накрыть, закрыть’ [Быконя 2005: 65])² и *конъгъндъ* (образовано от *honnэ* ‘наверх’ [Быконя 2005: 90]).

² Здесь и далее в квадратных скобках приводятся соответствующие формы из словаря [Быконя 2005]. Если какая-то форма в словаре отсутствует и была образована носителями спонтанно в процессе опроса, то указывается от какого слова, приведенного в [Быконя 2005], форма была образована.

6. В безударной позиции в составе некорневых морфем [ə] чаще всего встречается между звонкими согласными, что позволяет интерпретировать его появление в звуковом потоке речи как следствие высокой звучности консонантной группы. Возникновение вокального пазвука при последовательной артикуляции двух негемоорганных звонких согласных (например [gl], [dm], [ny]) имеет универсальный характер и объясняется особенностями физиологии речеобразования. Длительность этого пазвука равняется тому времени, которое требуется активным речевым органам для перехода от образования одного артикуляционного фокуса к другому, и не превышает 20 мс, а это ниже порога идентификации. Длительность же [ə] в позиции между звонкими согласными в общем случае превышает 50 мс (см. рис. 2, где видно, что длительность [ə] в первом заударном слоге сравнима с длительностью ударного гласного), что не позволяет считать его банальной суммой остаточных гармонических колебаний и свидетельствует о его самостоятельной роли в структуре слога.

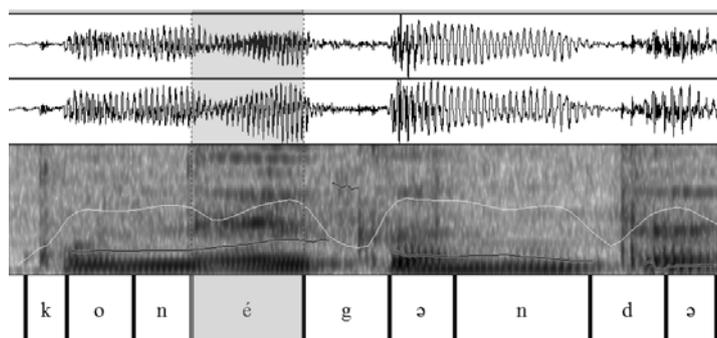

Рис. 2³. Звук [ə] в ауслауте в составе суффиксальной морфемы (диктор ИК)

7. Звук [ə] встречается в ударной позиции в составе корневой морфемы (см. рис. 3), и эту позицию мы считаем фонологически сильной для него, хотя такие случаи относительно редки и реализуются в ограниченном наборе лексем.

Для чумылькупского диалекта характерно существенное сокращение длительности практически любого гласного в безударном слоге относительно ударного, и гласный [ə] не составляет исключения из этого правила (см. таблицу 1); однако в силу действия ряда факторов, о которых подробнее будет сказано в разделе о фонологическом статусе долготы, поведение [ə] в этом случае имеет свою специфику.

8. В ауслауте, за исключением тех случаев, когда [ə] входит в состав суффиксальной морфемы, этот звук встречается достаточно редко и обычно является результатом неполной качественной редукции другого гласного.

Аргументами в пользу признания фонологической самостоятельности [ə] мы считаем следующие. Во-первых, то, что качественная редукция гласных в чумылькупском диалекте является не вполне регулярным явлением и зачастую обнаруживается только при единичном употреблении селькупской лексемы в русскоязычном контексте. Значительно более регулярной является количественная редукция, обуславливающая позиционное поведение гласных фонем. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже — в разделах, посвященных роли долготы в вокализме говора.

Вторым и основным аргументом мы считаем постоянство реализации звука в составе ряда суффиксов, а также в неударных позициях в корне. При словоизменении и деривации корневой [ə] сохраняет свои акустические свойства вне зависимости от изменения места ударения и только в редких случаях может быть заменен другим звукотипом. Это дает нам основание интерпретировать звук [ə] как отдельный звукотип, важный для смысловозначения. При этом мы не отрицаем, что «шва» может быть и аллофоном некоторых других фонем (в первую очередь, *i* и *e*), а также выступать в эпентетической роли. Окончательное решение этой проблемы требует сбора дополнительного материала.

Дополнительным аргументом в пользу присвоения звуку [ə] статуса отдельной фонемы может послужить то, что он задействован в качестве определяющего в механизме обратной гармонии гласных, описанном Ю. А. Моревым: «Не исключено также, что в большинстве проявлений сужения гласных мы сталкиваемся со своеобразной “обратной” гармонией гласных — более высокие по степени подъема

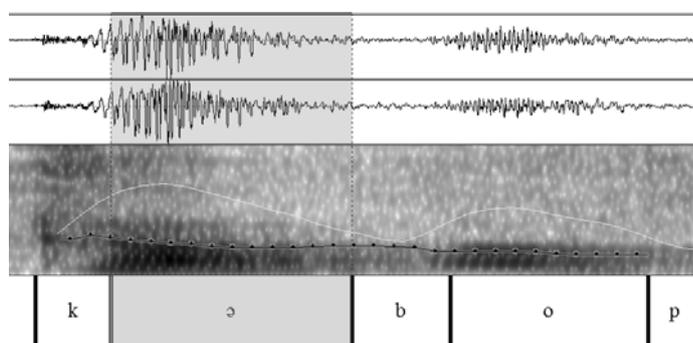

Рис. 3. Гласный [ə] в ударной позиции (диктор ЯМ)

³ Здесь и далее масштаб спектрограммы — от 0 до 5000 Гц, масштаб изменений F0 — от 75 до 500 Гц, масштаб изменений интенсивности — от 50 до 100 дБ.

языка гласные (узкие, закрытые) последующих слогов вызывают употребление в корневом слоге также относительно узкого гласного звука — т. е. имеет место дистантная регрессивная ассимиляция гласных, например: *ótt* ‘вода’, <...>, *ýđar* ‘воду’» (авторская транскрипция в цитате заменена на транскрипцию ИРА для удобства прочтения) [Морев 1973: 12].

Данное положение частично подтверждается результатами нашего спектрографического исследования. Признаки дистантной ассимиляции гласных проявляются в виде увеличения ширины первой форманты гласного [e] со 120—130 Гц до 200—210 Гц при наличии в заударном слоге закрытого варианта [ə] с аналогичными показателями по значению ширины F1. Роль звука (в данном случае [ə]), задающего направление гармонии гласных, может быть одним из признаков особого фонологического статуса, если рассматривать доминирующую в сингармоническом ряду позицию как сильную.

Однако в связи с тем, что корреляция между шириной полос усиления и конкретными артикуляционными жестами является плохо разработанной областью экспериментальной фонетики, данное подтверждение концепции обратного сингармонизма в чумьлькупском диалекте можно считать только косвенным аргументом⁴.

Примечательно, что в диктофонных записях из материалов экспедиции несколько раз встречается комментарий носительницы чумьлькупского диалекта ИК, свидетельствующий о различии ею некоего «краткого э» как отдельного перцептивно значимого варианта, который регулярно реализуется в составе тех или иных лексем.

Строгий научный подход обязывает исследователя не учитывать мнения носителя о структурных особенностях собственного языка. Однако любопытно отметить, что комментарии ИК относились именно к тем случаям, когда в составе корня не под ударением употреблялся звук, с точки зрения форм F-картины, принадлежащий звукотипу [ə].

Значения первой и второй формант этого «краткого э» локализованы в районе 400 и 1400 Гц; это в высшей степени типичные для [ə] значения, характерные в т. ч. и для русского [ə] [Князев, Пожарицкая 2005]. В пользу такой интерпретации свидетельствует также бóльшая, чем у [e], ширина первой форманты, колеблющаяся в районе 200—220 Гц; для [e] этот показатель равен 60—100 Гц (при отступе от амплитудной вершины на –3 дБ); см. таблицу 1.

Как уже упоминалось выше, звук [ə] в чумьлькупском диалекте существует в двух вариантах — закрытом и открытом. По всей видимости, эти различия для [ə] носят чисто позиционный характер и акустически выражаются в изменении показателей F1 и F2.

Так, относительное повышение второй форманты чаще всего встречается в позиции перед переднеязычными смычными согласными и может достигать 1700 Гц. В своем наиболее закрытом и продвинутом вперед варианте в безударных слогах типа *-gən-* «шва» может акустически сближаться со звуком [ɪ] (подобном русскому в словах типа [dʲerivə]) не только по первой, но и по второй форманте. Препозиция по отношению к [n] обуславливает понижение первой форманты за счет добавления воздушной емкости носового резонатора в процессе артикуляции гласного. Подобное последствие назализации звука неоднократно описывалось как характерное для очень широкого круга языков.

В целом же звуку [ə] в рамках фонетического строя чумьлькупского говора свойственна определенная нестабильность артикуляционного жеста, позволяющая ему реализовываться в достаточно широком спектре частот (см. формантное облако на диаграмме 1). Это, в первую очередь, объясняется его крайне высокой частотностью в звуковом потоке.

Если принимать сужение ротового резонатора за основной артикуляционный коррелят повышения частоты второй форманты, то оказывается, что в большинстве случаев [ə] склонно к смещению в средневерхний подъем и горизонтальному сдвигу по ряду вперед. Таким образом, если на приведенной в начале этого раздела трапеции провести линию от «е» до «і», то получится треугольник, условно очерчивающий вокалическое пространство [ə]⁵.

⁴ Следует отметить, что корреляция между изменением ширины полос усиления и слуховым впечатлением была доказана в Лаборатории экспериментальной фонетики им. М. К. Румянцева (ИСАА при МГУ) в ходе серии экспериментов по синтезу звука. Несмотря на кажущуюся умозрительность данного параметра, во многом зависящего от методики его замера, при искусственном изменении ширины форманты на выходе формируется звук, на слух значительно отличающийся от первоначального.

⁵ Принятое в артикуляционном аспекте фонетических описаний различие между терминами «сужение выходного отверстия» и «лабиализация» тем более верно для акустического аспекта экспериментальной фонетики. С точки зрения акустики, первое означает повышение F2 за счет уменьшения объема резонатора, а второе — наоборот, понижение за счет удлинения резонатора. Так, в русском языке [u] обладает самыми низкими показателями: F1 = 250 Гц, F2 = 500 Гц.

Таблица 1

Фонемы /ə/, /i/ и /e/ в безударной и ударной позициях в начальном слоге

Слово	Длительность (мс)	Значение форманты F1	Значение форманты F2
<i>kwīlāz̄luyūr</i> (қвэлэлче қун 'рыбак' [Быконя 2005: 83])	121	443	907
<i>k̄i/k[ə]xáj</i> (кышккасай 'звезда' [Быконя 2005: 107])	53	398	1873
<i>íleven</i> (иллэвын 'понизу' [Быконя 2005: 18])	54	368	1873
<i>l̄ilagá</i> (лыллака 'кость; мосол' [Быконя 2005: 119])	93	331	1465
<i>x̄irlagá</i> (хырлага 'снежок' [Быконя 2005: 272])	56	445	1866
<i>ídigú</i> (ыдгу 'висеть' [Быконя 2005: 305])	136	322	1687
<i>ídelgú</i> (ыдэлгу 'повесить' [Быконя 2005: 305])	63	221	1961
<i>n̄inká</i> (нәнка 'комар' [Быконя 2005: 144])	40	261	1827
<i>r̄atkl̄éʃrəgu</i> (пamқелештугу 'нырять' [Быконя 2005: 183])	63	417	1408
<i>r̄atkl̄éʃrat</i> (образовано от <i>пamқелештугу</i> 'нырять' [Быконя 2005: 183])	50	402	1455
<i>k̄aləmbádt</i> (образовано от <i>қалембегу</i> 'оставаться' [Быконя 2005: 68])	45	398	1941
<i>n̄algút</i> (нәлгун 'женщина' [Быконя 2005: 144])	71	432	1458
<i>n̄egané</i> (неганс 'внучка' [Быконя 2005: 155])	191	389	1858
<i>edegú</i> (үдгу 'выпить, попить' [Быконя 2005: 262])	154	420	1888
<i>teʃá</i> (таша 'мороз' [Быконя 2005: 233])	55	506	1681
<i>íʃerí</i> (чепи 'косы' в [Быконя 2005] отсутствует)	161	381	2038
<i>íʃeveltugé</i> 'черемуховый лес' (тюве 'черемуха (ягода)' [Быконя 2005: 252])	80	336	1860
<i>p̄erʃágəlḡu</i> (пәрчагелгу 'прокипятить; закипеть' [Быконя 2005: 185])	77	344	1769

В таблице 1 представлены звуки [ə], [i], [e] в начальном слоге под ударением и в безударной позиции. Даже с учетом единичных исключений, когда, например, в слове [kwīlāz̄luyūr] значение второй форманты почти на 1000 Гц ниже обычных 1800 из-за частичной лабиализации (см. сноску 5) в позиции после [w], акустические различия между тремя звуками в слабой позиции очевидны.

При всем многообразии реализаций фонемы среднеарифметические показатели частот F1 и F2 для фонемы «шва», посчитанные по всем тем позициям звука, которые попали в материал эксперимента, равняются 415 Гц и 1485 Гц соответственно. Небольшое повышение относительно русского аналога может быть истолковано как специфическое для чумылькупского вокализма преобладание несколько более закрытого варианта звука. С другой стороны, это может быть незначимой случайной особенностью материала эксперимента и объясняться преобладанием женского голоса в записях, признанных годными для спектрографического анализа.

Для [i], представленного в чумьлькупском в недифтонгоидном варианте, частота F1 колеблется вокруг 350 Гц, а F2 — вокруг 1800 Гц.

Для [e] эти показатели составляют соответственно 450 и 1850 Гц.

Основываясь на этих вычислениях, можно заключить, что в целом для селькупского вокализма характерна достаточно закрытая артикуляция при небольшом растворе рта, что, как уже упоминалось выше, значительно повышает частоту второй форманты.

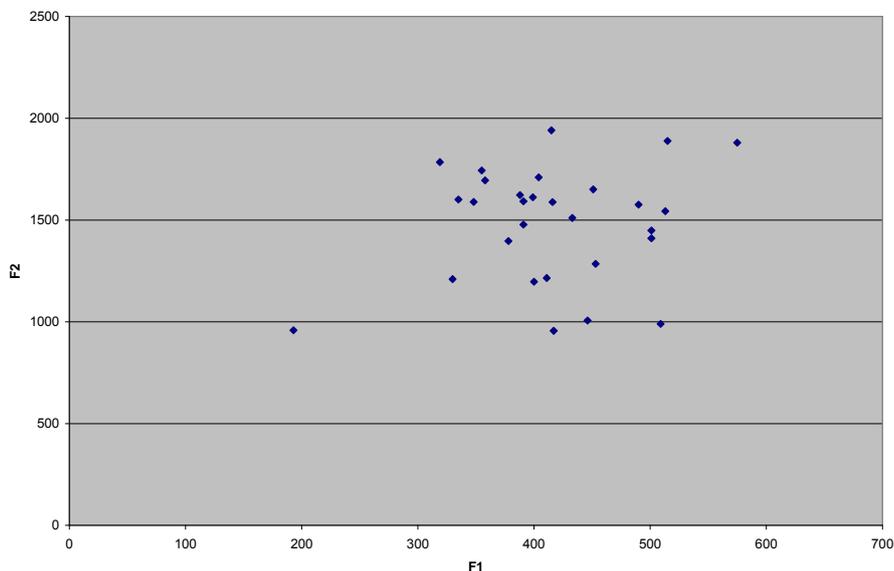

Диаграмма 1. Формантное «облако» [ə]

Статус долготы

Относительно смысловоразличительной роли долготы гласных в чумьлькупском вокализме нет единого мнения. Целый ряд исследователей считает наличие значительных долготных вариаций фактором, во многом задающим специфику темпа речи в говоре, и не признают фонологической значимости возникающих при этом чередований.

Такой точки зрения придерживается Ю. А. Морев: «Признавая несущественность долготы гласных в семасиологическом плане, мы не можем отрицать существование в говоре долгих и кратких гласных как фонетической реальности. Обнаружить какую-либо закономерность в проявлении долготы очень трудно, ибо в произнесении одного и того же информанта, в одинаковых фонетических условиях, одно и то же слово может звучать как с долгим, так и с кратким гласным» [Морев 1973: 10].

Противоположная точка зрения принята в словаре В. В. Быкони [Быконя 2005], где для обозначения гласных, оцениваемых исследователем как долгие, используется специальная надстрочная диакритика.

В ходе своего исследования мы пришли к выводам, не совпадающим полностью ни с мнением Ю. А. Морева, ни с подходом В. В. Быкони. Результаты статистического анализа показали, что в целом для гласных чумьлькупского диалекта селькупского языка характерна достаточно четкая позиционная зависимость между долготой звука и его положением в слове.

1. Гласные под ударением регулярно проявляют себя как более долгие по отношению к гласным в безударных слогах.

2. Долгота гласных в ударной и безударной позициях может быть сопоставима или даже практически равна в том случае, если длительность безударного гласного компенсируется позицией между сонорными согласными.

3. Позицией, в которой реализуется долгий вариант гласного, является абсолютное начало слова. В ней гласные чаще всего выступают в напряженном варианте, и в случаях, когда по параметру интенсивности и ЧОТ не наблюдается значительной разницы в пользу другого, равного по долготе гласного в составе слова, выделение ударного слога становится проблематичным.

Следует отметить, что в процессе транскрибирования отобранных для спектрального анализа реализаций с гласным в анлауте мы сталкивались с этой проблемой приблизительно в половине случаев. Это объясняется тем, что закон сохранения качества гласного в абсолютном начале слова в чумьлькупском является, по-видимому, более строгим, чем в некоторых других языках.

Для подтверждения этой гипотезы можно привлечь транскрипции подобных случаев в работе Ю. А. Морева. В ряде фонетических записей высокая просодическая активность гласных в абсолютном начале слова нашла свое отражение в специфическом использовании диакритических знаков: наряду со знаком ударения (акутом) на ауслaute звук, стоящий в анлауте, Ю. А. Морев часто отмечает диакритической «гравис».

Наглядной иллюстрацией позиционной природы долготы в вокализме говора является изменение количества гласного в составе морфемы при словоизменении и деривации. Ряд суффиксов в чумылькупском языке обладает способностью перетягивать на себя ударение с корня, что неизменно сказывается на количестве утратившего подакцентную позицию звука. Если взять в качестве примера слово *ap̄t̄ija* ‘дурно пахнувший’ и его дериват *ap̄t̄iják* (с субстантивирующим суффиксом *-k*), то длительность [ī] в первом случае будет равна 187 мс, а во втором — 104 мс.

Однако наиболее ярко позиционное сокращение длительности реализуется в заударных слогах в позиции между глухими смычными согласными, где длительность гласных может составлять порой до 30% от длительности гласного под ударением. Так, в реализации слова *kogoda* (спектральная картина которого представлена на рис. 5) обе реализации [o], находясь в сходном консонантном окружении, в ударной и безударной позиции сильно различаются по длительности — 186 мс и 80 мс соответственно.

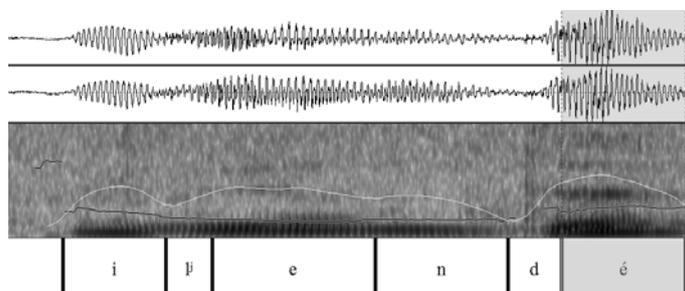

Рис. 4. Спектрограмма слова [īl'endé] (*илле* ‘низ’ [Быконя 2005: 28]): безударный гласный в сонорном окружении (диктор ИК).

Подобное соотношение долгот по позициям является относительно постоянной величиной и колеблется незначительно. Среднеарифметическое отношение длительности гласных в безударных позициях к длительности гласного под ударением таково:

- 1) гласный в заударном слоге типа СГС (согласно подсчетам Ю. А. Морева, он является наиболее частотным в языке — более 40% слогов построены по этой модели) ~ 0,45;
- 2) в безударной позиции в абсолютном начале слова ~ 0,9;
- 3) в предударном слоге между сонорными согласными ~ 0,6.

Позиционный характер различения гласных по длительности, согласно нашим наблюдениям, в равной степени относится ко всем гласным звукам чумылькупского вокализма за исключением [ə]. В тех фонетических условиях, которые для других гласных задают значительное увеличение длительности, он регулярно проявляет себя как относительно краткий.

Тяготеея к безударным позициям, «шва» имеет длительность, колеблющуюся в диапазоне от 50 до 70 мс. Подсчет показал, что в сопоставлении с другими гласным в аналогичном звуковом окружении фонема [ə] обычно реализуется на отрезке, который составил бы не более 80% средней длительности звучания [ī]. В сопоставлении с длительностью других гласных этот показатель еще меньше, т. к. [ī], по результатам замеров, находится на втором месте по краткости после [ə].

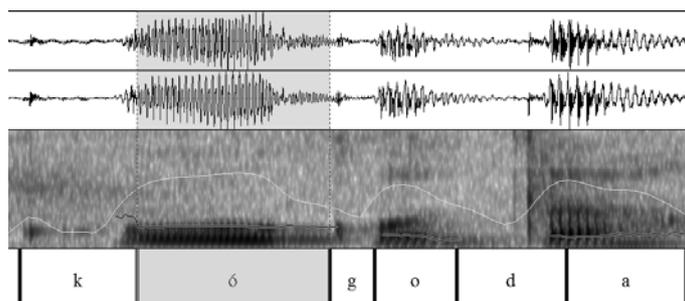

Рис. 5. Спектрограмма слова [kógoda] (ср. *hoḡȳta* ‘глухой’ [Быконя 2005: 86]; диктор ИК)

Характерно, что среднестатистическая долгота [i] составляет около 70% от звучания [o]; однако приписать /i/ к кратким фонемам мешает его значительно большая, чем у [э], способность к сокращению в безударной позиции. В сильной (ударной) позиции длительность [i] может превышать 200 мс, выравняваясь по этому показателю с другими, более долгими, гласными; «шва» заметно реже бывает представлена участками длиной более 130 мс.

В начальном неприкрытом слоге, где, как мы знаем, долгота гласных сравнима с ударной позицией, «шва» встречается очень редко и, в связи с действующим в абсолютном начале слова законом сохранения качества гласного, реализуется в нем без заметных отклонений от среднестатистических показателей (см. рис. 6). В свете вышесказанного можно утверждать, что в вокализме чумьлькупского диалекта долгота не является фонологическим признаком. Собственная длительность фонемы /э/ функционирует не как достаточный для смысловозначения параметр, а является индивидуальным признаком звукотипа в той же мере, в какой фрикативные согласные, количественно превосходя взрывные по долготе, не образуют класса собственно долгих в рамках русского консонантизма.

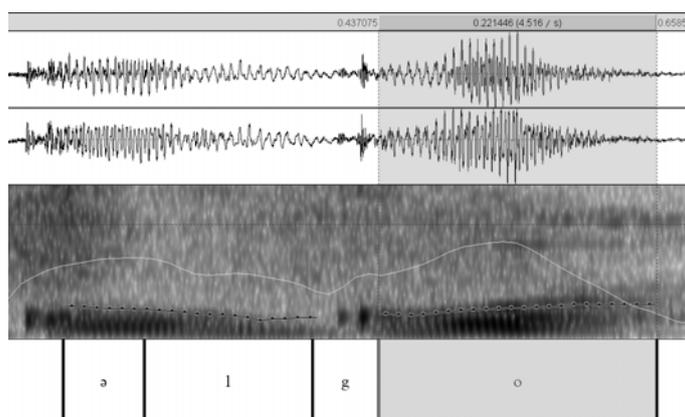

Рис. 6. Внепозиционная краткость звука [э] на примере позиции анлаута (диктор ИК).

Выводы

По итогам проведенного исследования, в вокализме чумьлькупского диалекта может быть выделено 10 гласных фонем, противопоставленных по трем признакам: ряду, подъему и лабиализации для гласных переднего ряда. Идея о фонологическом статусе долготы чумьлькупских гласных, имплицитно постулируемая в работах В. В. Быкони, не нашла практического подтверждения в ходе нашего исследования. В вокализме говора нами не было выявлено рядов звуков, попарно различающихся только количеством.

Статистический подсчет показал, что относительная краткость входит в число артикуляционных признаков [э]. В то время как системе гласных говора в целом свойственно позиционное наращивание или сокращение долготы, [э] значительно менее подвержен позиционному изменению долготы и в среднем проявляет себя как более краткий во всех описанных случаях.

Аргументами в пользу признания самостоятельной фонемой звукотипа [э] мы считаем следующие:

- постоянство реализации звукотипа в составе ряда суффиксов, а также в неударных позициях в корне;
- роль звукотипа [э], определяющего ряд гласного при обратной гармонии гласных;
- нерегулярность качественной редукции гласных, сужающая область возможного функционирования [э] в качестве аллофона.

Необходимо при этом подчеркнуть, что специфика экспериментального материала, изначально не предназначенного для фонологических изысканий, не позволила нам подобрать минимальных пар, что послужило бы окончательным доказательством фонологичности /э/. Дополнительным осложняющим фактором является то, что сильная позиция для этого звука достаточно редка и, в целом, может оцениваться даже как маргинальное явление. Тем не менее, очерченные выше фонетические характеристики позволяют судить о значительной устойчивости [э] как звукотипа, участвующего в смысловозначении.

Идея Ю. А. Морева о действующем в чумьлькупском законе регрессивной дистантной ассимиляции гласных нашла также свое косвенное подтверждение в обнаруженном нами сближении показателя ширины первой форманты гласного [e] в ударном слоге с тем же показателем «шва» в следующем за ним заударном.

Иллюстрации к таблице 1

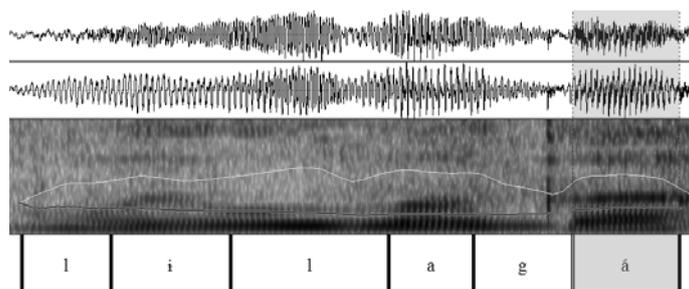

Рис. 7. Спектрограмма слова [lilagá]
(ср. *лыллака* 'кость; мосол' [Быконя 2005: 119]; диктор ИК)

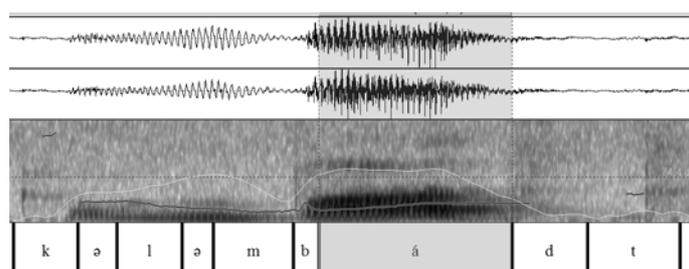

Рис. 8. Спектрограмма слова [kələmbádt]
(образовано от *һалембегу* 'оставаться' [Быконя 2005: 68]; диктор ИК).

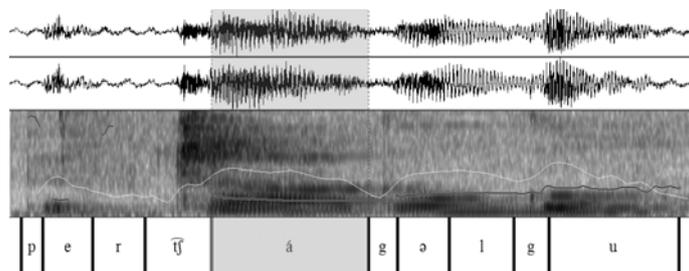

Рис. 9. Спектрограмма слова [pɛtʃágəlgʊ]
(ср. *pärчагелгу* 'прокипятить; закипеть' [Быконя 2005: 185]; диктор ИК).

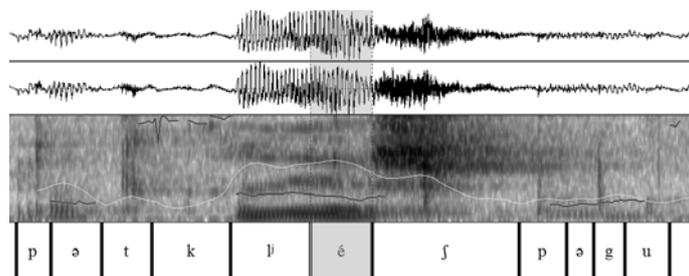

Рис. 10. Спектрограмма слова [pətkléʃpəgu]
(образовано от *патқелешпугу* 'нырять' [Быконя 2005: 183]; диктор ЯМ)

Сокращения

Селькупские диалекты

кет. — кетский диалект
нар. — нарымский диалект

об. — диалекты обского ареала
сев. — северные диалекты

Общие

Г — гласный звук	ЧОТ — частота основного тона
Гц — герц	F — форманта
дБ — децибел	F0 — нулевая форманта
мс — миллисекунда	F1 — первая форманта
С — согласный звук	F2 — вторая форманта

Литература

- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005. {*Bykon'a 2005 — Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Red. Bykon'a V. V. Tomsk, 2005.*}
- Глушков 2002 — *Глушков С. В.* Длительность гласных и согласных в диалектах селькупского языка / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Томск, 2002. {*Gluškov 2002 — Gluškov S. V. Dlitel'nost' glasnyx i soglasnyx v dialektax sel'kupskogo jazyka / Dis. na soiskanie učennoj stepeni kand. filol. nauk. Tomsk, 2002.*}
- Деннинг 1977 — *Деннинг Н. В.* О системе консонантизма тымского диалекта селькупского языка // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977. С. 39—48. {*Denning 1977 — Denning N. V. O sisteme konsonantizma tymskogo dialekta sel'kupskogo jazyka // Jazyki i toponimija. Vyp. 4. Tomsk, 1977. S. 39—48.*}
- Деннинг 1981 — *Деннинг Н. В.* Аффрикатизация и разложение аффрикат в селькупском языке (на материале тымского диалекта) // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Вып. 2. Новосибирск, 1981. С. 160—166. {*Denning 1981 — Denning N. V. Affrikatizacija i razloženie affrikat v sel'kupskom jazyke (na materiale tymskogo dialekta) // Teoretičeskie voprosy fonetiki i grammatiki jazykov narodov SSSR. Vyp. 2. Novosibirsk, 1981. S. 160—166.*}
- Деннинг 1984 — *Деннинг Н. В.* Некоторые данные по частотности и дистрибуции селькупских согласных // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984. С. 142—149. {*Denning 1984 — Denning N. V. Nekotorye dannye po častotnosti i distribucii sel'kupskich soglasnyx // Struktura paleoaziatskich i samodijskich jazykov. Tomsk, 1984. S. 142—149.*}
- Деннинг 1987 — *Деннинг Н. В.* Данные по частотности и дистрибуции селькупских гласных (на материале тымского диалекта) // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1987. С. 58—65. {*Denning 1987 — Denning N. V. Dannye po častotnosti i distribucii sel'kupskich glasnyx (na materiale tymskogo dialekta) // Stroj samodijskich i enisejskich jazykov. Tomsk, 1987. S. 58—65.*}
- Князев, Пожарицкая 2005 — *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика. Графика. Орфография. Орфоэпия. М., 2005. {*Kn'azev, Požarickaja 2005 — Kn'azev S. V., Požarickaja S. K. Sovremennuj russkij literaturnyj jazyk: Fonetika. Grafika. Orfografija. Orfoepija. M., 2005.*}
- Купер 1983 — *Купер Ш. Ц.* Некоторые особенности консонантизма в сюсюкумских говорах селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 90—94. {*Kuper 1983 — Kuper Š. C. Nekotorye osobennosti konsonantizma v s'us'ukumskich govoraх sel'kupskogo jazyka // Voprosy enisejskogo i samodijskogo jazykoznanija. Tomsk, 1983. S. 90—94.*}
- Купер 1984 — *Купер Ш. Ц.* Чередование ауслатных носовых и гоморганных смычных в селькупском языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984. С. 150—159. {*Kuper 1984 — Kuper Š. C. Čeredovanie auslautnyx nosovyx i gomorgannyx smyčnyx v sel'kupskom jazyke // Struktura paleoaziatskich i samodijskich jazykov. Tomsk, 1984. S. 150—159.*}
- Купер 1985 — *Купер Ш. Ц.* Выпадение и вставка согласных в кетском диалекте селькупского языка // Структура самодийских и енисейских языков. Томск, 1985. С. 49—57. {*Kuper 1985 — Kuper Š. C. Vypadenie i vstavka soglasnyx v ketskom dialekte sel'kupskogo jazyka // Struktura samodijskich i enisejskich jazykov. Tomsk, 1985. S. 49—57.*}
- Купер 1987 — *Купер Ш. Ц.* Типы чередований ступеней в селькупском языке // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1987. С. 66—74. {*Kuper 1987 — Kuper Š. C. Tipy čeredovanij stupenej v sel'kupskom jazyke // Stroj samodijskich i enisejskich jazykov. Tomsk, 1987. S. 66—74.*}
- Купер, Морев 1983 — *Купер Ш. Ц., Морев Ю. А.* Среднеязычные согласные в кетском диалекте селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. С. 94—102. {*Kuper, Morev 1983 — Kuper Š. C., Morev Ju. A. Sredneязычные soglasnye v ketskom dialekte sel'kupskogo jazyka // Voprosy enisejskogo i samodijskogo jazykoznanija. Tomsk, 1983. S. 94—102.*}
- Купер, Морев 1985 — *Купер Ш. Ц., Морев Ю. А.* Интерпретация некоторых исторических чередований согласных в кетском диалекте селькупского языка // Структура самодийских и енисейских языков. Томск, 1985. С. 57—63. {*Kuper, Morev 1985 — Kuper Š. C., Morev Ju. A. Interpretacija nekotoryx istoričeskich čeredovanij soglasnyx v ketskom dialekte sel'kupskogo jazyka // Struktura samodijskich i enisejskich jazykov. Tomsk, 1985. S. 57—63.*}

Морев 1973 — *Морев Ю. А.* Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Томск, 1973. {Morev 1973 — *Morev Ju. A.* Zvukovoj stroj sredneobskogo (laskinskogo) govora sel'kupskogo jazyka. Tomsk, 1973.}

Морев 1976а — *Морев Ю. А.* К вопросу о слоге и слоговой структуре слова в селькупском языке (на материале среднеобского диалекта чумылькупов) // Языки и топонимия. Вып. 1. Томск, 1976. С. 76—85. {Morev 1976а — *Morev Ju. A.* K voprosu o sloge i slogovoj strukture slova v sel'kupskom jazyke (na materiale sredneobskogo dialekta čumyl'kupov) // Jazyki i toponimija. Vyp. 1. Tomsk, 1976. S. 76—85.}

Морев 1976б — *Морев Ю. А.* Двуконсонантные сочетания в селькупском языке (на материале среднеобского диалекта чумылькупов) // Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976. С. 69—78. {Morev 1976б — *Morev Ju. A.* Dvukonsonantnye sočetačija v sel'kupskom jazyke (na materiale sredneobskogo dialekta čumyl'kupov) // Jazyki i toponimija. Vyp. 2. Tomsk, 1976. S. 69—78.}

Морев 1976в — *Морев Ю. А.* Шумные согласные обского говора селькупского языка // Языки и топонимия Сибири. Вып. 6. Томск, 1976. С. 36—57. {Morev 1976в — *Morev Ju. A.* Šumnye soglasnye obskogo govora sel'kupskogo jazyka // Jazyki i toponimija Sibiri. Vyp. 6. Tomsk, 1976. S. 36—57.}

Морев 1976г — *Морев Ю. А.* Увулярные согласные в селькупском языке // Fenno-Ugristica. 1976, 3. С. 43—53. {Morev 1976г — *Morev Ju. A.* Uvul'arnye soglasnye v sel'kupskom jazyke // Fenno-Ugristica. 1976, 3. S. 43—53.}

Морев 1977а — *Морев Ю. А.* Развитие селькупского *sr* // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, XIII. 1977, 1. С. 48—57. {Morev 1977а — *Morev Ju. A.* Razvitie sel'kupskogo *sr* // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, XIII. 1977, 1. S. 48—57.}

Морев 1977б — *Морев Ю. А.* Фонетические данные для определения места ласкинского говора в системе диалектных подразделений селькупского языка // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977. С. 29—38. {Morev 1977б — *Morev Ju. A.* Fonetičeskie dannye dl'a opredelenija mesta laskinskogo govora v sisteme dialektных подразделений sel'kupskogo jazyka // Jazyki i toponimija. Vyp. 4. Tomsk, 1977. S. 29—38.}

Морев 1977в — *Морев Ю. А.* Глухость-звонкость согласных в селькупском языке (на материале среднеобского диалекта чумылькупов) // Языки и топонимия. Вып. 5. Томск, 1977. С. 13—26. {Morev 1977в — *Morev Ju. A.* Gluxost'-zvonkost' soglasных v sel'kupskom jazyke (na materiale sredneobskogo dialekta čumyl'kupov) // Jazyki i toponimija. Vyp. 5. Tomsk, 1977. S. 13—26.}

Морев 1978 — *Морев Ю. А.* К соотношению глухости-звонкости и долготы-краткости шумных согласных в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 6. Томск, 1978. С. 3—14. {Morev 1978 — *Morev Ju. A.* K sootnošeniju gluxosti-zvonкости i dolgoty-kratкости шумных soglasных v sel'kupskom jazyke // Jazyki i toponimija. Vyp. 6. Tomsk, 1978. S. 3—14.}

Морев 1979а — *Морев Ю. А.* К неравномерности развития консонантных систем в диалектах селькупского языка // Вопросы финно-угроведения: Языкознание. Сыктывкар, 1979. С. 13. {Morev 1979а — *Morev Ju. A.* K neravnomernosti razvitija konsonantных систем v dialektax sel'kupskogo jazyka // Voprosy finno-ugrovedenija: Jazykoznanie. Syktывkar, 1979. S. 13.}

Морев 1979б — *Морев Ю. А.* Выпадение и вокализация согласных в селькупском языке // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, XV. 1979, 4. С. 236—242. {Morev 1979б — *Morev Ju. A.* Vypadenie i vokalizacija soglasных v sel'kupskom jazyke // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, XV. 1979, 4. S. 236—242.}

Морев 1980 — *Морев Ю. А.* Отклонения от тенденции к общему ослаблению артикуляционной напряженности в селькупском языке // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, XVI. 1980, 4. С. 294—300. {Morev 1980 — *Morev Ju. A.* Otklonenija ot tendencii k obščemu oslableniju artikul'acionnoj napr'ažennosti v sel'kupskom jazyke // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, XVI. 1980, 4. S. 294—300.}

Морев 1984 — *Морев Ю. А.* Развитие консонантных сочетаний в селькупском языке (по данным внешнего сравнения) // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984. С. 159—171. {Morev 1984 — *Morev Ju. A.* Razvitie konsonantных sočetačij v sel'kupskom jazyke (po dannym vnešnego sravnenija) // Struktura paleoaziatsких i samodijских jazykov. Tomsk, 1984. S. 159—171.}

Морев 1985 — *Морев Ю. А.* Изменения согласных по способу артикуляции в селькупском и ненецком языках // Структура самодийских и енисейских языков. Томск, 1985. С. 63—78. {Morev 1985 — *Morev Ju. A.* Izmenenija soglasных po sposobu artikul'acii v sel'kupskom i neneckom jazyках // Struktura samodijских i enisejsких jazykov. Tomsk, 1985. S. 63—78.}

Морев 1990 — *Морев Ю. А.* Динамика консонантных систем в диалектах селькупского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. Языкознание. М., 1990. С. 129—131. {Morev 1990 — *Morev Ju. A.* Dinamika konsonantных систем v dialektax sel'kupskogo jazyka // Materialy VI Meždunarodного kongressa finno-ugrovedov. T. 2. Jazykoznanie. M., 1990. S. 129—131.}

Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 68—79. {Xelimskij 2000 — *Xelimskij E. A.* K istoričeskoj dialektologii sel'kupskogo jazyka // Komparativistika, uralistika: Lekcii i stat'ji. M., 2000. S. 68—79.}

Dulson 1971 — *Dulson A.* Über die raumliche Gliederung des Solkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, VII. 1971, 1. S. 35—43.

РЕЗЮМЕ

В статье представлена попытка дополнить имеющиеся сведения о фонетике чумылькупского диалекта селькупского языка данными экспериментально-фонетического исследования. На их основании сделан ряд выводов о смысловозначительной роли количественного признака в вокализме диалекта. Ввиду спорного места звука [ə] в первичной записи речи носителей в статье также дано углубленное описание его спектральных характеристик.

SUMMARY

The following article sets forth an attempt to supply the existing information about the phonetics of the Chumilkup dialect of the Selkup language with new data obtained by the computerized acoustic research. The conclusions drawn from this data concern such arguable questions about the Chumilkup vocalism as the phonological role of sound duration. Also more detailed information about the spectral characteristics of the [ə]-sound is presented in the article.

Ключевые слова: селькупский язык, чумылькупский диалект, фонетика, вокализм, спектральные характеристики

Keywords: the Selkup language, the Chumilkup dialect, phonetics, vocalism, spectral characteristics

К вопросу о древности парного словообразования в финно-угорских языках

Парные слова: определение и виды

Парными словами в отечественной традиции принято называть просодически слитные сочетания сочинительного характера наподобие к.-з. *йöв-вьй* собир. ‘молочные продукты’ (букв. ‘молоко-масло’), *батъ-мам* ‘родители’ (букв. ‘отец-мать’)¹. Настоящее исследование базируется на данных волжских, обско-угорских и пермских языков, главным же образом коми-зырянского.

Парные слова не являются гомогенным классом, исследователи выделяют различные их подтипы. Центральное место в большинстве классификаций занимают парные слова, которые называют пару или множество предметов по двум отдельным представителям этой пары (множества) — будем называть их далее суммирующими или обобщающими соответственно.

С помощью суммирующих парных слов в исследуемых языках выражается, например, значение ‘родители’: к.-з. *батъ-мам*, *мам-батъ*, *ай-мам*; к.-п. *аймам*; удм. *айы-мумы* (букв. ‘отец-мать’), *мумы-айы*, *бубы-мумы* (букв. ‘отец-мать’), *мумы-бубы*, *атай-анай* (букв. ‘отец-мать’), *анай-атай*, *бубы-нэнэ* (букв. ‘отец-мать’); мар. *ача-ава* (букв. ‘отец-мать’), *ава-ача*; эрз. *тетят-ават*² (букв. ‘отец.PL-мать.PL’; -т — PL); хант. *ащи-аңки* (букв. ‘отец-мать’), *аңки-ащи* [Успенская 2002: 74, 86]; манс. *s'ān'as'* ‘родители’ (из *s'ān'* ‘мать’, *ās'* ‘отец’) [Ромбандеева 1975: 167].

Парные слова обобщающего типа употребляются, например, для обозначения посуды: к.-з. *тасьти-пань* (букв. ‘чашка / миска-ложка’), *чашка-пань*; удм. *тусьты-пуньы* (букв. ‘чашка / миска-ложка’); мар. *кұмыж-совла* (букв. ‘блюдо-ложка’); эрз. *пенчт-шават*, *пенчт-вакант* (букв. ‘ложка.PL-чашка.PL’); хант. *ан-сән* (букв. ‘чашка-чуман’³). Как видно, обобщающие и суммирующие парные слова с одинаковым значением часто имеют и одинаковую структуру (внутреннюю форму) в разных языках.

Выделяется также группа синонимических парных слов, которые часто выполняют лишь стилистическую функцию в тексте: удм. *силь-дау* ‘сильная буря’ (букв. ‘буря-буря’); к.-з. *тыш-кось* ‘борьба-битва’ (букв. ‘то же’); мокш. *кит-ятт* ‘пути-дороги’ (букв. ‘дороги-тропы’), *ланжама-тосквама* ‘грусть-печаль’ (от *ланжамс-тоскавамс* ‘грустить-печалиться’).

Неточная редупликация с одним значащим компонентом (мотивированная) или без значащих компонентов (немотивированная) [Рожанский 2000: 345—346] рассматривается либо отдельно, либо как один из подклассов парных слов.

В более подробных классификациях, например [Wälchli 2003], выделяются и другие разновидности парных слов.

Парные слова в тексте

В финно-угроведении бытует точка зрения о древности сочинительного словосложения в финно-угорских языках. Единственным прямым доказательством этого тезиса может быть засвидетельствованность парных слов в древних памятниках. При этом письменные источники на коми известны с XIV в., а в других исследуемых языках письменность более поздняя: наиболее древние мордовские письменные памятники относятся к концу XVII в., удмуртские — к концу XVIII в. По свидетельству А. П. Феоктистова, образцы текстов на диалектах мансийского, хантыйского, марийского и мордовского языков (среди прочих) представлены в издании Н. К. Витсена «Северная и восточная Татария»⁴ 1692 г. [Феоктистов 1971: 13].

Поиск парных слов в письменных источниках (особенно это относится к древним текстам) не всегда дает положительный результат. Тому есть несколько причин.

¹ Если не указано иное, то коми-зырянские примеры взяты из [Безносикова и др. 2000], эрзянские — из [Бузакова и др. 1993], мокшанские — из [Алямкина и др. 1998], удмуртские — из [Вахрушев 1983], марийские — из [Галкин 1990—2005].

² В мордовских языках компоненты парных слов, имеющих множественную семантику, оформляются аффиксами множественного числа. При этом возникает омонимия, например, эрз. *тетят-ават* может означать произвольное число родителей, в частности одну пару (одного отца и одну мать).

³ Чуман — берестяной кузов, а также берестяной черпак для воды.

⁴ *Witsen N. Noord en Oost Tartarye etc. Amsterdam, 1692* [Witsen 1692].

Во-первых, парные слова представляют собой периферию лексической системы языка в том смысле, что обозначают обычно не самые базовые понятия.

Во-вторых, многие парные слова имеют разговорную или народно-поэтическую стилистическую окраску. Суммирующие парные слова часто могут быть без ущерба для смысла заменены сочинительными конструкциями, синонимические парные слова в большинстве случаев являются лишь стилистическим средством, а потому их употребление — индивидуальная особенность автора текста. Следовательно, их встречаемость зависит от жанра текста. Если мы имеем дело с текстом христианской молитвы или отрывком из богослужения (которые переводились на исследуемые языки с русского), вероятность встретить там парное слово невелика.

В связи с этим обнаружение даже одного парного слова в относительно древнем тексте (как правило, коротком) или раннем словаре (с небольшим словарем) является большой удачей. В этом случае можно предполагать достаточно широкую употребительность найденного парного слова в соответствующее время.

В-третьих, парные слова в тексте следует отличать от бессоюзных сочинительных конструкций (перечисления). В общем случае единственное достоверное их различие — интонационное: компоненты парных слов составляют единую синтагму (и в случае наличия одного ударения — одно фонетическое слово), произносятся без паузы и без перечислительной интонации.

В следующем примере, записанном в ходе полевой экспедиции в с. Шамардан Глазовского района Удмуртской Республики, при перечислении родственников используется перечислительная интонация с повышением тона на каждом из перечисляемых компонентов (изображена схематично под транскрипцией), которые к тому же отделены друг от друга паузами. Однократное повышение тона на сочетании *anaje-ataje* и отсутствие паузы между компонентами *anaje* и *ataje* показывает, что это именно парное слово со значением ‘мои родители’, а не сочинительная конструкция *anaje, ataje* со значением ‘моя мать, мой отец’.

(1) удм. бес. Ш.

[*ʒək sirən puko mənəm rodstvennikjosa:*] *anaje-ataje, varmajə, varmuməjə, kume kuməjənoʂ, kiros pijə, kiros nələ i muketjosaʒ.*

anaj-e—ataj-e, varmaj-e, varmuməj-e kum-e kumə-jən-os
мать-PX1SG-отец-PX1SG свекор-PX1SG свекровь-PX1SG кум-PX1SG кума-INSTR-PX1SG⁵

kiros pij-e kiros nələ i muket-jos-aʒ.
крестный сын-PX1SG крестный дочь-PX1SG и другой-PL-PX3SG

‘[За столом сидят все мои родственники:] родители, сваты, кум с кумой, крестный сын, крестная дочь и остальные’ [ПМА].

Отражением интонации в тексте является пунктуация; поэтому осмысленно искать парные слова только в тех текстах, где пунктуация позволяет отличать их от бессоюзных сочинительных конструкций (компоненты первых разделены дефисом, в ряде случаев написаны слитно; компоненты вторых разделены запятой).

Конечно, поиск парных слов в текстах, в которых не отражена интонация, не является заранее обреченным мероприятием: существует теоретическая возможность встретить редкий контекст, когда грамматическое оформление компонентов некой бинарной конструкции или ее синтаксическое поведение, связанное с числовой семантикой, позволит определить, что она является парным словом.

Это может быть, например, конструкция, похожая на современные к.-з. *ая-ниа* ‘отец с сыном’ (*ай* ‘отец’, *ни* ‘сын’); к.-п. *чоя-вока* ‘брат и сестра’ (*чой* ‘сестра’, *вок* ‘брат’); удм. *айыё-мумыё* ‘пара; самец с самкой’ (*айы* ‘самец’, *мумы* ‘самка’). Оба компонента этих парных слов оформлены некими суффиксами, омонимичными суффиксам прилагательных в этих языках⁶; далее этот суффикс глоссируется как «Cог». К. Редее считает эти суффиксы средством «выражения координации» между компонентами парных слов [Редее 2005: 229].

В пермских языках существительные, входящие в сочинительную конструкцию, такими суффиксами не оформляются. Падежные, притяжательные и числовые аффиксы присоединяются ко всему парному слову такого типа целиком:

⁵ В данном примере бес. Ш. *-os < -aʒ*.

⁶ Б. А. Серебренников предполагает, что этот суффикс может представлять собой падежную форму локатива **-an* [Серебренников 1963: 173]. К. Е. Майтинская, ссылаясь на предположение Й. Буденца, указывает, что суффикс *-a* может хранить следы **k*-ового суффикса двойственного числа [Майтинская 1968: 159—160].

(2) к.-з.

Vit nыл-а — пи-а-ӧс быдт-ис.

пять дочь-COR-сын-COR-ACC вырастить-1PAST.3SG

‘Она вырастила пятерых детей (девочек и мальчиков)’ [Безносикова и др. 2000: 440].

Еще один случай различения сочинительной конструкции и парного слова — это употребление по отношению к одному человеку парного слова типа удм. *нылти* ‘ребенок’.

В современных языках существуют и другие локальные формальные различия парных слов и соответствующих им бессоюзных сочинительных конструкций, но для подавляющего большинства случаев употребления парных слов и соответствующих им бессоюзных сочинительных конструкций единственным различительным признаком служит интонация.

Парные слова в древних текстах и первых словарях

Первые коми памятники, написанные древнепермскими (стефановскими⁷) буквами на древнепермском языке и не являющиеся азбуками, — это надпись на иконе Троицы из Вожемской церкви (около 150 слов) и надпись на иконе Сошествия Св. Духа тоже из с. Вожем (51 слово), обе не позднее XV в.; приписка из 11 слов в рукописном Номоканоне 1510 г. (12 слов) [Лыткин 1948: 233; Сидоров 1962: 189⁸]; подпись Пермского епископа Филофея на грамоте 1474 г. (его имя и несколько знаков); две записи (18 и 6 слов) в книге «Григория Синаита сочинения» (книга XV в.; приписки, вероятно, тоже) [Сидоров 1962]. Все эти памятники либо выполнены без пробелов, либо пробелы в них не выступают в функции обозначения границ слова. Запись из 18 слов содержит четыре пробела, отделяющих слова друг от друга; запись в 6 слов трудночитаема, наличие пробелов там вероятно. Естественно, о пунктуационных знаках в этих памятниках говорить не приходится. В любом случае в этих коротких памятниках не встретилось ни одного контекста, который можно было бы проинтерпретировать как парное слово или бессоюзную сочинительную конструкцию.

Имеется также несколько списков отрывков литургии, написанных кириллицей, но на древнепермском языке. Это позднейшие списки, вероятно, со стефановских переводов [Сидоров 1962: 183]. В литературе достаточно подробно описаны Лепехинский и Евгеньевский списки (оба XVIII в.) [Лыткин 1952] и список из с. Гам Устьвымского района (XIX в.). Очевидно, стефановские тексты были выполнены без пробелов, поскольку переписчики, возможно, плохо владевшие зырянским языком, не всегда верно разделяли текст на слова. В списке из с. Гам присутствуют не только пробелы и точки, но и запятые. Текст был проанализирован полностью⁹; контекстов, напоминающих парные слова, замечено не было.

С полным текстом двух других списков ознакомиться не удалось. В отрывках из Лепехинского текста, приведенных Г. С. Лыткиным [Лыткин 1889], встретилась бессоюзная сочинительная конструкция, состоящая из двух слов. Интерпретация ее как парного слова затруднительна, во-первых, поскольку она является переводом русской бессоюзной сочинительной конструкции: *чюжомъ нужалтомъ* ‘<Верую... во единого Господа Иисуса Христа... Бога истинна от Бога истинна> рожденна, несотворенна’ (из Символа веры); ср. совр. к.-з. *чужӧм* ‘родившийся / рожденный’, *уджалтӧм* ‘не работающий, не действующий / «не сработанный»’ (*ж* и *дж*, *о* и *ӧ* в рукописи не различаются; происхождение *н-* в начале второго компонента объяснить затруднительно). Во-вторых, это сочетание вряд ли может быть парным по грамматическим причинам: компоненты парных причастий бывают оформлены одинаковыми суффиксами (с разными примерами нам еще не встречались); ср. к.-з. *майксӧм-таляссьӧм* ‘истоптанный (снег)’ (*майксӧмны* ‘топтаться’, *таляссьӧмны* ‘истоптаться’; *-ӧм* — PART), *ниравтӧм-зуавтӧм пыш* ‘пенька-сырец’ (*пыш* ‘пенька’, *ниравны* ‘трепать’, *зуавны* ‘чесать’; *-тӧм* — NEG PART). В примере из Лепехинского текста первое причастие оформлено суффиксом *-ӧм*, а второе, если глагол определен верно, — суффиксом *-тӧм*.

Из памятников церковной литературы XVIII в. на коми-зырянском языке сохранились четыре списка «Божественной литургии»¹⁰ [Кузнецова 1958]. Эти памятники записаны кириллическими буквами, с

⁷ Стефан Пермский (ок. 1345—1396 гг.) — первый епископ Пермской епархии (1383—1384 гг.). Направился в 1379 г. для проповеди христианства в страну коми. По предположению Елифания Премудрого, агиографа, составившего «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа», в 1375 г. Стефан составил пермскую азбуку, а затем перевел на коми некоторые богослужебные книги [Сидоров 1962: 183].

⁸ В заключении к посмертной статье А. С. Сидорова, написанном В. И. Лыткиным.

⁹ Полностью приведен в [Сидоров 1962].

¹⁰ Г. С. Лыткин предполагает, что все эти рукописи — переделки более древнего текста, подобного Лепехинскому, произведенные «видимо, зыряннином, обучавшимся в Устюжской семинарии» [Лыткин 1889: 32].

пробелами, но разделение на слова в идентичных контекстах в них не совпадает. Из пунктуационных знаков регулярно встречаются только точки в конце фраз. С этими памятниками целиком ознакомиться не удалось, а в приведенных в работе З. И. Кузнецовой отрывках не встретилось контекста, напоминающего парное слово или бессоюзную сочинительную конструкцию. З. И. Кузнецова, анализируя письменные памятники XVIII в., не отмечает ни одного парного слова [Кузнецова 1967].

Поскольку поиск парных слов в древних текстах затруднителен и пока не дал положительного результата, неопределимо значение первых лексикографических источников коми языка, самые древние из которых относятся к XVII в.

В «Уставе церковном, написанном в 1608 году» приведены названия месяцев «на римском, египетском, еврейском, эллинском, русском и пермском языках» [Сидоров, Лыткин 1966: 123]. Среди них зафиксированы два парных прилагательных на коми: *лосца номья* ‘июнь’ и *ода-кора* ‘май’ — ср. совр. к.-з. *лӧддза-номья* ‘июнь; июньский’ (*лӧдз(-ддз-)* ‘овод, слепень’, *ном(-й-)* ‘комар’; *-а* — ADJ, суффикс обладания каким-либо качеством); *ода-кора* ‘май’ (*од(-й-)* диал. ‘всходы; стебель; зелень’, *кор(-й-)* ‘лист; листья’). Как пишет В. И. Лыткин, «можно считать правильной расшифровку А. С. Сидоровым следующих месяцев <...> май — *ода-кора* ‘месяц всходов и листьев’; <...> июнь — *лӧддза-номья* ‘оводно-комарный’» [Сидоров, Лыткин 1966: 124—125].

Слово *одакора* (в слитном написании) встречается еще в одном источнике — «Старинные русские и пермские названия месяцев» П. К-ва [ПК 1855: 411—414]¹¹, который сообщает: «В одной старинной рукописи, которую случайно мне удалось найти, <...> помещена довольно любопытная статья о месяцах. <...> Ее можно отнести к началу XVII столетия» [Сидоров, Лыткин 1966: 125].

В. И. Лыткин высказывает предположение, что «возможно, рассмотренные коми названия месяцев восходят к стефановскому времени и попали в церковный устав 1608 г. из богослужебных книг более раннего периода, написанных на древнепермском языке». Этот вывод он делает на основе отражения древнепермского *ǰ* с помощью кириллической буквы *ц*, что встречается в памятниках XVII в., представляющих собой переписку с древнепермской азбуки на русскую. В коми-зырянских памятниках XVIII в. звук *ǰ* передается буквами *дз*, *з* [Сидоров, Лыткин 1966: 128].

Г. Ф. Миллер в «Описании живущих в Казанской губернии языческих народов...» (материал для словаря собирался во временных пределах 1733—1743 гг.) не приводит бесспорно парных слов на зырянском или пермяцком языках. Трижды [Миллер 1791: 85, 87, 93] встречается необычная подача перевода — слова даются не через запятую, а через дефис, но, очевидно, это все-таки разные переводы (фонетические варианты, синонимы), а не парные слова: зырянские *батья-ай* ‘отец’ (совр. к.-з. *бать*, *ай* то же), *гѣттиръ-гѣтюрь* ‘жена’ и пермское¹² *дыди-гулу* ‘голубь’ (совр. к.-п. *дыди* ‘голубь’, *гулу* детск. ‘гуля’). Также не встречаются парные слова в коми части словаря П. С. Палласа («Сравнительные словари всех языков и наречий», изд. в 1787—1789 гг.) [Туркин 1985].

В словаре, содержащемся в зырянской грамматике М. А. Кастрена, зафиксировано два парных слова: *туукыд* ‘разум’ и *paskäm* ‘одежда, платье’ [Castrén 1844]. Существует точная современная параллель к первому слову — к.-з. *мыкыд* ‘ум, разум, рассудок; толк; благоразумие’. В этимологическом словаре указывается, что зырянское слово возникло из *мыл-* ‘желание’ и *кыд* ‘сознание, рассудок’ [Лыткин, Гуляев 1970]; это слово является синонимическим парным по происхождению. Слово *paskäm* имеет современную параллель: к.-з. *паськӧм* ‘одежда’, *пась-кӧм* собир. ‘одежда и обувь’ (*пась* ‘шуба; одежда’, *кӧм* ‘обувь’).

В зырянско-русском словаре П. Савваитова 1850 г. (объемом примерно 7000 слов) зафиксировано уже 27 парных слов, часть из которых являются суммирующими и обобщающими, другая же часть представляет собой синонимические образования [Савваитов 1850].

В пермяцко-русском словаре Н. Рогова приведены девять парных и производных от парных слов [Рогов 1869].

По-видимому, парные слова функционировали в коми языке и раньше, однако не попали или попали в очень ограниченном количестве в первые словари в связи с небольшим объемом словника.

Вероятнее всего, такая же ситуация имеется и в других исследуемых языках. К примеру, в списке удмуртских слов по словарю Палласа представлены три парных слова, которые употребляются и в современном языке: удм. *нылпи* ‘дитя’ (совр. удм. *ныл* ‘дочь’, *пи* ‘сын’), *имныр* ‘лицо’ (совр. удм. *ым* ‘рот’, *ныр* ‘нос’), *толобурда* и *тылобурдо* ‘птица’ (совр. удм. *тыло* ‘с перьями’, *бурдо* ‘с крыльями’) [Тепляшина 1965: 82, 83, 99]. Слово *тилд-бурдд* ‘птица’ зафиксировано также в словаре Миллера [Миллер 1791: 93].

¹¹ Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855, № 50. С. 411—414.

¹² Обозначение Г. Ф. Миллера.

В словаре Миллера указаны и два мордовских парных слова: *эшиь-какшиь* ‘мальчик’, *суллоть-пънеть* ‘кишки’ [Миллер 1791: 87]; по всей видимости, первое слово является неким фонетическим отражением парного слова со структурой ‘ребенок-ребенок’. В современном эрзянском языке имеются *ejd* ‘ребенок’, *kakš* ‘ребенок’ и образованное путем их сложения парное слово *ejkakš* ‘ребенок’ с различными фонетическими вариантами в разных диалектах, в частности Е:KaI *ejkakš* [Paasonen 1990—1996: 574]. Слово *эйкакит* ‘дети’ (-*т* — показатель PL) зафиксировано в мордовской части словаря Дамаскина [Феоктистов 1971: 90] и — в своеобразной фонетической интерпретации — в двух списках этого словаря: *касмо́ ехка́кионь*, *касъмó яйка́кионь* ‘возраст юношеский’ [Феоктистов 1971: 58] (-*о-нь* — показатель GEN; совр. эрз. *касмо* ‘макушка, темя’ от *касомс* ‘расти’ [Феоктистов 1971: 637—638]). Парное слово *суллоть-пънеть* имеет современную параллель: эрз. *сюлот-пекеть* ‘внутренности’ [Агафонова и др. 2001: 145] (*сюло* ‘кишка’, *пеке* ‘желудок, живот’).

Кроме того, в словаре Дамаскина встретилось сочетание *эря́т таи́тáт* ‘здравствуй’, которое должно было читаться, видимо, как *er'at-aštat* ‘живешь-поживаешь’. Написание *эря́т таи́тáт*, по мнению А. П. Феоктистова, «отражает закон открытого неконечного слога, свойственный фонетике мордовских языков» [Феоктистов 1971: 104].

В «Черемисско-русском словаре» (марийско-русском) В. П. Троицкого встретилось шесть парных слов, в том числе два наречия [Троицкий 1894].

Одно слово со сложной структурой встретилось в хантыйской сказке, записанной М. А. Кастреном (видимо, в 1845 г.): хант. *njat-sem-tagat* ‘скатерть’ (букв. ‘нос-глаз-платок’, ранее, вероятно, ‘салфетка’) [Steinitz 1963: 116]. Первые два его компонента, очевидно, являются равноправными, связанными сочинительной связью.

В мансийском словаре А. Алквиста найдено восемь парных слов [Ahlqvist 1891].

Итак, существование некоторого количества парных слов в древних языках является вполне возможным, хотя прямых доказательств этому пока нет, а их появление крайне маловероятно. Первой достоверной фиксацией парных слов можно считать названия на коми двух месяцев в Церковном уставе 1608 г.

Тем более невероятно доказать существование парных слов в праязыках, поэтому, говоря о древности парных слов в финно-угорских языках, исследователи выдвигают различные косвенные доказательства.

Порядок следования компонентов в парном слове и теория матриархата

А. С. Сидоров в статье «Парные словосочетания в коми языке как выражение языковой стадии и как грамматическая форма», впервые опубликованной в 1948 г., обращает внимание на специфическую группу парных существительных, обозначающих людей разного пола, где компонент, называющий женщину, расположен на первом месте: к.-з. *ныв-ни* ‘дети’ (букв. ‘дочь-сын’) [Сидоров 1992: 26]. Автор статьи считает, что парные существительные с таким порядком компонентов могли образоваться только в эпоху матриархата¹³.

Интересно отметить, что парные слова с компонентами, заимствованными из русского языка, имеют другой порядок компонентов: к.-з. *жõника-невеста* ‘жених и невеста’, *гõсть-гõстя* ‘гости’ [Сидоров 1992: 26—27]. Другие примеры русских заимствований, не указанных А. С. Сидоровым: к.-з. *друга-пõдругаа* ‘друг с подругой’, *дядя-тьõткаа* ‘дядя с тетей’ (-*а* — COR), *сват-сваття* ‘сваты’ (родители супругов), *тесть-тьõцца* ‘тесть с тещей’.

Теоретически можно было бы предположить, что слово *ныв-ни* образовалось в коми под влиянием матриархата и до сильного влияния русского языка, но в приведенных парных словах с компонентами, заимствованными из русского языка, на порядок компонентов могло повлиять большее количество слогов второго компонента или порядок их следования в русском (в сочинительных конструкциях или конструкциях с предлогом *с*). С другой стороны, на порядок следования компонентов слова *нывни / нылли* могло повлиять губное начало второго компонента¹⁴. И, кроме того, зафиксировано также парное слово к.-з. *ни-ныв* с тем же значением [Безносилова и др. 2000: 502].

Б. Вэлхли полагает, что нет прямой взаимосвязи между предпочтительным порядком компонентов, обозначающих мужчину и женщину, и статусом мужчины и женщины в соответствующих лингвистических сообществах [Wälchli 2003: 87].

¹³ Существование матриархата у удмуртов (в удмуртском языке также есть слово *нылли* ‘дети’ от *ныл* ‘дочь’, *ни* ‘сын’) проверяется в [Чураков 2003].

¹⁴ По моим наблюдениям, коми-зырянские парные слова с порядком компонентов, при котором второй компонент начинается с губного согласного, а первый — с гласного или негубного согласного, встречаются в два раза чаще, чем с обратным порядком (по самым грубым подсчетам, 152 случая против 78).

Исследователи-финноугроведы полагают, тем не менее, что фактор социального статуса часто является определяющим для порядка следования компонентов в составе парного слова, как и фактор важности компонента вообще. Для ижемского диалекта коми-зырянского языка исследователи отмечают, что во многих случаях возможна перестановка основ парного слова: *ай-мам* = *мам-ай* ‘родители’, *ус-тош* = *тош-ус* ‘усы и борода’ (‘борода и усы’), *ныы-ни* = *ни-ныы* ‘дети, дочь и сын’, *вока-чоя* = *чоя-вока* ‘сестра и брат’. Однако такая мена недопустима в словах *айа-ниа* ‘отец с сыном’ (*ай* ‘отец’, *ни* ‘сын’), *н’ан’-соо* ‘хлеб-соль’, *вёла-дод’д’а* ‘упряжка’ (*вёв* ‘лошадь’, *дод’(-д’д’-)* ‘сани’), *мама-ныла* ‘мать с дочерью’ (*мам* ‘мать’, *ныв* ‘дочь’), *ин’каа-мон’а* ‘свекровь со снохой’ (*ин’ка* ‘свекровь’, *мон’* ‘сноха’) [Сахарова, Сельков 1976].

Носители марийского и коми-зырянского языков указывали нам, что при изменении порядка компонентов в слове ‘родители’ меняется их статус: мар. *ача-ава* (букв. ‘отец-мать’) — «более главным является отец», *ава-ача* (букв. ‘мать-отец’) — «более главной является мать»; аналогично к.-з. *бать-мам*.

Итак, аргумент порядка слов остается довольно зыбким, по крайней мере, до выяснения новых фактов или проведения новых сопоставлений.

«Субстратная» теория

Еще одной попыткой обоснования тезиса о древности парных слов в финно-угорских языках можно считать работу О. Б. Ткаченко «Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков». Исследователь, сравнивая количество парных слов в разных славянских языках, обнаружил наибольшее количество таких образований в русском языке. Возрастание числа парных слов в русском языке автор объясняет субстратным влиянием финно-угорских языков [Ткаченко 1981: 29], в то время как другие славянские языки испытывали лишь адстратное влияние языков, где было распространено парное словообразование.

Парные слова с затемненной внутренней формой

К. Е. Майтинская считает, что парные слова имелись еще в финно-угорском языке-основе [Майтинская 1974: 392]. Она делает предположение о существовании определенных типов парных слов в древнем языке: «К финно-угорскому языку-основе восходят, по всей вероятности, следующие три разряда парных слов (сочетаний слов): 1) парные сочетания объединяющего типа; 2) парные сочетания усилительного типа (в терминологии настоящей статьи синонимические — *Примеч. авт.*); 3) парные слова изобразительного типа» [Майтинская 1974: 392].

Исследователь приводит следующий аргумент, подтверждающий древность образования парных слов: сильное фонетическое изменение компонентов парного слова по сравнению с современным звучанием соответствующих этим компонентам слов. Например, венг. *arc* ‘лицо’, произошедшее, по мнению К. Е. Майтинской, от слов *orr* ‘нос’ и *száj* ‘рот’; фин. *turma* ‘несчастье, беда’, восходящее к двум словам — *tuho* ‘гибель’ и *surma* ‘убийство, смерть’ [Майтинская 1974: 393]. Следует отметить, что, приводя финский пример, К. Е. Майтинская ссылается на Л. Хакулинен, однако сам Л. Хакулинен считает данное образование контаминацией двух слов, а не чистым их сложением [Хакулинен 1955: 76]. По данным [SSA, 3: 335], это слово заимствовано из герм. **turma*¹⁵.

Очевидно, что затемненная внутренняя форма парного слова сама по себе далеко не всегда свидетельствует о значительной древности парного слова, но, естественно, парные слова, содержащие в своем составе деэтимологизированный компонент, могут претендовать на отнесение их к древнему пласту лексики. В волжских и пермских языках набирается около десятка таких слов.

К.-з. *кõмкот* ‘обувь’ (которое, в свою очередь, встречается в составе парного слова *кõмкот-платтõ* ‘одежда и обувь’) состоит из двух компонентов: *кõм* ‘обувь’ и *кот* — слово, которое в современном языке употребляется в очень редких случаях в значении ‘погребальная обувь’ (вероятно, используется лишь при описании древних обрядов). У последнего компонента есть соответствие в удмуртском языке (удм. *кут* ‘лапоть’) и в русском языке (в заимствовании *коты*). Следовательно, ранее слово *кот* имело значение ‘обувь’ [Лыткин, Гуляев 1970], т. е. парное слово *кõмкот* имеет структуру ‘обувь-обувь’, вероятно, обозначая разные виды обуви.

Иногда этимологический анализ оказывается бессильным, как, например, в случае с эрз. *атят-сердят* ‘предки’, где компонент *атя* значит ‘старик’ (*-т* — показатель PL), а значение компонента *сердя* не выяснено [Келин 1967: 206]. Это парное существительное претендует на то, чтобы быть обобщающим, исходя из того, как устроены аналогичные образования в родственных языках: л.-мар. *ача-коча*, удм. *атай-*

¹⁵ За ссылкой на эту информацию приношу благодарность Ю. В. Норманской.

бабай ‘предки’ (букв. ‘отец-дед’) или эрз. *покият-бабат* ‘предки’ (букв. ‘дедушки-старухи’). Можно лишь предполагать, что *сердя* когда-то было названием одного из старших родственников. Б. Вэлхли высказывает предположение, что компонент *сердят* восходит к сочетанию *сыре атят* ‘старые старики’ [Wälchli 2003: 121].

Ю. В. Андуганов считает диахронически парными следующие образования: мар. *шүкшак* (*шүк* ‘мусор’) и удм. *жүг-жәг* ‘отбросы, мусор’ (*жәг* ‘мусор’). По его мнению, эти образования происходят от одной и той же пары корней (причем в современных языках в независимом употреблении сохранилось по одному корню), но с разной огласовкой (-а- и -ү-) — с одинаковым значением ‘мусор’ [Андуганов 1985: 46—47]. Очевидно, к этому сравнению нужно отнести и к.-з. *жуг-жаг* ‘остатки, отбросы, отходы’ (*жуг* ‘полова, мякина’). Следует отметить, что И. С. Галкин возводит л.-мар. *шүкшак* ‘рухлядь, хлам’ к слову *шүкшио* ‘плохой, ветхий’, к которому был присоединен непродуктивный суффикс -ак [Галкин 1964: 46].

Наречие к.-з. *томён-такён* ‘во цвете лет’ употребляется в составе фразеологизма:

(3) к.-з.

Том-ён—так-ён *кул-і.*
 молодой-INSTR-??-INSTR умереть-1PAST.3SG
 ‘Умер во цвете лет’.

В современном коми-зырянском языке это наречие имеет один неясный компонент, который можно сопоставить с к.-яз. *так* ‘сила’; в этом случае наречие будет иметь структуру ‘молодым-сильным’ [Тарабукин 1959: 6, 123].

В мар. волж. *шүжөр* и г.-мар. *шбшер* ‘молоко’ И. С. Галкин предполагает структуру парного слова, считая оба компонента заимствованными: «Ср. монг. *сү* ‘молоко’, перс., курд., тадж. *шур* ‘молоко’». В мар. волж. компоненты слова дестимологизировались и не употребляются по отдельности, хотя в других диалектах для обозначения молока употребляется слово *шөр* [Галкин 1999: 168].

Участники семинара по уралоистике в Институте языкознания РАН¹⁶ в личном сообщении предложили уральскую этимологию слова *шөр*: ПУ **s'ä/erV-* ‘молоко, молочная сыворотка; доить’ > морд. мокш. *s'erä-* ‘молочная сыворотка’ [Paasonen 1990—1996: 2138], л.-мар. *šör* ‘молоко’ [Галкин 1999: 168], венг. *szerdék* ‘geronnene Milch’ [EWUng: 1423]; ПС **sar-ca* ‘доить’ [Helimski 1997: 335] > кам. *surdälem* ‘melken’ [Donner 1944: 60; Helimski 1997: 335], мат. *sartä* ‘melken’ [Helimski 1997: 335]. Поскольку происхождение первого слога мар. волж. *шү-* и г.-мар. *шб-* достоверно неизвестно, вопрос о парном характере слова ставить преждевременно.

Следует отметить, что исследователи предпочитают идти по пути этимологизации компонентов бинарной конструкции даже в тех случаях, когда этимологический анализ не дает убедительного результата. Так, в «Кратком этимологическом словаре коми языка» высказывается предположение, что конструкции к.-з. *ту-бу* и *туö-буö* некогда были образованы как синонимические парные слова. Эти конструкции употребляются лишь в составе фразеологизмов:

(4) к.-з. скр.

ту-ö—бу-ö *петкöдны / воштыны*
 улица-ILL-??-ILL вынести / деть, потерять
 ‘выболтать, проболтать’;

(5) к.-з. л. Об.

ту—бу *вöчны*
 улица-?? сделать
 ‘сгинуть, пропасть’.

Авторы этимологического словаря высказывают предположение, что «элемент *ту-* в приведенных сочетаниях восходит к самостоятельному слову со значением ‘улица, двор, природа, свет’. <...> В представленных фразеологизмах непонятным остается слово *бу-*; оно, возможно, является синонимом элемента *ту-* и означало также природу, улицу, стихию» [Лыткин, Гуляев 1970: 284].

Выражение к.-з. *чидйö-вадйö* в этом же исследовании представлено как диахронически парное слово:

(6) к.-з.

чидй-ö—вадй-ö *во-ны*
 ??-ILL-болотистое.место-ILL прийти-INF
 ‘попасть в безвыходное положение, попасть в беду’.

¹⁶ А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская, О. А. Мудрак, В. Ю. Гусев, П. В. Башарин.

Однотипные парные слова в пермских, волжских и обско-угорских языках

значение	к.-з.	удм.	л.-мар.	мокш.	эрз.	хант. Kaz	манс.
‘братья’		<i>вын-агайёс</i> ‘старший.брат-младший.брат.PL’; <i>агай-вынъёс</i> , <i>нюнь-вынъёс</i> ‘старший.брат-младший.брат’	<i>иза-шольо</i> ‘старший.брат-младший.брат’; <i>изак-шоляк</i> ‘старший.брат.Emph-младший.брат.Emph’	<i>альнякат-братт</i> ‘старший.брат.PL-брат.PL’	<i>лелят-ялакст</i> ‘старший.брат.PL-младший.брат.PL’ [Агафонова и др. 2001: 88]	<i>яй-апáлы</i> ‘старший.брат-младший.брат’ [Кошкарева, Соловар 2004: 41]	
‘братья и сестры’	<i>чой-вок</i> ‘сестра-брат’	<i>вын-апайёс</i> ‘старший.брат-старш.сестра’	<i>иза-ака</i> ‘старший.брат-старшая.сестра’; <i>шольо-иужар</i> ‘младший.брат-младшая.сестра’		<i>патыт-ялакст</i> ‘старшая.сестра.PL-младший.брат.PL’		
‘внутренности’				<i>сюлот-пект</i> ‘кишка.PL-живот.PL’	<i>сюлот-пекеть</i> [Агафонова и др. 2001: 145]		
‘воронье; хищные птицы’	<i>катша-рака</i> ‘сорока-ворона’	<i>ко чо-куака</i> ‘сорока-ворона’			<i>сезьгант-варакат</i> ‘сорока.PL-ворона.PL’		
‘дедушка и бабушка’	<i>пöль-пöч</i> ‘дедушка-бабушка’; <i>пöч-пöль</i> ‘бабушка-дедушка’ (родители отца)		<i>коча-кова</i> ‘дедушка-бабушка’				
‘дети’, ‘ребенок’	<i>ныв-ни</i> ‘дочь-сын’; <i>ни-ныв</i> ‘дети’	<i>нылпи</i> (<i>ныл</i> ‘дочь’, <i>пи</i> ‘сын’) ‘ребенок; дети’	<i>эрге-удыр</i> ‘сын-дочь’			<i>эви-пух</i> ‘дочь-сын’ [Успенская 2002: 30]	<i>N äyi-piy</i> , <i>LM oãj-pï</i> , <i>P is oã-pï</i> (‘маленькие дочь-сын’), <i>K oã-röi ~ oã-röi ~ öi-röi</i> , <i>T öi-pï ~ öi-pï ~ äw-pï</i> ‘дочь-сын’ [Munkácsi 1986: 23]

значение	к.-з.	удм.	л.-мар.	мокш.	эрз.	хант. Kaz	манс.
‘днем и ночью’, ‘сутки’	п. <i>лун-вой</i> ‘день-ночь’	adv., п. <i>уй-нунал</i> ‘день-ночь’	adv. <i>йӱд-кече</i> ‘день-ночь’	п. <i>шит-вет</i> ‘день.PL-ночь.PL’	п. <i>чи-ве</i> ‘день-ночь’	п. <i>атл-хатл</i> ¹⁷ ‘день-ночь’ [Молданова и др. 1983]; Trj <i>át-kátł</i> [DEWOS]	п. <i>So эт-хотал</i> ‘день-ночь’ [Ромбандеева 1973]
‘есть-пить’, ‘питаться’	<i>сёйны-юны</i> ‘есть-пить’; <i>юны-сёйны</i> ‘пить-есть’	<i>сиыны-юыны</i> ‘есть-пить’; <i>юыны-сиыны</i> ‘пить-есть’	<i>йӱаши-кочкаши</i> ‘пить-есть’		<i>ярсамс-симемс</i> ‘есть-пить’	<i>дэты-яньтыци</i> ‘есть-пить’ [Успенская 2002: 74]	<i>So тэнут-айнут</i> ‘еда-питье’ [Ромбандеева 1973]; LM <i>tēnē-ājnē</i> ‘еда-питье’ [Munkácsi 1986: 638]
‘женщина’	<i>нывбаба</i> ‘девушка. женщина’	<i>нылкышно</i> ‘девушка. женщина’					
‘инструменты для заготовки леса (пила и топор)’	<i>пила-чер</i> ‘пила-топор’, <i>чер-пила</i> ‘топор-пила’		<i>пила-товар</i> ‘пила-топор’				
‘конечности’	<i>ки-кок</i> ‘рука-нога’	<i>суйпыд</i> (суй ‘рука’, <i>пыд</i> ‘нога’)	<i>кид-йол</i> ‘рука-нога’	<i>кятть-пилькт</i> ‘рука.PL-нога.PL’	<i>кедть-пильгть</i> ‘рука.PL-нога.PL’	<i>ёш-кур</i> ‘рука-нога’ [Успенская 2002: 182]	<i>jásiņ-kuriņ</i> ‘рука.LAT-нога.LAT’ [Munkácsi 1986: 178]
‘кормить-поить’, ‘содержать’	<i>вердны-юктавны</i> ‘кормить-поить’	<i>стюдыны-люктыны</i> ‘кормить-поить’	<i>пукиаши-йӱкташи</i> ‘кормить-поить’; <i>йӱкташи-пукиаши</i> ‘поить-кормить’		<i>симдемс-андомс</i> ‘накормить-напоить’ [Агафонова и др. 2001: 135]		<i>T tájtelil-ājtelil</i> ‘накормить. PAST.3SG-напоить.PAST.3SG’
‘ливер, потроха’	<i>ты-мус</i> ‘легкое-печень’	<i>тымус</i> ‘легкое. печень’	<i>шӱм-моки</i> ‘сердце-печень’		<i>седейть-максот</i> ‘сердце.PL-печень.PL’		
‘лицо’	<i>ныр-вом</i> ‘нос-рот’	<i>ымныр</i> (ым ‘рот’, <i>ныр</i> ‘нос’)			<i>сельмечама</i> (из <i>сельме</i> и <i>чама</i> ; ‘глаз-лицо’) [Агафонова и др. 2001: 133]	<i>ńot-sēm</i> ‘нос-глаз’ [Bátori 1969: 12]	<i>ńal-sam</i> ‘нос-глаз’ [Bátori 1969: 12]

¹⁷ В казымском диалекте слово *ат* означает ‘ночь’, *хатл* — ‘день’, при этом в парном слове ‘сутки’ первый компонент выступает в форме *атл* [Молданова и др. 1983: 16, 117], в графике [Молданова и др. 1983] — *атл-хатл*, возможно, подвергаясь фонетическому искажению под влиянием второго компонента.

значение	к.-з.	удм.	л.-мар.	мокш.	эрз.	хант. Kaz	манс.
‘лук и стрелы’						<i>йохал'л'ал'-нёл'л'ал'</i> ‘лук. PL.PX3SG-стрелы. PL.PX3SG’ (-л'ал — PL.PX3SG) [Кошкарева 1991: 8]	<i>jäutël-hälël</i> ‘лук.ABL-стрелы.ABL’ (-el — ABL) [Munkácsi 1986: 193]
‘молодежь’	<i>нив-зон</i> ‘девушка-парень’		<i>юдыр-эрге</i> <i>юдыр-рвезе</i> <i>юдыр-каче</i> ‘девушка-парень’; <i>рвезе-юдыр</i> ‘парень-девушка’	<i>стирьхть-цёрат</i> ‘девушка.PL-парень.PL’	<i>тейтерть-цёрат</i> ‘девушка.PL-парень.PL’		
‘молочные продукты’	<i>йöv-вьй</i> ‘молоко-масло’	<i>йöл-вöй</i> ‘молоко-масло’	<i>шöр-торык</i> ‘молоко-творог’; <i>шүжор-торык</i> ‘молоко-творог’		<i>ойть-велькст</i> ‘масло.PL-сливки.PL’		
‘мошкара’	<i>ном-геб</i> ‘комар-мошка’	<i>нымы-кут</i> ‘комар / мошка-муха’			<i>сеськть-парвот</i> ‘комар.PL-муха.PL’		
‘нож и топор’ (как инструменты и как оружие)	<i>чер-пурт</i> ‘топор-нож’	<i>тйр-пурт</i> ‘топор и нож’; <i>пурт-тйр</i> ‘ножи и топоры’	<i>күзö-товар</i> ‘нож-топор’				
‘одевать и обувать; одевать; наряжать’	<i>пасьтöдны-кöмöдны</i> ‘одевать-обувать’; <i>кöмöдны-пасьтöдны</i> ‘обувать-одевать’	<i>дйсяны-кутчаны</i> ‘одевать-обувать’			<i>оршамс-карсемс</i> ‘одеть-обуть’ [Агафонова и др. 2001: 104]		
‘одежда и обувь’	<i>кöм-пась</i> <i>кöм-паськöм</i> <i>кöмкот-паськöм</i> ‘обувь-одежда’; <i>кöмкот-платтьö</i> ‘обувь-одежда’	<i>дйськут</i> (<i>дйсь</i> ‘одежда’, <i>кут</i> ‘лапоть’)			производные от глаголов <i>оршавкст-карсевкст</i> , <i>оршамот-карсемат</i>		
‘органы чувств (глаза и уши), ‘зрение и слух’	<i>син-пель</i> ‘глаза-уши’	<i>синпель</i> ‘глаза.уши’ > ‘память; свидетель’ (только переносные значения)	<i>шинча-пылыш</i> ‘глаза-уши’				

значение	к.-з.	удм.	л.-мар.	мокш.	эрз.	хант. Kaz	манс.
‘осадки’	<i>лым-зэр</i> ‘снег-дождь’		<i>лум-йур</i> ‘снег-дождь’				
‘пахать и сеять’	<i>гөрны-көдзны</i> ‘пахать-сеять’	<i>гырыны-кизьыны</i> ‘пахать-сеять’			<i>сокамс-видемс</i> ‘пахать-сеять’ [Агафонова и др. 2001: 138]		
‘петь и плясать’	<i>сьывны-йөктыны</i> ‘петь-плясать’		<i>мураш-кушташ</i> ‘петь-плясать’		<i>киштемс-морамс</i> ‘плясать-петь’ [Агафонова и др. 2001: 68]		
‘постель’	<i>вольпась</i> ¹⁸ - <i>юрлөс</i> ‘постель-подушка’			<i>тодуфт-вастт</i> ‘подушка.PL-постель.PL’	<i>прялкт-алкт</i> ‘подушка.PL-постель.PL’; <i>алкт-прялкт</i> ‘постель.PL-подушка.PL’; <i>таркат-вельтямот</i> ‘постель.PL-покрывало.PL’; <i>ацамот-велькт</i> ‘покрывало.PL-покрывало.PL’; <i>велькт-алкт</i> ‘покрывало.PL-постель.PL’ [Агафонова и др. 2001: 122, 17, 147, 19, 32]		
‘посуда’	<i>тасьті-пань</i> ‘чашка / миска-ложка’; <i>чашка-пань</i> ‘чашка-ложка’	<i>тусьты-пуньы</i> ‘чашка / миска-ложка’; диал. <i>пиньы-табезь</i> ‘ложка-чашка / тарелка’	<i>кұмыж-совла</i> ‘блюдо-ложка’	<i>куцюфт-шаванят</i> ‘ложка.PL-блюдо.DIM.PL’ (-ня- — DIM)	<i>пенчт-шават,</i> <i>пенчт-вакант</i> ‘ложка.PL-чашка.PL’	<i>ан-сэн</i> ‘чашка-чуман’ ¹⁹ [Молданов 2001: 227]	
‘предки’		‘предок’ (SG): <i>атай-бабай</i> ‘отец-дед’	<i>ача-коча</i> ‘отец-дед’				
‘принадлежности для обувания лаптей’		<i>йуглэс-кут</i> ‘носки-лапти’	<i>ышитыр-йыдал</i> ‘лапти-онучи’		<i>карть-пракстат</i> ‘лапоть.PL-портынка.PL’ [Агафонова и др. 2001: 51]		
‘продавать-покупать; вести торговлю’	<i>вусасьны-ньобасьны</i> ‘продавать-покупать’		<i>налаш-ужалаш</i> ‘покупать-продавать’; <i>ужалаш-налаш</i> ‘продавать-покупать’		<i>рамамс-миемс</i> ‘купить-продать’ [Агафонова и др. 2001: 125]		

¹⁸ Первый компонент, видимо, представляет собой сложное или парное слово или бинарное синонимическое образование: к.-з. *воль* ‘шкура’, *пась* ‘шуба’.

¹⁹ Берестяной кузов, а также берестяной черпак для воды.

значение	к.-з.	удм.	л.-мар.	мокш.	эрз.	хант. Kaz	манс.
‘родители’	<i>бать-мам</i> ‘отец-мать’; <i>мам-бать</i> ‘мать-отец’; <i>ай-мам</i> ‘отец-мать’	<i>айы-мумы</i> ‘отец-мать’, <i>мумы-айы; бубы-мумы</i> ‘отец-мать’, <i>мумы-бубы; атай-анай</i> ‘отец-мать’, <i>анай-атай; бубы-нэнэ</i> ‘отец-мать’	<i>ача-ава</i> ‘отец-мать’; <i>ава-ача</i> ‘мать-отец’	<i>ават-алят</i> ‘мать.PL- отец.PL’; <i>алят-ават,</i> <i>атят-ават</i> ‘отец.PL-мать.PL’	<i>тетят-ават</i> ‘отец.PL-мать.PL’	<i>аци-аңки</i> ‘отец-мать’; <i>аңки-аци</i> ‘мать-отец’ [Успенская 2002: 74, 86]	<i>s'ān'as' < s'ān'</i> ‘мать’, <i>ās'</i> ‘отец’ [Ромбандеева 1975: 167]
‘рубашка и штаны’	<i>дөрәм-гач</i> ‘ру- башка-штаны’	<i>дэрем-штань</i> ‘рубашка-штаны’	<i>тувыр-йёлаш</i> ‘рубашка-штаны’	<i>панархт-понкст</i> ‘рубашка.PL- штаны.PL’	<i>понкст-панарт</i> ‘штаны.PL- рубашка.PL’		
‘самец и самка’		<i>айыё-мумыё</i> ‘са- мец.COR-самка.COR’	<i>узак-авак</i> ‘самец.EMPH- самка.EMPH’				
‘сваты (родители супругов)’	<i>сват-сваття</i> ‘сват-сватя’		<i>тулар-тулаче</i> ‘сват-сватя’				
‘свекры’	<i>энька-айка</i> ‘свекровь.COR- свекор.COR’			<i>атявость-авость</i> ‘свекор.PL- свекровь.PL’			
‘сельско-хозяйственный инвентарь’	<i>агас-гөр</i> ‘борона-соха’; <i>гөр-агас</i> ‘соха-борона’				<i>сохат-изат</i> ‘соха.PL-борона.PL’		
‘сестры’	(нет одиночных лексем со значением ‘старшая. сестра’ и ‘младшая. сестра’)		<i>ака-шўжар</i> ‘старшая. сестра- младшая. сестра’; <i>акак-шўжарак</i> ‘стар- шая. сестра. EMPH- младшая. сестра. EMPH’	<i>акат-сазорхт</i> ‘старшая. сестра.PL- младшая. сестра.PL’	<i>патыт-сазорт</i> ‘старшая. сестра.PL- младшая. сестра.PL’		
‘сестра с младшим братом’		<i>вын-апайёс</i> ‘брат / младший. брат- старшая сестра.PL’		<i>акат-дугатт,</i> <i>акат-пяльнет</i> ‘старшая. сестра.PL- младший. брат.PL’	<i>патыт-ялакст</i> ‘старшая. сестра.PL- младший. брат.PL’ [Агафонова и др. 2001: 108]		

значение	к.-з.	удм.	л.-мар.	мокш.	эрз.	хант. Kaz	манс.
‘стряпать (печь и варить)’	<i>пуны-пӧжавны</i> ‘варить-печь’	<i>пыжыны-пӧзьыны</i> ‘жарить / печь-варить’		<i>пидемс-панемс</i> ‘варить-печь’ [Потапкин и др. 1951: 574]	<i>пидемс-панемс</i> ‘варить-печь’ [Агафонова и др. 2001]		
‘субпродукты (для студня); сбой (голова и ноги за- колотого скота)’	<i>юр-кок</i> ‘голова-ноги’	<i>йыр-пыд</i> ‘голова-ноги’	<i>вуй-йол</i> ‘голова-ноги’		<i>прат-серькат</i> ‘голова.PL-нога.PL’		
‘супруги’		<i>кышноӧ-пиосмурто</i> ‘жена.COR-муж.COR’	<i>вате-марий</i> ‘жена-муж’	<i>миртт-рват</i> ‘муж.PL- жена.PL’; <i>алят-ават</i> ‘муж / мужчи- на.PL- женщина.PL’	<i>атят-бабат</i> ‘муж.PL-жена.PL’	<i>ими-ики</i> ‘жена-муж’ [Успенская 2002: 76]	<i>ӧкwaу-ӧjkaу</i> ‘жена.DU- муж.DU’
‘сын с невест- кой’	<i>пи-монь</i> ‘сын-невестка’		<i>эрге-шешке</i> ‘сын-невестка’				
‘утро и вечер’, ‘по утрам и вечерам’	<i>рыт-асыв</i> ‘вечер-утро’	<i>жсыт-ӧук</i> ‘вечер-утро’	<i>эр-кас</i> ‘утро-вечер’				
‘хлеб-соль; еда; угощение’	<i>нянь-сов</i> ‘хлеб-соль’		<i>кинде-шинчал</i> ‘хлеб-соль’	<i>киш-сал</i> ‘хлеб-соль’ [Потапкин, Имя- реков 1949: 130]	<i>киш-сал</i> ‘хлеб-соль’; <i>киить-салт</i> ‘хлеб.PL-соль.PL’		
‘читать и писать’		<i>лыдӧзыны-гожъяны</i> ‘читать-писать’	<i>лудаи-возаи</i> ‘читать-писать’				

В настоящей работе не делается выводов об этимологии парных слов. Помимо обычных трудностей, встречающихся при этимологизации, установление истории парного слова наталкивается на уже упоминавшуюся проблему: однотипные парные слова суммирующего характера, обозначающие совокупность из двух предметов или двух типов объектов (как к.-з. *ныв-ни*; удм. *нылли* ‘ребенок’, ‘дети’), жестко детерминированы с точки зрения их лексического наполнения — такие образования в основном могут различаться порядком следования компонентов (‘сын-дочь’ — ‘дочь-сын’, ‘мать-отец’ — ‘отец-мать’). В близкородственных языках, имеющих большой общий лексический фонд, вполне вероятно независимое возникновение (уже после распада праязыка) некоторого количества парных слов данного типа, состоящих в каждом языке из лексем, восходящих к одним и тем же лексемам праязыка, — т. е. в этой области существует повышенная вероятность случайного совпадения двух парных слов.

Более надежным оказывается сопоставление тех однотипных парных слов со сходным звучанием, структура которых не задана языку столь жестко: типа манс. *ńal-sam* (букв. ‘нос-глаз’), хант. *ńot-sět* (букв. ‘нос-глаз’). Парное слово со значением ‘лицо’ может иметь и другую структуру: к.-з. *ныр-вом* (букв. ‘нос-рот’), удм. *ымныр* (*ым* ‘рот’, *ныр* ‘нос’), мар. *шўргывылыш* (букв. ‘щека-ухо’; из *шўрго* ‘щека’ и *пылыш* ‘ухо’). Таким образом, только в исследуемых языках представлены три возможные структуры парного слова со значением ‘лицо’: ‘нос-глаз’, ‘рот-нос’, ‘щека-ухо’. Вполне возможно, что типологически набор таких структурных возможностей еще шире. То, что в близкородственных языках представлена одна конкретная структура парного слова из довольно обширного инвентаря, снижает вероятность случайного совпадения парных слов. Кроме того, в хантыйском и мансийском языках в рассматриваемых парных словах соблюдается и одинаковый порядок следования компонентов, что позволяет сделать обоснованное предположение о происхождении этих парных слов из единого праязыкового источника (по мнению П. Хайду, обско-угорский праязык распался на прахантыйский и прамансийский в первых веках н. э. [Хайду 1985: 36]).

Еще более интересными в этом плане представляются синонимические парные образования, поскольку вероятность их простого совпадения в родственных языках крайне мала (если только процесс образования синонимических парных слов не является в этих языках сверхпродуктивным). Во-первых, возникновение парного слова синонимического характера гораздо меньше детерминировано устройством ситуации или объекта, которые названы этим словом, чем возникновение суммирующего парного слова, иконически называющего естественную совокупность, состоящую из двух элементов. Во-вторых, при независимом образовании синонимических парных слов в каждом языке из множества синонимов отбираются какие-то два, и вероятность того, что в двух родственных языках независимо образуются одинаковые синонимические парные слова, ничтожно мала.

В этимологическом словаре [Лыткин, Гуляев 1970] к.-з. *мывкыд* ‘ум, разум, рассудок; толк; благоразумие’ сопоставляется с удм. *мылкыд* ‘настроение, самочувствие, желание, усердие’ и возводится к общепермскому сложному слову **mül-küd*, где вторая часть означает ‘сознание, рассудок’, а первая сравнивается с различными словами в родственных языках со значениями ‘желание’, ‘стремление’, ‘смысл’, ‘значение’, ‘душа’, ‘мысль’ и т. д. (ср. также к.-п. *мывкыд* ‘ум; характер’ [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985]). Пожалуй, именно это синонимическое парное слово, частично деэтимологизированное в современных языках, является наиболее сильным косвенным аргументом в пользу древности словосложения (по крайней мере, в пермских языках).

Среди синонимических образований интересен парный глагол со структурой ‘жить-быть’ в пермских языках. В к.-з. *овны-вывны* ‘жить-поживать’ (используется в сказочных зачинах) компонент *овны* означает ‘жить’, а компонент **вывны* не употребляется в современном коми-зырянском языке; однако корень *выв-* / *выл-* встречается в пермских языках в составе различных образований с общим бытийным значением, например, к.-з. *вылѳм* ‘бытие’. Этимологический коми словарь возводит корень *выв-* / *выл-* к ОП **vül-* ‘быть’ [Лыткин, Гуляев 1970: 71]. Данный парный глагол засвидетельствован в указанном значении в описаниях диалектов коми-зырянского языка: л. Об., нв., скр., уд. *овны-вывны*, вс., лл., сс. *олны-вылны*, вым., иж. *ооны-выыны* [Сорвачева 1977; Жилина, Бараксанов 1971; Сорвачева, Безносилова 1990; Жилина 1975; Жилина 1985; Колегова, Бараксанов 1980; Жилина 1998; Сахарова, Сельков 1976].

Кроме того, этот парный глагол повсеместно зафиксирован в коми-зырянском в форме 2SG настоящего-будущего времени *олан-вылан* ‘здравствуй’. Для коми-пермяцкого языка зарегистрирована форма *олис-вѳлис* ‘жил-был’ [Кузнецов, Спорова 1946]. Существует и удмуртская параллель — *улыны-вылыны*; удмуртский глагол *вылыны* употребляется только в составе данного парного слова и в сочетании *улом али вылом али* разг. ‘будем жить да поживать’ (-ом — показатель FUT1PL) [Вахрушев 1983]. Видимо, данный парный глагол можно пытаться возводить к прапермскому парному.

Однако для эрзянского языка зафиксирован аналогичный парный глагол, но с другими основами: *эрямс-аштемс* ‘жить-поживать’ (используется в сказочных зачинах), причем форма 2SG настояще-

будущего времени приведена еще в словаре Дамаскина (1785 г.) в виде *эрът-таштат* ‘здравствуй’; лишнее *m-* в начале второго компонента, видимо, свидетельствует как раз о слитном произнесении слова, т. е. о его парном характере.

Наличие этого синонимического парного слова, с такой же идиоматизацией значения в форме 2-го лица, как и в пермских языках, конечно, несколько расшатывает гипотезу об общем происхождении парных глаголов со структурой ‘жить-быть’ в пермских языках: раз парное слово с такой же структурой образовалось в мордовском языке независимо, нельзя исключить регулярное образование таких парных слов, которое может представлять собой ареальное явление или же действует в различных языках в этой семантической зоне. Вопрос о распространении синонимических парных слов с различной семантикой следует признать неизученным.

Выводы

Говоря о древности парного словообразования в финно-угорских языках, исследователи выдвигают гипотезы и доводы, имеющие разную доказательную силу:

— идею о влиянии матриархата на порядок следования компонентов в составе парных слов, обозначающих людей разных полов;

— теорию о влиянии финно-угорского субстрата на распространение парного словообразования в русском языке;

— сравнение парных слов с однотипной структурой и несхожим или схожим звучанием с целью возвести их к одному (праязыковому) источнику;

— примеры парных слов с затемненной внутренней формой.

Наиболее убедительным из всех перечисленных аргументов представляется сравнение парных слов с однотипной структурой и схожим звучанием. При этом более надежным представляется сравнение таких парных слов, внутренняя форма которых не детерминирована жестко структурой называемого объекта или ситуации (например, значение ‘родители’ может передаваться только парными словами со структурой ‘мать-отец’ или ‘отец-мать’¹, поскольку имеется естественная совокупность, состоящая ровно из двух объектов, — налицо жесткая детерминированность структуры парного слова).

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» [Лыткин, Гуляев 1970] есть пример возведения парных слов с однотипной структурой и сходным звучанием к одному (праязыковому) источнику: к.-з. *мывкыд* и удм. *мылкыд* к ОП сложному слову **mil-kid*. И хотя авторы словаря не настаивают на древности парных слов, как раз эту этимологию можно считать относительно сильным аргументом в пользу того, что парное словообразование было известно пермским диалектам к IX в. — времени распада пермского праязыка на общекоми и древнеудмуртский.

Но, конечно, самым наглядным доказательством существования парных слов в определенную эпоху является их фиксация в текстах соответствующего времени. Самой древней обнаруженной фиксацией парных слов в тексте на коми языке являются названия двух месяцев *лосца номья* ‘июнь’ и *ода-кора* ‘май’ в «Уставе церковном, написанном в 1608 году». Если следовать за предположением В. И. Лыткина о том, что, возможно, «названия месяцев восходят к стефановскому времени», то можно думать, что парное словообразование было свойственно коми языку в XIV в.

Сокращения

Языки и диалекты

венг. — венгерский	нв. — нижневычегодский диалект	N — северномансийский диалект
герм. — германские	скр. — присыктывкарский диалект	P — пельмский диалект
кам. — камасинский	сс. — среднесысольский диалект	So — сосьвинский диалект
к.-з. — коми-зырянский	уд. — удорский диалект	T — тавдинские диалекты
вс. — верхнесысольский диалект	к.-п. — коми-пермяцкий	мар. — марийские
иж. — ижемский диалект	к.-яз. — коми-язьвинский	волж. — волжское наречие
л. — лузский диалект	курд. — курдский	г.-мар. — горномарийский
Об. — говор с. Объячево	манс. — мансийский	л.-мар. — луговой марийский
лл. — лузско-летский диалект	K — кондинские диалекты	мат. — маторский
	LM — среднелозьвинский диалект	монг. — монгольский

¹ Если не брать описательные причастные образования со структурой наподобие ‘родивший-вырастивший’.

морд. — мордовские	перс. — персидский	фин. — финский
мокш. — мокшанский	ПС — прасамодийский	хант. — хантыйский
эрз. — эрзянский	ПУ — прауральский	Kaz — казымский диалект
Е:Kal — говор д. Коляево Теньгушевского р-на Республики Мордовия	тадж. — таджикский	Tj — тромьеганский диалект
ОП — общепермский язык-основа (праязык)	удм. — удмуртский	эст. — эстонский
	бес. — бесермянский диалект	
	Ш. — говор с. Шамардан	

Общие

букв. — буквально	ILL — иллатив
детск. — детское	FUT — будущее время
диал. — диалектное	GEN — генитив, родительный падеж
ПМА — полевые материалы автора, полученные в ходе работы с бесермянами в с. Шамардан Глазовского р-на респ. Удмуртия в 2003 г.	INF — инфинитив
разг. — разговорное	INSTR — инструменталис, творительный падеж
собир. — собирательное	LAT — латив, направительный падеж
совр. — современное	n. — существительное
ABL — аблатив, исходный падеж	NEG PART — отрицательное причастие
ACC — аккузатив, винительный падеж	PART — причастие
ADJ — показатель прилагательного	PL — множественное число
adv. — наречие	PX1SG — посессивный аффикс, лично-притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа обладателя
COR — соотносительный суффикс, оформляющий компоненты парных существительных	PX3SG — посессивный аффикс, лично-притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа обладателя
DIM — диминутив, показатель уменьшительности	SG — единственное число
DU — двойственное число	1PAST — первое прошедшее время
EMPH — эмфаза	1 — первое лицо
	2 — второе лицо
	3 — третье лицо

Литература

- Агафонова и др. 2001 — Вейсэ, башка, тешкс вельде / Ред. Агафонова Н. А., Имайкина М. Д., Мосин М. В., Цыганкин Д. В., Цыпкайкина В. П., Гаврилова Т. Г. Саранск, 2001. {Agafonova i dr. 2001 — Vejse, baška, tešks vel'de / Red. Agafonova N. A., Imajkina M. D., Mosin M. V., Cygankin D. V., Cypkajkina V. P., Gavriloval T. G. Saransk, 2001.}
- Алатырев 1947 — Алатырев В. И. Парные сложные слова // Уч. зап. Карело-финского ГУ. Т. 1. Петрозаводск, 1947. С. 55—87. {Alatyrev 1947 — Alatyrev V. I. Parnye složnye slova // Uč. zap. Karelo-finskogo GU. T. 1. Petrozavodsk, 1947. S. 55—87.}
- Алямкин и др. 1998 — Алямкин Н. С., Бабушкина Р. В., Имярекова В. М. и др. Мокшанско-русский словарь / Ред. Серебренников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. М., 1998. {Al'amkin i dr. 1998 — Al'amkin N. S., Babuškina R. V., Im'arekova V. M. i dr. Mokšansko-russkij slovar' / Red. Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Pol'akov O. E. M., 1998.}
- Андуганов 1985 — Андуганов Ю. В. Мут але мут сочетаний? Йошкар-Ола, 1985. {Anduganov 1985 — Anduganov Ju. V. Mut ale mut sočetańij? Joškar-Ola, 1985.}
- Баталова, Кривошекова-Гантман 1985 — Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. {Batalova, Krivoščekova-Gantman 1985 — Batalova R. M., Krivoščekova-Gantman A. S. Komi-perm'acko-russkij slovar'. M., 1985.}
- Безносикова и др. 2000 — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукör (Коми-русский словарь) / Отв. ред. Безносикова Л. М. Сыктывкар, 2000. {Beznosikova i dr. 2000 — Beznosikova L. M., Ajbabina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-roč kувчукör (Komi-russkij slovar') / Otv. red. Beznosikova L. M. Syktyvkar, 2000.}
- Бузакова и др. 1993 — Бузакова Р. Н., Ширманкина Р. С., Лисина Е. Н. и др. Эрзянско-русский словарь / Ред. Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. М., 1993. {Buzakova i dr. 1993 — Buzakova R. N., Širmankina R. S., Lisina E. N. i dr. Erz'ansko-russkij slovar' / Red. Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosin M. V. M., 1993.}
- Вахрушев 1983 — Удмуртско-русский словарь / Ред. Вахрушев М. Н. М., 1983. {Vaxrušev 1983 — Udmurtsko-russkij slovar' / Red. Vaxrušev M. N. M., 1983.}
- Галкин 1964 — Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1. Морфология. Йошкар-Ола, 1964. {Galkin 1964 — Galkin I. S. Istoričeskaja grammatika marijskogo jazyka. Č. 1. Morfologija. Joškar-Ola, 1964.}

Галкин 1990—2005 — Словарь марийского языка. Т. 1—10 / Ред. Галкин И. С. Йошкар-Ола, 1990—2005. {Galkin 1990—2005 — Slovar' marijskogo jazyka. T. 1—10 / Red. Galkin I. S. Joškar-Ola, 1990—2005.}

Галкин 1999 — Галкин И. С. Об одном из принципов определения последовательности проникновения иноязычных слов и форм // Финно-угроведение. 1999, 2—3. С. 166—168. {Galkin 1999 — Galkin I. S. Ob odnom iz principov opredelenija posledovatel'nosti proniknovenija inojazyčnyx slov i form // Finno-ugrovedenie. 1999, 2—3. S. 166—168.}

Жилина 1975 — Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975. {Žilina 1975 — Žilina T. I. Verxnesysol'skij dialekt komi jazyka. M., 1975.}

Жилина 1985 — Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985. {Žilina 1985 — Žilina T. I. Luzsko-lets'kij dialekt komi jazyka. M., 1985.}

Жилина 1998 — Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998. {Žilina 1998 — Žilina T. I. Vym'skij dialekt komi jazyka. Syktyvkar, 1998.}

Жилина, Бараксанов 1971 — Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971. {Žilina, Baraksanov 1971 — Žilina T. I., Baraksanov G. G. Prisyktyvkarskij dialekt i komi literaturnyj jazyk. M., 1971.}

Келин 1967 — Келин М. А. Сложные слова в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Саранск, 1967. {Kelin 1967 — Kelin M. A. Složnye slova v mordovskix (mokšanskom i erz'anskom) jazykax. Saransk, 1967.}

Колегова, Бараксанов 1980 — Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980. {Kolegova, Baraksanov 1980 — Kolegova N. A., Baraksanov G. G. Srednesysol'skij dialekt komi jazyka. M., 1980.}

Кошкарева 1991 — Кошкарева Н. Б. Конструкции с инфинитивными формами глагола в хантыйском языке. Новосибирск, 1991. {Koškareva 1991 — Koškareva N. B. Konstrukcii s infinitivnymi formami glagola v xantyjskom jazyke. Novosibirsk, 1991.}

Кошкарева, Соловар 2004 — Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Хӱнты ясаӱн путӱртлӱв. (Поговорим по-хантыйски: Учебник.) Новосибирск, 2004. {Koškareva, Solovar 2004 — Koškareva N. B., Solovar V. N. Xӱnty jasӱn putӱrtlӱv. (Pogovorim po-xantyjski: Učebnik.) Novosibirsk, 2004.}

Кузнецов, Спорова 1946 — Кузнецов П. С., Спорова А. М. Русско-коми-пермяцкой словарь. Кудымкар, 1946. {Kuznesov, Spogova 1946 — Kuznesov P. S., Spogova A. M. Russko-komi-perm'ackoj slovar'. Kudymkar, 1946.}

Кузнецова 1958 — Кузнецова З. И. Обзор памятников коми письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 213—240. {Kuznesova 1958 — Kuznesova Z. I. Obzor pam'atnikov komi pis'mennosti XVIII v. // Istoriko-filologičeskij sbornik Komi filiala AN SSSR. Vyp. 4. Syktyvkar, 1958. S. 213—240.}

Кузнецова 1967 — Кузнецова З. И. Язык письменных коми памятников XVIII в. Йошкар-Ола, 1967. {Kuznesova 1967 — Kuznesova Z. I. Jazyk pis'mennyx komi pam'atnikov XVIII v. Joškar-Ola, 1967.}

Лыткин 1948 — Лыткин В. И. Происхождение древнепермской азбуки // Советское финно-угроведение. Вып. 2. Л., 1948. (Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук.) С. 233—239. {Lytkin 1948 — Lytkin V. I. Proisxoždenie drevnepermskoj azbuki // Sovetskoe finno-ugrovedenie. Vyp. 2. L., 1948. (Uč. zap. LGU. Serija vostokovedčeskix nauk.) S. 233—239.}

Лыткин 1952 — Лыткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952. {Lytkin 1952 — Lytkin V. I. Drevnepermskij jazyk. M., 1952.}

Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {Lytkin, Gul'aev 1970 — Lytkin V. I., Gul'aev E. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka. M., 1970.}

Лыткин 1889 — Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889. {Lytkin 1889 — Lytkin G. S. Zyr'anskij kraj pri episkopax perm'skix i zyr'anskij jazyk". SPb., 1889.}

Майтинская 1968 — Майтинская К. Е. К вопросу о категории двойственного числа в уральских языках // Советское финно-угроведение. Вып. 4. 1968, 3. С. 153—163. {Majtinskaja 1968 — Majtinskaja K. E. K voprosu o kategorii dvojtvennogo čisla v ural'skix jazykax // Sovetskoe finno-ugrovedenie. Vyp. 4. 1968, 3. S. 153—163.}

Майтинская 1974 — Майтинская К. Е. Сложные слова (или соответствующие им сочетания слов) // Основы финно-угорских языков: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 392—396. {Majtinskaja 1974 — Majtinskaja K. E. Složnye slova (ili sootvetstvjuščie im sočetanija slov) // Osnovy finno-ugorskix jazykov: Voprosy proisxoždenija i razvitija finno-ugorskix jazykov. M., 1974. S. 392—396.}

Миллер 1791 — Миллер Г. Ф. Словарь на Татарскомъ, Черемисскомъ, Чувашскомъ, Вотяцкомъ, Мордовскомъ, Пермскомъ и Зырянскомъ языкахъ, съ Россійскимъ переводомъ // Описание живущихъ въ Казанской губернии языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ... С.-Петербургъ, 1791. {Miller 1791 — Miller G. F. Slovar' na Tatarskom", Čeremisskom", Čuvašskom", Vot'ackom", Mordovskom", Permskom" i Zyr'anskom" jazykax", s" Rossijskim" perevodom" // Opisanie živuščix" v" Kazanskoj gubernii jazyčeskix" narodov", jako to čeremis", čuvaš" i vot'akov"... S.-Peterburg", 1791.}

Молданова и др. 1983 — Молданова С. П., Немысова Е. А., Ремезанова В. Н. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (на языке казымских ханты). Л., 1983. {Moldanova i dr. 1983 — Moldanova S. P., Nemysova E. A., Remezanova V. N. Slovar' xantyjsko-russkij i russko-xantyjskij (na jazyke kazym'skix xanty). L., 1983.}

ПК 1855 — *П. К-в.* Старинные русские и пермские названия месяцев // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855, № 50. С. 411—414.

Потапкин, Имяреков 1949 — Мокшанско-русский словарь / Сост. *Потапкин С. Г., Имяреков А. К.* Ред. *Бубрих Д. В.* М., 1949. {Potapkin, Im'arekov 1949 — Mokšansko-russkij slovar' / Sost. Potapkin S. G., Im'arekov A. K. Red. Bubrix D. V. M., 1949.}

Потапкин, Имяреков 1951 — Русско-мокшанский словарь / Сост. *Потапкин С. Г., Имяреков А. К.* Ред. *Меркушкин Г. Я. М., 1951.* {Potapkin, Im'arekov 1951 — Russko-mokšanskij slovar' / Sost. Potapkin S. G., Im'arekov A. K. Red. Merkuškin G. Ja. M., 1951.}

Редеи 2005 — *Редеи К.* Сочинительные и подчинительные союзы коми языка // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005. С. 228—234. {Redei 2005 — Redei K. Sočinitel'nye i podčinitel'nye sojuzy komi jazyka // Istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija jazykov i kul'tur finno-ugorskix narodov. Syktyvkar, 2005. S. 228—234.}

Рогов 1869 — Пермско-русский и русско-пермский словарь, составленный Николаем Роговым. С.-Петербург, 1869. {Rogov 1869 — Perm'sko-russkij i russko-perm'skij slovar', sostavlenyj Nikolaem Rogovym". S.-Peterburg", 1869.}

Рожанский 2000 — *Рожанский Ф. И.* Редупликация в языках Западной Африки // Основы африканского языкознания: Морфемика. Морфонология / Ред. *Виноградов В. А. М., 2000.* С. 344—412. {Rožanskij 2000 — Rožanskij F. I. Reduplikacija v jazykax Zapadnoj Afriki // Osnovy afrikanskogo jazykoznanija: Morfemika. Morfonologija / Red. Vиноградов V. A. M., 2000. S. 344—412.}

Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. М., 1973. {Rombandeeva 1973 — Rombandeeva E. I. Mansijskij (vogul'skij) jazyk. M., 1973.}

Ромбандеева 1975 — *Ромбандеева Е. И.* Сложные слова в мансийском языке // Вопросы финно-угроведения. Вып. 6. Саранск, 1975. С. 166—171. {Rombandeeva 1975 — Rombandeeva E. I. Složnye slova v mansijskom jazyke // Voprosy finno-ugrovedenija. Vyp. 6. Saransk, 1975. S. 166—171.}

Савваитов 1850 — Зырянско-русский и русско-зырянский словарь, составленный Павлом Савваитовым. С.-Петербург, 1850. {Savvaitov 1850 — Zyr'ansko-russkij i russko-zyr'anskij slovar', sostavlenyj Pavlom Savvaitovym". S.-Peterburg", 1850.}

Сахарова, Сельков 1976 — *Сахарова М. Л., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. {Saxarova, Sel'kov 1976 — Saxarova M. L., Sel'kov N. N. Ižemskij dialekt komi jazyka. Syktyvkar, 1976.}

Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963. {Serebrennikov 1963 — Serebrennikov B. A. Istoričeskaja morfologija perm'skix jazykov. M., 1963.}

Сидоров 1962 — *Сидоров А. С.* Новые памятники древнекоми письменности // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 1. Л., 1962. С. 178—211. {Sidorov 1962 — Sidorov A. S. Novye pam'atniki drevnekomii pis'mennosti // Voprosy finno-ugorskogo jazykoznanija. Vyp. 1. L., 1962. S. 178—211.}

Сидоров 1992 — *Сидоров А. С.* Парные словосочетания в коми языке как выражение языковой стадии и как грамматическая форма // Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 23—36. {Sidorov 1992 — Sidorov A. S. Parnye slovosocetanija v komi jazyke kak vyraženie jazykovoju stadii i kak grammatičeskaja forma // Izbrannye stat'ji po komi jazyku. Syktyvkar, 1992. S. 23—36.}

Сидоров, Лыткин 1966 — *Сидоров А. С., Лыткин В. И.* Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение. 1966, 2. С. 123—129. {Sidorov, Lytkin 1966 — Sidorov A. S., Lytkin V. I. Drevnekomii nazvanija mes'acev // Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1966, 2. S. 123—129.}

Сорвачева 1977 — *Сорвачева В. А.* Нижневыгодский диалект коми языка. М., 1977. {Sorvačeva 1977 — Sorvačeva V. A. Nižnevjučegodskij dialekt komi jazyka. M., 1977.}

Сорвачева, Безносикова 1990 — *Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990. {Sorvačeva, Beznosikova 1990 — Sorvačeva V. A., Beznosikova L. M. Udorskij dialekt komi jazyka. M., 1990.}

Тарабукин 1959 — *Тарабукин И. И.* Коми-русский фразеологический словарь / Ред. *Лыткин В. И.* Сыктывкар, 1959. {Tarabukin 1959 — Tarabukin I. I. Komi-russkij frazeologičeskij slovar' / Red. Lytkin V. I. Syktyvkar, 1959.}

Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII в. М., 1965. {Tepļašina 1965 — Tepļašina T. I. Pam'atniki udmurtskoju pis'mennosti XVIII v. M., 1965.}

Ткаченко 1981 — *Ткаченко О. Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков / Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Л., 1981. {Tkačenko 1981 — Tkačenko O. B. Sopostavitel'no-istoričeskaja frazeologija slav'anskix i finno-ugorskix jazykov / Avtoref. dis. na soiskanie učenoju stepeni kand. filol. nauk. L., 1981.}

Троицкий 1894 — *Троицкий В. П.* Черемисско-русский словарь. Казань, 1894. {Troickij 1894 — Troickij V. P. Čeremis'sko-russkij slovar'. Kazan', 1894.}

Туркин 1985 — Современный коми язык: Лексикология / Ред. *Туркин А. И. М., 1985.* С. 174—205. {Turkin 1985 — Sovremennij komi jazyk: Leksikologija / Red. Turkin A. I. M., 1985. S. 174—205.}

Успенская 2002 — Касум мув моньшат-путрат. Вып. 1. (Сказки-рассказы земли Казымской.) / Сост. Успенская С. С. Томск, 2002. {Uspenskaja 2002 — Kasum muv mon'ščat-putrat. Vyp. 1. (Skazki-rasskazy zemli Kazymskoj.) / Sost. Uspenskaja S. S. Tomsk, 2002.}

Феоктистов 1971 — Феоктистов А. П. Русско-мордовский словарь. М., 1971. {Feoktistov 1971 — Feoktistov A. P. Russko-mordovskij slovar'. M., 1971.}

Хайду 1985 — Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. {Xajdu 1985 — Xajdu P. Ural'skie jazyki i narody. M., 1985.}

Хакулинен 1955 — Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2. Лексикология и синтаксис. М., 1955. {Xakulinen 1955 — Hakulinen L. Razvitie i struktura finskogo jazyka. Č. 2. Leksikologija i sintaksis. M., 1955.}

Чураков 2003 — Чураков В. С. К критике воршудной теории // Финно-угроведение. 2003, 2. С. 3—18. {Čurakov 2003 — Čurakov V. S. K kritike voršudnoj teorii // Finno-ugrovedenie. 2003, 2. S. 3—18.}

Ahlqvist 1891 — Ahlqvist A. Wogulisches Wörterverzeichnis von August Ahlqvist // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, II. Mémoires de la société finno-ougrienne, II. Helsingissä, 1891.

Bátori 1969 — Bátori I. Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen (mit Berücksichtigung des Wotjakischen). Wiesbaden, 1969.

Castrén 1844 — Castrén M. A. Elementa grammatices syrjaenae. Helsingfors, 1844.

DEWOS — Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1992.

Donner 1944 — Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.

EWUng — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Hrsg. von Benkő L. Budapest, 1993.

Helinski 1997 — Helinski E. Die Matorische Sprache: Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.

Munkácsi 1986 — Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.

Paasonen 1990—1996 — Paasonen H. Mordvinisches Wörterbuch. Bd. 1—4. Helsinki, 1990—1996.

Steinitz 1963 — Steinitz W. Ein Ostjakisches Märchen in M. A. Castréns Handschriftlichem Nachlaß // Különlenyomat a Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker című kiadványból. Budapest, 1963. S. 115—119.

Wälchli 2003 — Wälchli B. Co-compounds and Natural Coordination. Stockholm, 2003.

Witsen 1692 — Witsen N. Noord en Oost Tartarye etc. Amsterdam, 1692.

РЕЗЮМЕ

В финно-угроведении бытует точка зрения о древности парного словообразования в финно-угорских языках. Прямое доказательство — фиксация парных слов в древних текстах — для исследуемых языков (волжско-пермских и обско-угорских) на настоящий момент отсутствует, главным образом из-за поздней письменности в большинстве исследуемых языков. Самая ранняя фиксация двух парных слов на коми найдена в «Уставе церковном, написанном в 1608 году». В статье рассматриваются косвенные доказательства, подтверждающие древность парного словосложения, и особое внимание уделяется этимологически парным образованиям к.-з. *мывкыд* и удм. *мылкыд*, которые в [Лыткин, Гуляев 1970] возводятся к общепермскому сложному слову **mül-küd*.

SUMMARY

Among finno-ugrists there is a difused opinion about the anciency of coordinational compounding (formation of double, or pair words) in the Finno-Ugric languages. The usage of double words in ancient texts could be strong evidence for this. But Komi written texts appear only from the 14th century, the written Udmurt, Mari, Mordvinian, Khanty and Mansi (languages which are analised in this article) texts appear much later. The earliest fixations of two Komi double words are found in "The Church Rule written in 1608". Indirect evidence for the anciency of coordinational compounding is also investigated in this article, and especially etymologically double words Komi *мывкыд* and Udmurt *мылкыд* which in [Lytkin, Gul'aeв 1970] are brought to Permian **mül-küd*.

Ключевые слова: парное словообразование, финно-угорские языки, коми язык, удмуртский язык, обско-угорские языки, пермские языки, волжские языки

Keywords: coordinational compounding, the Finno-Ugric languages, the Komi language, the Udmurt language, the Ob-Ugric languages, the Permian languages, the Volgaic languages

Новые этимологии для прибалтийско-финских слов *

Работая с этимологическими словарями финского языка, наиболее полными и авторитетными из которых являются [SKES] и его новая версия [SSA], можно заметить, что большое количество слов не имеет параллелей за пределами прибалтийско-финской группы, а для многих даются не вполне надежные контактные этимологии. Для большинства таких случаев до сих пор не предложено убедительных интерпретаций и в других работах.

Между тем, одним из перспективных путей закрытия этой лакуны оказывается дальнейшее привлечение прибалтийско-финского материала к уральскому сравнению. Ниже приводится несколько сближений, в рамках которых для изолированных прибалтийско-финских слов предлагаются самодийские и угорские параллели.

1. ПФ **kasvo-*: фин. *kasvo-t* ‘лицо’ (pl. t., но у Микаэля Агриколы, а также в современном метонимическом употреблении встречается ед. ч.); карел. *kasvo-t* ‘лицо’; фин. > саам. L *kasvō* ‘лицо’ [Вахрос, Щербаков 1991: 204; SSA, 1: 326].

Ср. ПС **kät*: ненец. Т *ся*” ‘лицо’, ненец. Л *seat* [Lehtisalo 1956: 425], *š'aʔ* [Попова 1978: 116] ‘лицо’; энец. В *се* ‘лицо; морда’ [Сорокина, Болина 2001: 116], В *se*, Ч *sē* ‘лицо’ [Castrén 1854]; сельк. *kāt* ‘передняя сторона; лоб’ [Alatalo 2004: 271], таз. *qāt, qot* ‘лоб’ [Прокофьев 1935], ел. *qōm* ‘лоб’ [Быконя 2005: 93]; кам. *kād-el* ‘лицо’ [Janhunen 1977: 65].

ПУ **kaswV* (**kaswo?*)

К соотношению ПФ **a* ~ ПС **ä* ср. ПФСаам **taka* ‘задняя часть’ ~ ПС **täka* ‘id.’. Исконное сочетание **-sw-* могло упроститься в ПС подобно ряду других кластеров: **-sw-* > **-t-* (ПС **-t* — регулярный рефлекс ПУ **-s*). Заметим, что другие случаи отражения ПУ **-sw-* в ПС пока не известны.

Вопреки [SSA, 1: 326] и [UEW: 129], интерпретация ПФ слова как производного от *kasva-* ‘расти’ семантически несостоятельна.

2. ПФ **turkki*: фин. *turkki* ‘шерсть, шуба’ [Вахрос, Щербаков 1991: 663]; карел. *turkki* ‘пальто на меху’; ижорск. (Куркола) *turkki* ‘короткая шуба с матерчатым покровом или без него’, (Сарове) ‘перья у кур’ [Nirvi 1971: 609]; водск. (Краколье, Маттия) *turkki* ‘шуба’ [СВЯ: 307] ~ сев.-саам. *dorka* [Sammallahti, Nickel 2006: 208] ‘шуба’, саам. I *turkka* [Itkonen: 330] ‘шуба, тулуп’ (видимо, саам. < фин.) [SSA, 3: 334].

Ср. ПС **tär*: ненец. Т *тәр*” ‘шерсть; мелкое перо птицы’ [Терещенко 1965: 638], ненец. Л *tar*^с ‘волосы; перо’ [Lehtisalo 1956: 462]; энец. В *то*, Ч *tō* ‘волосы’ [Castrén 1854]; нган. *tar* ‘волосы, перья’; сельк. об., кет., вас. *map* ‘шерсть; мех; перо’ [Быконя 2005: 231]; кам. *t'ər* ‘волос; перо; щетинка’ [Donner 1944: 71]; мат. *ter* ‘волосы на теле; волос животного, шерсть’, *terr* ‘волос(ы)’, *derь* ‘шерсть овечья’ [Helimski 1997: 356; Janhunen 1977: 149].

ПУ **tur-* или **turkV*.

Рефлексаия ПУ **u* > ПС **ä*, в свете имеющихся данных, квалифицируется как регулярная.

Для ПФ **turkki* возможна производность при исконном **tur-*: к наличию в ПФ суффикса *-kki* ср. *lemmikki* ‘любимец’ от *lempi* ‘любовь’. Заметим, что в слове *turkki*, как и в словах с синхронно вычленяемым суффиксом *-kki*, налицо не *e*-основа, а *i*-основа (т. е. отсутствие чередования *-i/-e* при склонении). Гипотезе о том, что *turkki* представляет собой производное на ПФ почве, как будто бы противоречит сев.-саам. *dor'kâ*, но это саамское слово, скорее всего, является ПФ заимствованием, как предполагается и в [SSA, 3: 334] (субституция фин. *-u-* > саам. *-o-* встречается даже в сравнительно поздних заимствованиях, а фин. *i*-основа может отражаться при заимствовании в саам. как *â*-основа).

С другой стороны, для этого уральского сравнения не исключена реконструкция ПУ **turkV*. Принимая ее, нужно считать, что геминация велярного в ПФ *turkki* вторична, а в ПС **tär* представлен результат регулярного упрощения кластера: **-rk-* > **-r-* (ср. ФУ **ñVrkV* ~ ПС **ñer* ‘хрящ’ [UEW: 317; Janhunen 1977: 108]; ПФ **kurke* ~ ПС **kərə-* ‘журавль’ [UEW: 128; Janhunen 1977: 54]).

Хант. *tär* ‘спутанные волосы’ [DEWOS: 1461], скорее всего, заимствовано из ненец. *tär*” ‘шерсть, волосы’ (< ПС **tär*). Это хантыйское слово отмечено только в обдорском (О) и казымском (Каз) диалек-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 09-04-95202а/Ф.

тах, т. е. в тех диалектах, для которых характерны ненецкие заимствования. Кроме того, хант. *ǎ*, в свете имеющихся данных, нельзя считать регулярным рефлексом ПУ **u*, причем гипотетическое отклонение от ожидаемой рефлексии здесь невозможно объяснить хантыйским аблаутом.

Для хантыйского слова в [DEWOS] указывается мансийская параллель — манс. N *tor-tal* ‘отлично, ловко, совершенно, безупречно’ [DEWOS: 1462; WW: 662]. Однако связь мансийского слова с хантыйским неочевидна по семантическим причинам: предполагается образование от гипотетического **tor* ‘(спутанные?) волосы’ с помощью каритивного суффикса *-tal*, получившее абстрактно-метафорическое значение. По этим же причинам, кстати, неочевидна и предполагаемая в [DEWOS] связь хант. *tār* ‘спутанные волосы’ с рядом хантыйских производных от фонетически идентичной основы *tār-*, приводимых в [DEWOS: 1461]. Кроме того, даже если принять связь между мансийским и хантыйским словами, то надо будет признать весьма вероятным, что мансийское слово заимствовано, т. к. оно встречается только в северном диалекте (манс. N), в котором очень много заимствований из севернохантыйского.

Сближение ПФ и самодийского материала представляется семантически надежным; не исключено, что первоначально это слово значило не только шерсть животного и / или волосистой покров человека, но также покров птицы (ср. значения ‘перо’, ‘перья’ в ижорском и самодийских языках).

ПФ слово предлагалось считать скандинавским заимствованием. Ср. др.-сканд. **durg-*: исл. *durga*, *durgur* ‘большой кусок ткани; (шерстяная) кофта’; норв. *dorg* ‘большой кусок ткани’ [SSA, 3: 334]. Нужно, однако, иметь в виду, что это скандинавское слово не имеет надежной этимологии — оно не обнаружено в соответствующих этимологических словарях: ни в [Vries 1957—1961], ни в [Orel 2003], ни в [Fick, Falk, Topf 1909].

3. ПФ **oh-* ‘тонкий’: фин. *ohut*, *ohkainen* [Вахрос, Щербаков 1991: 414]; ижорск. *ohukkain* [Nirvi 1971: 359]; водск. *ehud*; эст. *õhuke(ne)*, *õhe* [SSA, 2: 260].

Ср. ПОБУГ **wōyǎθ* (в реконструкции Л. Хонти) или **wayǎθa* (в реконструкции М. А. Живлова) ‘тонкий’: хант. V-Vj *woyǎl*, J *wōyǎl*, DN, KO *woxǎt*, Ni *uxǎt*, Kaz *oxǎl*, O *oxǎl*; манс. LU *wayta*, N *wōwta* [DEWOS: 1575; Honti 1982: 193; Живлов 2006].

ФУ **wokšV*

Падение начального *w-* перед *-o-* в ПФ регулярно. К инлаутному консонантизму ср. ФУ **jākšV* > фин. *jääh-ty-* ‘остывать, охлаждаться’, *jäh-meä* ‘застывший’; хант. Vj *jöyli*, Trj *jäyji* ‘холодный; холод’, DT *jäytä* ‘холодоватый, прохладный’, *jǎlǎ* ‘прохладный; прохлада, холод’ (кластер в хант. < ПОБУГ **-y(ə)θ-*) [UEW: 90].

В. И. Лыткин, вслед за [Uotila: SyrjChr.], сравнивал рефлексы ПОБУГ слова, восстанавливаемого как **wōyǎθ* или **wayǎθa*, с пермским **ves-* ‘тонкий’ (> коми *ves-ni*, удм. *ves-či*), возводя **ves-* к **vesk-* [Лыткин, Гуляев 1970: 68; Лыткин 1964: 154]. Обоснование консонантизма здесь состоит в том, что **-sk-* в ПОБУГ должно претерпевать регулярное метатетическое развитие в **-y(ə)θ-*: ср. ПУ **poske* ‘щека’ > хант. Kaz *weš-pōxǎl*, *pōxǎl-ma*, Vj *puyl-əm*, DN *pōxt-əm* и др.; манс. KU *pāt*, *pajt*, VN *pēt*, So *pājt* с рефлексами сочетания **-y(ə)θ-* [UEW: 396].

Однако данная обскоугорско-пермская этимология неудачна с точки зрения вокализма. Для прапермского гласного, отражающегося в виде *e* ~ *кя*. *ö* в коми и *e* в удм., засвидетельствовано происхождение из гласных переднего ряда: коми *sep* (кя. *söp*), удм. *sep* ‘желчь’ < ФУ **sǎppä* [UEW: 435; Лыткин, Гуляев 1970: 263]; коми *ber* (кя. *bör*), удм. *ber* ‘зад’ < ФУ **perä* [UEW: 373; Лыткин, Гуляев 1970: 41]; коми *ter-* (кя. *tör-*) ~ удм. *ter-* ‘вместиться, поместиться’ ~ венг. (диал.) *tér-* ‘помещаться’ < **terV-* или **tärV-* [UEW: 522; Лыткин, Гуляев 1970: 284] (происхождение этого прапермского гласного из **o* известно только в позиции перед **-j-*: коми *kej* ‘мелкий, белый, твердый червяк в мясе’, удм. *kej* ‘моль’ < **koje* [UEW: 167; Лыткин, Гуляев 1970: 139]).

Что касается ПОБУГ слова со значением ‘тонкий’, то реконструкция гласного первого слога здесь еще прояснена неокончательно: по Л. Хонти, это **ō*, по системе М. А. Живлова — **a*; однако несомненно, что это был неузкий непереднерядный гласный, а совокупность данных по ПОБУГ позволяет утверждать, что непереднерядные гласные в нем не происходят из переднерядных. Таким образом, коми *ves-ni*, удм. *ves-či* < **ves/k/-* или **väs/k/-*, а гласный первого слога в ПОБУГ **wōyǎθ* или **wayǎθa* (по М. А. Живлову) заведомо имеет непереднерядный источник, что вынуждает отказаться от этого пермско-угорского сближения.

4. ПФ **šoma(-)* (? **šōma(-)*): фин. *huoma* ‘защита; забота’, в свободном субстантивном употреблении слово встречается в старофинском языке у Микаэля Агриколы, в современном фин. — только в идиоматизированных формах *huoma-ssa* ‘на (чьем-либо) попечении, под (чьей-либо) защитой’, *huoma-an* ‘на (чьей-либо) попечении’ [Вахрос, Щербаков 1991: 128]; карел. *huoma-* — основа, встречающаяся в идиоматических конструкциях, ср. *huomat pidäy* ‘заботиться’, *huomaz en olluh* ‘я не заметил’ [SSA, 1: 186]. Более широко распространен производный глагол: фин. *huoma-ta* ‘замечать’ и др. [SSA, 1: 186].

Ср. венг. *óv-* ‘защищать; предохранять; предупреждать, предостерегать’ [TESz: 1105].

ФУ **šoma(-)* или **šōma(-)* (вопрос о ФУ долготе неясен)

В венг. регулярно **š-* (> ПФ **h-*) > Ø и **-m-* > *-v-*. Как в ПФ, так и в венг. первоначальная семантика ‘защита / защищать’ приобрела в значениях глаголов различные семантические оттенки, связанные с ментальной или коммуникативной деятельностью.

Для ПФ слов указывался возможный скандинавский источник: ср. др.-норв. *sæta* ‘принимать во внимание; уважать’, *sómi* ‘уважение, честь’ [SSA, 1: 186; Koivulehto 1976]. К германской и индоевропейской этимологии др.-норв. слова см.: [Vries 1957—1961: 577; Orel 2003: 360; Pok.: 902—905]. Нужно, однако, учитывать, что ПФ глагол является отыменным, производным от имени; следовательно, данная контактная этимология предполагает не непосредственное перенесение на ПФ почву скандинавского глагола, а, очевидно, заимствование из скандинавского источника в ПФ некой именной основы, отраженной в виде карел.-фин. *huota* ‘защита; забота’, в связи с чем предполагаемый семантический переход оказывается неочевидным (‘защита, забота’ < ‘уважение, честь’?).

Сокращения

венг. — венгерский	ненец. — ненецкий	фин. — финский
водск. — водский	Л — лесной ненецкий	фин.-саам. — финно-саамский
диал. — диалектное	Т — тундровый ненецкий	ФУ — финно-угорский
др. — другие	норв. — норвежский	хант. — хантыйский
др.-норв. — древненорвежский	ПОБУГ — праобско-угорский	DN — верхнедемьянский диалект
др.-сканд. — древнескандинавский	ПС — прасамодийский	DT — нижнедемьянский диалект
ед. ч. — единственное число	ПУ — прауральский	J — юганский диалект
ижорск. — ижорский	ПФ — прибалтийско-финский	Kaz — казымский диалект
исл. — исландский	ПФСаам — прафинно-саамский	КО — кондинский диалект
кам. — камасинский	саам. — саамский	Ni — низямский диалект
карел. — карельский	сев.-саам. — северно-саамский	O — обдорский диалект
кя. — коми-язьвинский диалект	I — инари-саамский	Ttj — тромьеганский диалект
манс. — мансийский	L — луле-саамский	Vj — васюганский диалект
KU — нижнекондинский диалект	сельк. — селькупский	V-Vj — ваховско-васюганский диалект
LU — нижнелозьвинский диалект	вас. — васюганский диалект	энец. — энецкий
N — северномансийский диалект	ел. — елогуйский диалект	B — баихинский диалект
So — сосвинский диалект	кет. — кетский диалект	Ch — хантайский диалект
VN — северноважигильский диалект	об. — диалекты обского ареала	эст. — эстонский
мат. — маторский	таз. — тазовский диалект	pl. t. — pluralia tantum
нган. — нганасанский	ср. — сравни	
	удм. — удмуртский	

Литература

- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. Быконя В. В. Томск, 2005. {Bykon'a 2005 — Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Red. Bykon'a V. V. Tomsk, 2005.}
- Вахрос, Щербиков 1991 — Вахрос И., Щербиков А. Финско-русский словарь (Suomalais-venäläinen sanakirja). М., 1991. {Vaxros, Ščerbakov 1991 — Vaxros I., Ščerbakov A. Finsko-russkij slovar' (Suomalais-venäläinen sanakirja). М., 1991.}
- Живлов 2006 — Живлов М. А. Реконструкция праобско-угорского вокализма / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 2006. {Živlov 2006 — Živlov M. A. Rekonstrukcija praobsko-ugorskogo vokalizma / Dis. na soiskanie učenoj stepeni kand. filol. nauk. М., 2006.}
- Лыткин 1964 — Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964. {Lytkin 1964 — Lytkin V. I. Istoričeskij vokalizm permskix jazykov. М., 1964.}
- Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {Lytkin, Gul'aev 1970 — Lytkin V. I., Gul'aev E. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka. М., 1970.}
- Попова 1978 — Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. {Popova 1978 — Popova Ja. N. Nenecko-russkij slovar': Lesnoe narečie. Szeged, 1978.}
- Прокофьев 1935 — Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Л., 1935. {Prokof'ev 1935 — Prokof'ev G. N. Sel'kupskij (ost'ako-samoedskij) jazyk. Č. 1. L., 1935.}

- СВЯ — Словарь водского языка / Ред. Адлер Э., Ленник М. Таллинн, 1990—. {SVJa — Slovar' vodskogo jazyka / Red. Adler E., Leppik M. Tallinn, 1990—.}
- Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб., 2001. {Sorokina, Bolina 2001 — *Sorokina I. P., Bolina D. S.* Slovar' enecko-russkij i russko-eneckij. SPb., 2001.}
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereščenko 1965 — *Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. M., 1965.}
- Alatalo 2004 — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von *Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / Zusammenge stellt und hrsg. von *Alatalo J.* Helsinki, 2004.
- Castrén 1854 — *Castrén M. A., Schiefner A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1992.
- Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.
- Fick, Falk, Torp 1909 — *Fick A., Falk H., Torp A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1909.
- Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrisches Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Itkonen — Inarilappisches Wörterbuch. Bd. 1—4 / Hrsg. von *Itkonen E.* Helsinki, 1986—1991.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrenianumin toimitteita, 17.)
- Koivulehto 1976 — *Koivulehto J.* Vanhimmista germaanista lainakosketuksista ja niiden ikäämisestä // Virittäjä: Kotikielen seuran aikakauslehti, 248. Helsinki, 1976. S. 33—47.
- Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.
- Nirvi 1971 — *Nirvi R. E.* Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.
- Orel 2003 — *Orel V.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden, 2003.
- Pok. — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Sammallahti, Nickel 2006 — *Sammallahti P., Nickel K. P.* Saamisch-deutsches Wörterbuch. Oslo, 2006.
- SKES — *Toivonen Y. H. e. a.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. T. 1—7. Helsinki, 1958—1981.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. T. 1—3 / Päätoim.: *Itkonen E., Kulonen U.-M.* Helsinki, 1992—2000.
- TESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára / Főszerk. *Benkő L.* Budapest, 1967—1976.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.
- Uotila: SyrjChr. — *Uotila T. E.* Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.
- Vries 1957—1961 — *Vries J. de.* Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957—1961.

РЕЗЮМЕ

В работе приводятся новые этимологии для нескольких прибалтийско-финских слов, для которых в наиболее полных этимологических словарях отсутствуют внешние параллели или же указываются не вполне надежные германские источники. Во всех рассматриваемых случаях оказывается возможным привлечь прибалтийско-финский материал к уральскому сравнению с учетом самодийских или угорских данных.

SUMMARY

The article contains new etymological suggestions for several Balto-Finnic words that have no external parallels according to the most complete etymological dictionaries of the Balto-Finnic languages or, in the same sources, are considered as Germanic borrowings. In all cases under consideration, involving Balto-Finnic material in Uralic comparison turns out to be possible with taking into account some Ugric or Samoyedic data.

Ключевые слова: уральские языки, прибалтийско-финские языки, финский язык, самодийские языки, угорские языки, этимология, сравнительно-историческая фонетика, праязыковая реконструкция, прауральская лексика

Keywords: the Uralic languages, the Balto-Finnic languages, the Finnish language, the Samoyedic languages, the Ugric languages, etymology, comparative phonology, linguistic reconstruction, Proto-Uralic vocabulary

Эльвира Александровна Грунина

Исполняется 55 лет педагогической и научной деятельности одного из ведущих отечественных тюркологов — доктора филологических наук, заслуженного профессора Московского университета Э. А. Груниной. Ее работы известны и получили высокую оценку не только в нашей стране. В зарубежной литературе отмечается как важность проблематики ее исследований, так и методологическое новаторство в изучении проблем исторической грамматики [Handbuch 1990: 53, 77, 80—81]. Э. А. Грунина является видным представителем московской тюркологической школы, вся активная педагогическая и научная деятельность юбиляра более полувека протекает на кафедре тюркской филологии Московского университета¹.

Эльвира Александровна Грунина родилась 26 ноября 1926 г. в Москве. Брат ее отца, Т. И. Грунин, был видным тюркологом (см. в частности его переписку с А. Н. Самойловичем [Самойлович 2008: 273—274]). Работая в Киеве, по заданию академика А. Е. Крымского, он занимался изучением актов армянской общины Каменец-Подольска (XVI в.), написанными на тюркском (кыпчакском) языке в армянской графике; его исследование было защищено в 1944 г. как кандидатская диссертация².

Детство для Эльвиры Александровны закончилось с началом войны. «О своих заботах четко помнится одна мысль — поскорее окончить школу. Осенью 1941 г. школы Москвы не открылись. Сначала попыталась заниматься в одной из подмосковных школ, но это плохо получалось. С середины января 1942 г. в Москве стали открываться курсы со школьной программой, они постоянно меняли адреса. Десятый класс кончала на таких курсах при Тимирязевской сельскохозяйственной академии, куда я и поступила в 1943 г. на отделение селекции, но, предусмотрительно сдав экзамены за первый курс, пошла сдавать вступительные экзамены на филологический факультет МГУ. Был большой конкурс, но я прошла и поступила на Восточное отделение» (Э. Г.).

Создатель кафедры тюркской филологии в Московском университете Н. К. Дмитриев вложил в учебные программы весь опыт и традиции отечественной тюркологии, понимание ее как части современного языкознания и шире — филологии в целом. Студенты Восточного отделения изучали два тюркских языка, принадлежащих к разным классификационным группам, арабский, персидский, курсы тюркского фольклора, турецкой литературы и истории классической персидской литературы, историю древ-

¹ Здесь и ниже приводятся сведения Ю. В. Щеки по публикации [Насилов, Щека 2004]. Ниже также использованы данные небольшого интервью, которое Г. Ф. Благовой удалось взять у юбиляра (см. закавыченные фрагменты на протяжении всего текста настоящей статьи; большие фрагменты помечены инициалами Э. Г.).

² «В 50-х годах к армяно-кыпчакской проблеме возник интерес в европейской тюркологии, и Т. И. Грунину было предложено издать его работу. К тому времени в результате неудачной операции он ослеп. Так я оказалась вовлеченной в новую для меня область, к тому же, исходные тексты были даны в транскрипции (оригиналы пропали в Киеве во время войны) и в переводе на украинский язык. <...> Автор с трудом воспринимал всякие замечания; мне удалось отстоять только собственную грамматическую концепцию. <...> Работа заняла много времени (около пяти лет)» (Э. Г.); см.: [Документы 1967]. Другой, не менее трудоемкой, работой подобного рода, осуществленной Э. А. Груниной, явилось редактирование издания «Мухаббат-наме», подготовленного Э. Н. Наджилом [Хорезми 1961]. Она же помогала Э. Н. Наджипу в составлении его «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV в.» [Наджип 1979].

него и средневекового Востока и многое другое, что в перспективе открывало для выпускников отделения широкие возможности работы в гуманитарной сфере.

Все это, вкупе с чудом — в тяжелые, послевоенные годы — студенческих поездок на советский Восток (кто — в Среднюю Азию и Казахстан, кто — в Молдавию, к гагаузам), создавало ощущение причастности к тюркскому миру и связанной с ним гуманитарной науке, способствовало осознанию того, что студентов подготавливают к занятиям именно тюркологией.

Уже в эти годы стало ясным, что тюркология оказалась истинным призванием Эльвиры Александровны. Именно в этой научной области счастливо соединились ее незаурядная способность к аналитическому исследованию и неиссякаемая работоспособность. Об этом говорится скромно: «могу “копать” до изнеможения», а из-за колоссальной перегрузки педагогической и общественной деятельностью «написала немного <!>, в основном в летние каникулы». С годами выработалась принципиальность и гражданская смелость, проявилась широта научного размаха мысли.

На становление Э. А. Груниной как ученого, по ее признанию, оказал влияние Э. В. Севортян. Проводя занятия по грамматике турецкого языка, именно он заложил в студентах-«восточниках» понятие о теории языка. Его «коньком» была «грамматика и ее содержание; фонетики, к сожалению, не было — отсюда слабые позиции в реконструкции у его учеников». Именно Э. В. Севортян создал научный студенческий кружок при кафедре тюркской филологии. Это произошло, когда Э. А. Грунина была на третьем курсе, и она стала первой, кто сделал сообщение на заседании кружка, — о функциях исходного падежа в турецком языке.

В 1949 г. Э. А. Грунина закончила курс Восточного отделения филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова с квалификацией «филолог-тюрколог» и там же осталась в аспирантуре. В 1952 г., после окончания аспирантуры филологического факультета МГУ, Эльвира Александровна начала преподавать на кафедре тюркских языков этого факультета. Первые годы ее преподавательской деятельности были связаны с узбекским языком, по которому она обеспечивала все программные курсы: теоретическая грамматика узбекского языка, историческая грамматика узбекского языка, история узбекского литературного языка (с привлечением письменных памятников), узбекская диалектология, сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Начиная с 1956 г., уже на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ, ее интересы (в соответствии с планами ИСАА) сосредоточились на турецком языке. В 1983—95 гг. Э. А. Грунина заведовала кафедрой тюркской филологии ИСАА.

За 55 лет преподавательской работы Эльвира Александровна обеспечила сохранение и развитие необходимого круга общих тюркологических дисциплин, введенных еще Н. К. Дмитриевым.

Ею были созданы практически все теоретические курсы по тюркскому (турецкому) языкознанию, читаемые в настоящее время. Э. А. Грунина также подготовила и прочитала, помимо упомянутых выше, такие лекционные курсы, как введение в тюркологию, теоретическая грамматика турецкого языка и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Кроме того, ею были впервые поставлены курсы лексикологии турецкого языка (позднее — и магистерский курс общей лексикологии в сравнительном плане), истории турецкого языка и турецкой диалектологии, а также курсы по сравнительно-сопоставительной грамматике огузских языков, основам старотурецкой письменности, письменным памятникам турецкого и узбекского языков, теории литературного языка и проблемам перевода. Э. А. Грунина также читала курсы уйгурского и туркменского языков.

Тюрколог широкого профиля, она обеспечила возрождение прерванной традиции османистики московской востоковедческой школы, поставив постоянное преподавание на кафедре османско-турецкого языка, продолжающееся донныне и охватывающее в настоящее время не только студентов-филологов, но и историков. Столь же разнообразна и многоаспектна тематика организованных ею спецсеминаров.

Лекционными курсам Эльвиры Александровны свойственны широта и глубина охвата языкового материала, его максимальная концентрация и ясность изложения, обеспеченная обилием иллюстративного материала и фундаментальностью научной базы.

Свою научную деятельность Эльвира Александровна начала как синтаксист. Ее первой монографической научной работой была кандидатская диссертация «Сложноподчиненное предложение в современном узбекском литературном языке» [Грунина 1952]. Несколько позже основные части этого исследования были опубликованы в обобщающем коллективном труде «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», инициатором и научным руководителем которого был Н. К. Дмитриев. В разделе этого труда, озаглавленном «Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке» [Грунина 1961: 135—163], обсуждались спорные вопросы о критериях квалификации придаточного предложения в тюркских языках — вопросы, которым в те годы уделялось повышенное внимание в теоретической грамматике тюркских языков и которые вызывали тогда обширную полемику среди тюркологов.

Э. А. Грунина заняла при этом ясную позицию, выдвинув на первый план признак предикативности как основной структурирующий показатель любой синтаксической конструкции, в силу чего в узбекском языке (как и в других тюркских языках) для придаточного предложения определяющим признается наличие предикативного сочетания. Рассматривая структуру глагольно-именных словосочетаний, представленных инфинитивными формами, в составе синтаксических конструкций, автор занялся определением условий, при которых глагольное имя может развертываться либо в предикативный центр придаточного предложения, либо в центр атрибутивного словосочетания. Как известно, в тюркологии только в 80-е гг. эта тематика получила дальнейшее развитие — прежде всего, в синтаксической школе новосибирских ученых, признающих обязательным свойством сложных предложений наличие в них двух (и более) выраженных разными способами предикативных центров.

Занявшись турецким языком, Э. А. Грунина обратилась к изучению исторического развития морфологических категорий этого языка. Прежде всего, в центре внимания ученого оказались категории глагола в аспекте грамматической теории. Фундаментальное исследование «Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении)» было защищено Э. А. Груниной в 1975 г. как докторская диссертация [Грунина 1975]. В этом труде прослежена история становления категории (начиная с ранних периодов формирования турецкого языка на территории Малой Азии), а также показана историческая преемственность грамматических форм от предшествующего периода существования огузских племенных языков в их контактировании с другими группами древних тюркских диалектов (см. также [Грунина 1996а]).

Участие Э. А. Груниной в фундаментальном энциклопедическом издании Института языкознания АН выразилось в новаторском вычленении и описании языкового континуума (раздел «Огузский язык X—XI вв.») [Грунина 1997б: 81—89].

В своих диахронических штудиях Эльвира Александровна особое место отводит семантическим основаниям развития морфологических показателей; поэтому ее построения отличаются глубиной мотивации развертывания той или иной категории и обоснованностью процессов грамматикализации служебных компонентов в составе аналитических конструкций — внутри складывающихся темпорально-аспектуальных парадигм турецкого глагола [Грунина 1966а; Грунина 1966б; Грунина 1996а]. В рамках такого подхода Э. А. Груниной удастся показать внутренние семантические связи, казалось бы, разнородных глагольных значений.

Показательным примером в этом отношении является представленное в ряде публикаций раскрытие темпорального содержания микросистемы форм турецкого индикатива в их связи с так называемым «видовым» значением. Оригинальность авторского ономаσιологического подхода к решению такого спорного вопроса тюркской грамматики, заключающегося в признании гетерогенности и взаимопроникновения указанных типов семантики, особенно видна при сравнении с точками зрения других тюркологов (В. Г. Гузев, Л. Юхансон, Э. Кошмидер и др.). В концентрированном изложении реконструкция темпорально-аспектуальной системы огузских языков представлена в соответствующем томе коллективной шеститомной монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Региональные реконструкции)» [СИГТЯ 2002: 157—196].

При анализе глагольных категорий Э. А. Грунина стремилась применить принципы системно-структурного подхода, и в этом смысле неслучайно Л. Юхансон в своем разделе “Historische Grammatik” в книге [Handbuch 1990] назвал Эльвиру Александровну “Vorbereiter” (что-то вроде «приготовителя», «провозвестника») и «новатором методологического обновления в области исторической грамматики турецкого языка», как и Г. Хазаи [Handbuch 1990: 77] (там же дан и специальный анализ ее работ в области морфологии [Handbuch 1990: 80—81]). Можно считать, что этими работами Э. А. Груниной [Грунина 1966а; Грунина 1966б] началось применение структурного подхода в этой области тюркского языкознания; в отечественной тюркологии это стремление ученого, однако, замечено немногими (в числе которых Н. Н. Широбокова).

Поисковый, неуемный характер ученого и стремление доискаться до самой сути изучаемого объекта ставили перед Эльвирой Александровной все новые и новые исследовательские задачи также и в ее педагогической деятельности. Заявив малоизученную в тюркском языкознании проблему в качестве диссертационной, Э. А. Грунина, чтобы помочь аспиранту найти правильное направление работы, сама, как научный руководитель и консультант, участвовала в поиске — на равных с аспирантом. Давно уже было отмечено, что все свои исследовательские разработки и открытия Эльвира Александровна несет в студенческую аудиторию, знакомит с ними аспирантов. Так было и с категорией залога, а позднее — с фразеологизмами турецкого языка.

Использование опыта и привлечение приемов функционально-семантического изучения языковых фактов в диахронической перспективе позволило Э. А. Груниной обратиться также к проблеме функ-

ционального развития других категорий глагола, в частности категорий наклонения и залога в истории турецкого и других тюркских языков [Грунина 1987; Грунина 1991: 190—193; Грунина 1993б; Грунина 2000; СИГТЯ 2002: 196—204].

Так, например, появилась серия ее публикаций, посвященных категории залога («К теории тюркского залога» [Грунина 1987] и «К истории тюркского залога: рефлексив, пассив» [Грунина 1993б]). В этих статьях показана сложность и неоднородность семантического и структурного наполнения тех форм, которые в тюркологии принято определять как залоговые. Здесь объяснено, как взаимодействуют лексическое значение производящей глагольной основы и семантика залоговых показателей, а также определена роль семантики в организации синтаксической структуры и целого спектра коммуникативно-прагматических аспектов высказывания.

Характерно, что в своих исторических исследованиях Э. А. Грунина основывается на богатом теоретическом опыте не только отечественной и зарубежной тюркологии, но и смело использует новые оригинальные идеи, возникающие в общем сравнительно-историческом языкознании и типологии (см., например: [Грунина 1970; Грунина 1971а; Грунина 1971б; Грунина 1974; Грунина 1976а; Грунина 1976б; Грунина 1986б; Грунина 1996б; Грунина 1997а; Грунина 2010б]). Владение же большим объемом конкретных фактов из письменных памятников разных языков и разных периодов, а также современных диалектов обеспечивает базу для убедительных выводов. Добавим, что в течение многих лет она состоит внимательным, вдумчивым читателем-подписчиком теоретического журнала «Вопросы языкознания», являясь также и одним из его авторов.

Изучение исторической грамматики привело Э. А. Грунину к постановке и исследованию проблем становления турецкого литературного языка (см., например: [Грунина 1980]). В работах этого цикла проводится мысль о существовании у огузских племен устойчивой устной литературной традиции, способствовавшей возникновению наддиалектной формы языка еще в IX—XII вв. [Грунина 1997б]. Ее базовые грамматические особенности (центральные морфологические категории) продолжали сохраняться в региональных литературных языках Малой Азии в XIII—XIV вв., став основой для развития турецкого литературного языка последующих периодов.

Для историко-грамматических исследований, проводимых Э. А. Груниной, характерно выявление глубоких связей изучаемых явлений в масштабе сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. В ее «Исторической грамматике турецкого языка» [Грунина 1991] впервые в истории отечественной тюркологии комплексно рассматривается процесс развития турецкого языка — включая как его предысторию, так и структурно-функциональное развертывание категорий на протяжении обозреваемого сложного исторического периода³.

Благодаря этому Э. А. Груниной удалось достоверно восстановить, к примеру, «ранний этап двучленного пассива», для которого было характерно, что «реальный агент не выражался синтаксически» [Грунина 1991: 109]⁴.

Похоже, что именно к раннему этапу развития тюркских залогов восходит сама возможность специфического (безличного) использования в чагатайском языке XVI в. страдательных глаголов для стили-

³ В 1988 г. на страницах журнала «Советская тюркология» (далее СТ) интенсивно обсуждались принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков, соотношения «истории литературного языка» и «исторической грамматики» в исследовании средневекового памятника [СТ 1988, 1: 67—78, 79—85]; привлекались проблемы истории тюркских литературных языков [СТ 1988, 3: 58—95], в том числе аспекты источниковой базы истории литературного языка [СТ 1988, 3: 82—85], методы составления истории литературного языка [СТ 1988, 3: 86—91] и вопросы периодизации истории литературного языка [СТ 1988, 3: 92—95]. Однако делом — составлением исторических грамматик отдельных языков — на это обсуждение фактически удалось откликнуться только двум выдающимся ученицам Н. К. Дмитриева. «Историческая грамматика турецкого языка» Э. А. Груниной [Грунина 1991] вышла в свет в 1991 г. (подписана к печати 28.12.1990 г.). По странным обстоятельствам большая часть 500-экземплярного тиража до сих пор хранится в архиве автора. Трагична судьба «Исторической грамматики азербайджанского языка (морфология, синтаксис)» Н. З. Гаджиевой (04.12.1926—28.10.1991). Эта, последняя в ее жизни, монография, плановая, была досрочно закончена в авторском исполнении, первый экземпляр машинописной копии был считан автором, отрецензирован и утвержден к печати Ученым советом Института языкознания АН СССР в середине октября 1991 г. В силу целой цепочки трагически сложившихся обстоятельств подготовленная к печати монография была утрачена. К этой тематике — уже на новом этапе, после выхода «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» — возвратились башкирские ученики Э. Р. Тенишева, работающие над «Исторической грамматикой башкирского языка».

⁴ Ранний этап турецкого пассива предположительно был связан и с такой древнетюркской особенностью, как сохранение управления того переходного глагола, от которого пассив образован (см. [Мелиоранский 1900: 102]).

стических целей умолчания об истинном действующем лице, авторе повествования — о Бабуре. На этом приеме (а, возможно, и с интуитивным наложением раннего этапа тюркского пассива) было построено повествование объективированного типа с неявно выраженной текстуальной отнесенностью к первому лицу [Благова 1994: 45—92].

Стремление показать «объективную лингвистическую сущность стилистического факта» (как выразился В. В. Виноградов в [Виноградов 1980: 21]) позволяет типологически обратиться к недавней публикации М. Сало о так называемом «прибалтийско-финском одноличном (или безличном) пассиве» с глагольным суффиксом *-t-* [Salo 2010: 87].

Нами предпринято сопоставление столь далеких по времени и территориальному распределению фактов отсутствия в пассиве синтаксического выражения реального агенса — в старотурецком и чагатайском языке рубежа XV—XVI вв., а также в указанной недавней публикации «редкого материала о почти забытом в настоящее время в мордовском, мокшанском и эрзянском, языках» «одноличном пассиве». Для этих трех случаев, на первый взгляд разрозненных, важно подчеркнуть, что фиксируются они в пределах группы урало-алтайских языков, а это намечает путь к исторической типологии названных языков.

Возрождающийся интерес к изучению и преподаванию османско-турецкого языка в ИСАА и на историческом факультете МГУ⁵, а также на восточном факультете РГГУ позволяет обратиться к «Исторической грамматике турецкого языка» Э. А. Груниной как к незаменимому подспорью для аспирантов, магистрантов и студентов названных вузов.

В своей научной деятельности Э. А. Грунина тесно контактирует с коллективом тюркологов Института языкознания РАН. Она является одним из рецензентов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (Морфология)» [СИГТЯ 1989] и «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (Лексика)» [СИГТЯ 2001], созданных в ИЯз РАН этим коллективом. Вместе с Э. Р. Тенишевым Эльвира Александровна выступала рецензентом «Этимологического словаря тюркских языков» — два выпуска на буквы «К» и «Қ» [ЭСТЯ 1997; ЭСТЯ 2000], том на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» [ЭСТЯ 2003].

Сотрудничество с Институтом языкознания РАН особенно активизировалось в последнее десятилетие, когда в Секторе тюркских и монгольских языков разрабатывалась близкая Э. А. Груниной тематика, например, в пятом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (Региональные реконструкции)», где ею написан большой раздел «Огузская группа (глагол)» [Грунина 2002: 157—215]. Работая наравне с членами Сектора, именно Э. А. Грунина, как ведущий специалист по турецкому языку, взяла на себя написание большого раздела о диалектах турецкого языка в коллективной работе «Диалекты тюркских языков» [Грунина 2010а: 385—489], составляющей часть фундаментальных «Основ тюркского языкознания», пока еще не законченных.

На необходимость изучения турецких диалектов в их полном объеме в середине 30-х гг. указывал еще А. Н. Самойлович. Тогда он возлагал на Н. К. Дмитриева «обязанность организовать как следует изучение в СССР анатолийско-турецкого языка во всем его обширном объеме» [Самойлович 2008: 460]. В ту пору эти планы не могли быть осуществлены.

Через 70 лет эту ответственнейшую задачу приняла на себя Э. А. Грунина, верная ученица и продолжатель дела Николая Константиновича. Ею впервые для русского читателя было дано представление о диалектном пространстве современной Турции [Грунина 2010а].

Имея в виду необходимость творчески продолжить предпринятую покойным А. П. Векиловым (ЛГУ) попытку познакомить отечественных ученых как с диалектологической работой в Турции, так и с диалектной картиной в этой стране, Э. А. Грунина в своих статьях ставит и решает следующие проблемы. Во-первых, это стремление увязать языковое состояние некоторых островных говоров с теми этноисторическими условиями, в которых существуют эти говоры [Грунина 2009а], во-вторых, разработать вопрос о кавказском субстрате в отдельных говорах [Грунина 2009б: 153—155; Грунина 2010б: 1350—1361].

В неоднократных научных поездках в Турцию осваивая многочисленные публикации турецких диалектологов (зачастую выполненные по разным методикам), она стремилась систематизировать этот сложный материал в своих диалектологических работах.

Э. А. Грунина является автором ряда замечательных учебных пособий, долгие годы активно используемых в учебном процессе. К ним относятся уникальное «Пособие по переводу с русского языка на турецкий» (машинопись) [Грунина 1985] и «Учебное пособие по османско-турецкому языку» [Грунина 1988], возрождающее прерванные традиции османистики московской востоковедческой школы.

⁵ Интерес Э. А. Груниной к османско-турецкому языку восходит чуть ли не к 50-м гг.: «Движимая любознательностью, выучив арабский алфавит и узнав, что турки только в 20-х гг. перешли на латиницу, я где-то раскопала пособие по османскому языку Еглички <[Егличка 1916]>. А поскольку книгу можно было найти только в библиотеке, я ходила в восточный кабинет Исторической библиотеки. Там я впервые увидела В. А. Гордлевского...».

Выступая за всемерное развитие общей и сравнительной тюркологии в отечественных вузах, Э. А. Грунина долгие годы работала над подготовкой уникального учебника второго тюркского языка (в данном случае туркменского), имея целью обоснование необходимости фундаментального тюркологического образования. Одним из ее ярких творческих достижений как ученого-исследователя, так и преподавателя-практика явился учебник «Туркменский язык» [Грунина 2005], насыщенный богатым лексическим и грамматическим материалом, точными фонетическими и лексикологическими наблюдениями, интересными текстами и продуманными упражнениями. Такой учебник стабильно обеспечивает изучение еще одного из огузских языков в ИСАА при МГУ.

Своим учебником Э. А. Грунина продолжила традицию научного фронтального изучения туркменского языка, заложенную российскими учеными А. Н. Самойловичем и А. П. Поцелуевским [Грунина и др. 2004]. Учебник Э. А. Груниной получил положительный отзыв в рецензии, опубликованной в «Вестнике Московского университета» [Насилов, Сахатова 2008].

В настоящее время Э. А. Грунина продолжает работать на кафедре в качестве профессора-консультанта. Она оставила за собой чтение спецкурсов по турецкой диалектологии и османским памятникам, т. е. спецкурсов, необходимых для подготовки специалистов по той и другой квалификации.

Э. А. Грунина регулярно участвует в научных тюркологических конференциях, в том числе и международных⁶ (см., например: [Грунина 1986a]).

Среди многочисленных учеников Э. А. Груниной назовем трех, ныне уже известных в науке: Ю. В. Щека (Москва), К. В. Куулар (Тува) и Г. А. Тер-Габриелян (Ереван).

Трудно переоценить роль Эльвиры Александровны как организатора тюркологической науки в Московском университете. В годы руководства кафедрой тюркской филологии (1983—95 гг.) ей удалось отстоять и упрочить положение кафедры как очага фундаментальной подготовки тюркологической смены, возродить принципы общей тюркологии, заложенные при создании кафедры Н. К. Дмитриевым, усилив при этом и практическое направление в подготовке специалистов.

После реформирования востоковедческих кафедр и создания в 1956 г. Института восточных языков при МГУ кафедрой тюркской филологии руководил В. М. Насилов, направлявший ее деятельность по пути, намеченному Н. К. Дмитриевым. Однако постепенно основное внимание стало уделяться практическому преподаванию лишь турецкого языка как зарубежного. Кафедра тюркской филологии стала терять общетюркологическую направленность, возникла зависимость процесса подготовки специалистов от конъюнктурных колебаний того или иного периода, что отрицательно сказалось на деятельности кафедры. В середине 80-х гг. кафедра тюркской филологии пережила серьезную опасность закрытия или слияния с другими кафедрами.

В этих условиях Э. А. Грунина как руководитель кафедры смело выступила инициатором составления докладных записок и написания сотрудниками кафедры коллективной статьи «О судьбах тюркологии в Московском университете» для публикации в «Вестнике Московского университета» (администрация ИСАА не пропустила эту статью в печать). И все же в те трудные годы Эльвире Александровне удалось отстоять как общетюркологическую направленность кафедры, так и само ее существование.

По инициативе Э. А. Груниной на кафедре тюркской филологии в ИСАА при МГУ с 1993 г. проводятся ежегодные «Дмитриевские чтения» и публикуются доклады в виде выпусков «Вопросов тюркской филологии» — с целью восполнить утраченную интенсивность научного общения тюркологов. В чтениях систематически участвуют ученые Москвы, обеспечивая активное творческое общение между представителями ИСАА при МГУ, Института языкознания РАН и Института востоковедения РАН, а также тюркологи из других тюркологических центров России и ближайшего зарубежья. Организационные усилия Э. А. Груниной направлены на то, чтобы обеспечить как активное участие молодых преподавателей и ученых, так и сохранение традиций отечественной тюркологии. Ряд конференций был приурочен к таким знаменательным датам, как 100-летие со дня рождения Н. К. Дмитриева, 100-летие со дня рождения Э. В. Севортяна.

Как один из ведущих тюркологов страны Э. А. Грунина была приглашена в экспертную группу ВАК, где проработала более десяти лет. Она долгое время была членом спецсовета по защите докторских диссертаций при Институте языкознания РАН, является членом спецсовета ИСАА при МГУ. Весьма важное место в ее деятельности всегда занимало оппонирование. Через руки Э. А. Груниной как оппонента и внешнего рецензента прошло более сотни диссертаций на спецсоветах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ташкента и Тбилиси. Эльвира Александровна в своих многочисленных рецензиях и

⁶ Г. Хазаи в своем обзоре исследований тюркских языков [Hazai 1978: 150] отмечает доклад Э. А. Груниной «Sur la formation de la langue turque aux 13—14-e siècles», подготовленный к 29-ому Международному конгрессу востоковедов.

научных отзывах предстает как «строгий благожелатель» (как было сказано про В. В. Бартольда). В 1980-е — нач. 1990-х гг. Э. А. Грунина была членом редколлегии журнала «Советская тюркология» (затем — «Тюркология»), в настоящее время она является членом редколлегии журнала «Российская тюркология».

Много внимания Э. А. Грунина уделяла установлению и развитию научных контактов, читала лекции в Ташкентском и Казанском госуниверситетах. До распада СССР руководимая Э. А. Груниной кафедра постоянно принимала стажеров из тюркоязычных союзных республик, в настоящее время эта работа кафедры ограничивается рамками РФ (например, в 2003 г. Эльвира Александровна принимала нескольких стажеров из российских тюркологических центров, в том числе из Тувы). За вклад в изучение тюркских языков Турецким языковым обществом (Türk Dil Kurumu, статус Академии наук) Э. А. Груниной присвоено звание члена-корреспондента (20.10.2000 г.). Заслуженный профессор МГУ, она представлена своими достижениями в почетной книге «Московский университет в женских лицах (биографический словарь)» [Московский университет 2004: 385—386].

Вполне справедливы слова Эльвиры Александровны о том, что понятие «научной школы подчас неумовимо. Это подспудное чувство ответственности за физическое сохранение кафедры, основанной нашими учителями, отстаивание их принципов...» [Грунина 1993а]. Единомыслие коллег предполагает не только «одинаковость» их мыслей, но и то, что они творчески дополняют друг друга.

Свою трудовую жизнь юбиляр делит на две половины — педагогическую и научную, — отдавая предпочтение последней и чувствуя сожаление о том, что сделано в ней «все же мало». Тем не менее, Эльвира Александровна снискала и теплые слова, и добрую память в сердцах всех тех, кто у нее учился, — ее называют «преподаватель-легенда». Она сумела привить многим своим ученикам любовь к тюркологической науке, ее традициям и к тем, кто эту науку созидал.

Любовь к путешествиям прошла через всю жизнь Эльвиры Александровны. Начиная со школьных лет (в четвертом классе по путевке ездила на Кольский полуостров), много и охотно путешествует по стране — «повидала за свою жизнь почти весь Советский Союз», включая и Сибирь. Она всегда испытывала ностальгию по Средней Азии, если долго не приходилось бывать там, не раз посещала Турцию.

Неоценимы бескорыстные усилия Эльвиры Александровны по воспитанию нового поколения университетских тюркологов-ученых (в том числе османистов), и в этом проявляется то ее свойство, которое Т. М. Гарипов назвал «воинствующей скромностью», — свойство, пронесенное ею по всей жизни.

Литература

Грунина 1952 — Грунина Э. А. Сложноподчиненное предложение в современном узбекском литературном языке / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1952. {Grunina 1952 — Grunina E. A. Složnopolodčinennoe predloženie v sovremennom uzbekskom literaturnom jazyke / Dis. na soiskanie učenoj stepeni kand. filol. nauk. M., 1952.}

Грунина 1961 — Грунина Э. А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3. Синтаксис. М., 1961. С. 135—163. {Grunina 1961 — Grunina E. A. Nekotorye voprosy sintaksisa složnopolodčinenного predloženiija v sovremennom literaturnom uzbekskom jazyke // Issledovanija po sravnitel'noj grammatike t'urkskix jazykov. Č. 3. Sintaksis. M., 1961. S. 135—163.}

Грунина 1966а — Грунина Э. А. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв. // Вопросы тюркской филологии. М., 1966. С. 74—106. {Grunina 1966а — Grunina E. A. Sootnošenie form nastojaščego i buduščego vremeni po pam'atnikam tureckogo jazyka XIII—XVI vv. // Voprosy t'urkskoj filologii. M., 1966. S. 74—106.}

Грунина 1966б — Грунина Э. А. Форма времени на *-a / -e* по памятникам турецкого языка // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 28—36. {Grunina 1966б — Grunina E. A. Forma vremeni na *-a / -e* po pam'atnikam tureckogo jazyka // T'urkologičeskij sbornik. M., 1966. S. 28—36.}

Грунина 1970 — Грунина Э. А. Вопрос о норме в изучении истории турецкого языка // Вестник МГУ. Востоковедение. 1970, 1. С. 60—66. {Grunina 1970 — Grunina E. A. Vopros o norme v izučenii istorii tureckogo jazyka // Vestnik MGU. Vostokovedenie. 1970, 1. S. 60—66.}

Грунина 1971а — Грунина Э. А. К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв. // Советская тюркология. 1971, 4. С. 98—104. {Grunina 1971а — Grunina E. A. K voprosu o pis'mennoj tradicii v anatolijskix pam'atnikax XIII—XIV vv. // Sovetskaja t'urkologija. 1971, 4. S. 98—104.}

Грунина 1971б — Грунина Э. А. Указательные местоимения в истории турецкого языка // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 223—237. {Grunina 1971б — Grunina E. A. Ukazatel'nye mestoimenija v istorii tureckogo jazyka // Struktura i istorija t'urkskix jazykov. M., 1971. S. 223—237.}

Грунина 1974 — Грунина Э. А. Формы перфекта в тюркских языках юго-западной группы // Вестник МГУ. Серия 14. Востоковедение. 1974, 2. С. 58—67. {Grunina 1974 — Grunina E. A. Formy perfekta v t'urkskix jazykax jugo-zapadnoj grupy // Vestnik MGU. Serija 14. Vostokovedenie. 1974, 2. S. 58—67.}

Грунина 1975 — Грунина Э. А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении) / Дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. М., 1975. {Grunina 1975 — Grunina E. A. Indikativ v tureckom jazyke (v sravnitel'no-istoričeskom osveščeni) / Dis. na soiskanie učenoj stepeni dokt. filol. nauk. M., 1975.}

Грунина 1976а — Грунина Э. А. О форме настоящего-будущего -р в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 94—111. {Grunina 1976a — Grunina E. A. O forme nastojaščego-buduščego -r v t'urkskix jazykax // T'urkologičeskie issledovanija. M., 1976. S. 94—111.}

Грунина 1976б — Грунина Э. А. К истории семантического развития перфекта -miş // Советская тюркология. 1976, 1. С. 12—26. {Grunina 1976b — Grunina E. A. K istorii semantičeskogo razvitija perfekta -miş // Sovetskaja t'urkologija. 1976, 1. S. 12—26.}

Грунина 1980 — Грунина Э. А. О языке ранних турецких хроник // Средневековый Восток: История. Культура. Источниковедение. М., 1980. С. 112—119. {Grunina 1980 — Grunina E. A. O jazyke rannix tureckix xronik // Srednevekovyj Vostok: Istorija. Kul'tura. Istočnikovedenie. M., 1980. S. 112—119.}

Грунина 1985 — Грунина Э. А. Пособие по переводу с русского языка на турецкий (машинопись). М., 1985. {Grunina 1985 — Grunina E. A. Posobie po perevodu s russkogo jazyka na tureckij (mašinopis'). M., 1985.}

Грунина 1986а — Грунина Э. А. О курсе истории языка // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе. Материалы конференции. Чебоксары, 1986. С. 17—26. {Grunina 1986a — Grunina E. A. O kurse istorii jazyka // Soveršenstvovanie prepodavanija obščet'urkologičeskix disciplin v vuze. Materialy konferencii. Čeboksary, 1986. S. 17—26.}

Грунина 1986б — Грунина Э. А. О синтаксическом времени // Turcologica. К 80-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1986. С. 85—95. {Grunina 1986b — Grunina E. A. O sintaksičeskom vremeni // Turcologica. K 80-letiju akad. A. N. Kononova. L., 1986. S. 85—95.}

Грунина 1987 — Грунина Э. А. К теории тюркского залога // Советская тюркология. 1987, 2. С. 3—15. {Grunina 1987 — Grunina E. A. K teorii t'urkskogo zaloga // Sovetskaja t'urkologija. 1987, 2. S. 3—15.}

Грунина 1988 — Грунина Э. А. Учебное пособие по османско-турецкому языку. М., 1988. {Grunina 1988 — Grunina E. A. Učebnoe posobie po osmansko-tureckomu jazyku. M., 1988.}

Грунина 1991 — Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991. {Grunina 1991 — Grunina E. A. Istoričeskaja grammatika tureckogo jazyka. M., 1991.}

Грунина 1993а — Грунина Э. А. У истоков // Вопросы тюркской филологии. Вып. 2. Вестник Шелкового пути. М., 1993. С. 47—51. {Grunina 1993a — Grunina E. A. U istokov // Voprosy t'urkskoj filologii. Vyp. 2. Vestnik Šelkovogo puti. M., 1993. S. 47—51.}

Грунина 1993б — Грунина Э. А. К истории тюркского залога: Рефлексив, пассив // Вопросы тюркской филологии. Вып. 2. Вестник Шелкового пути. М., 1993. С. 16—37. {Grunina 1993b — Grunina E. A. K istorii t'urkskogo zaloga: Refleksiv, passiv // Voprosy t'urkskoj filologii. Vyp. 2. Vestnik Šelkovogo puti. M., 1993. S. 16—37.}

Грунина 1996а — Грунина Э. А. К истории тюркской претемпоральной системы // Symbolae Turcologicae. Festschrift in honour of Lars Johanson. Vol. 6. Stockholm, 1996. S. 109—117. {Grunina 1996a — Grunina E. A. K istorii t'urkskoj pretemporal'noj sistemy // Symbolae Turcologicae. Festschrift in honour of Lars Johanson. Vol. 6. Stockholm, 1996. S. 109—117.}

Грунина 1996б — Грунина Э. А. К вопросу о посессивной парадигме спряжения // 90 лет Н. А. Баскакову: Н. А. Баскакову от коллег и учеников. М., 1996. С. 68—72. {Grunina 1996b — Grunina E. A. K voprosu o possessivnoj paradigme spr'azhenija // 90 let N. A. Baskakovu: N. A. Baskakovu ot kolleg i učenikov. M., 1996. S. 68—72.}

Грунина 1997а — Грунина Э. А. О «смешанном» характере языка письменных памятников, или проблема *olga-bolga* // Вопросы тюркской филологии. Вып. 3. Материалы Дмитриевских чтений. М., 1997. С. 12—21. {Grunina 1997a — Grunina E. A. O "smešannom" karaktere jazyka piš'mennyx pam'atnikov, ili problema *olga-bolga* // Voprosy t'urkskoj filologii. Vyp. 3. Materialy Dmitrievskix čtenij. M., 1997. S. 12—21.}

Грунина 1997б — Огузский язык X—XI вв. // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С. 81—89. {Grunina 1997b — Grunina E. A. Oguzskij jazyk X—XI vv. // Jazyki mira: T'urkskie jazyki. M., 1997. S. 81—89.}

Грунина 2000 — Грунина Э. А. Об одной архаичной форме глагольной системы турецкого языка // Вопросы тюркской филологии. Вып. 4. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2000. С. 35—46. {Grunina 2000 — Grunina E. A. Ob odnoj arhaičnoj forme glagol'noj sistemy tureckogo jazyka // Voprosy t'urkskoj filologii. Vyp. 4. Materialy Dmitrievskix čtenij. M., 2000. S. 35—46.}

Грунина 2002 — Грунина Э. А. Огузская группа: Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. Тенишев Э. Р. М., 2002. С. 157—215. {Grunina 2002 — Grunina E. A. Oguzskaja grupa: Glagol // Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Red. Tenišev E. R. M., 2002. S. 157—215.}

Грунина и др. 2004 — Грунина Э. А., Поцелуевский Е. А., Благова Г. Ф. Александр Петрович Поцелуевский (1894—1948) // Восток. Orient. 2004, 5. С. 122—135. {Grunina i dr. 2004 — Grunina E. A., Poceluevskij E. A., Blagova G. F. Aleksandr Petrovič Poceluevskij (1894—1948) // Vostok. Orient. 2004, 5. S. 122—135.}

Грунина 2005 — Грунина Э. А. Туркменский язык. М., 2005. {Grunina 2005 — Grunina E. A. Turkmenskij jazyk. M., 2005.}

Грунина 2009а — Грунина Э. А. К вопросу о диалектной картине современной Турции (говоры терекеме) // Вопросы тюркской филологии. Вып. 8. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2009. С. 86—123. {Grunina 2009a — Grunina E. A. K voprosu o dialektnoj kartine sovremennoj Turcii (govory terekeme) // Voprosy t'urkskoj filologii. Vyr. 8. Materialy Dmitrievskix čtenij. M., 2009. S. 86—123.}

Грунина 2009б — Грунина Э. А. К истории формирования анатолийских турецких говоров // Сравнительно-историческое языкознание: Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции: К юбилею чл.-корр. РАН А. В. Дыбо. М., 2009. С. 153—155. {Grunina 2009b — Grunina E. A. K istorii formirovanija anatolijskix tureckix govorov // Sravnitel'no-istoričeskoe jazykoznanie: Altaistika. T'urkologija. Materialy konferencii: K jubileju čl.-korr. RAN A. V. Dybo. M., 2009. S. 153—155.}

Грунина 2010а — Грунина Э. А. Турецкий язык // Диалекты тюркских языков. М., 2010. С. 385—489. {Grunina 2010a — Grunina E. A. Tureckij jazyk // Dialekty t'urkskix jazykov. M., 2010. S. 385—489.}

Грунина 2010б — Grunina E. A. Anadolu Ağız Tipleri üzerine // Turkish Studies: International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2010, 5 (3). P. 1350—1361. {Grunina 2010b — Grunina E. A. Anadolu Ağız Tipleri üzerine // Turkish Studies: International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2010, 5 (3). P. 1350—1361.}

Благова 1994 — Благова Г. Ф. «Бабур-наме»: Язык. Прагматика текста. Стиль. К истории чагатайского языка. М., 1994. {Blagova 1994 — Blagova G. F. “Babur-name”: Jazyk. Pragmatika teksta. Stil'. K istorii čagatajskogo jazyka. M., 1994.}

Виноградов 1980 — Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. {Vinogradov 1980 — Vinogradov V. V. O jazyke xudožestvennoj prozy. M., 1980.}

Документы 1967 — Документы на половецком языке XVI в.: Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины / Транскр., пер., предисл., введ., грамм. комм. и глоссарий Грунина Т. И. / Ред. Севортян Э. В. М., 1967. {Dokumenty 1967 — Dokumenty na poloveckom jazyke XVI v.: Sudebnye akty Kameneč-Podol'skoj arm'anskoj obščiny / Transkr., per., predisl., vved., gramm. komm. i glossarij Grunina T. I. / Red. Sevort'an E. V. M., 1967.}

Егличка 1916 — Руководство для изучения османского языка с ключем / По материалам Еглички Г. перераб. Гордлевский В. А. // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков. Вып. 40, А. М., 1916. С. 1—128. {Eglička 1916 — Rukovodstvo dl'a izučenija osmanskogo jazyka s kl'učem / Po materialam Eglički G. pererab. Gordlevskij V. A. // Trudy po vostokovedeniju, izdavaemye Lazarevskim Institutom vostočnyx jazykov. Vyr. 40, A. M., 1916. S. 1—128.}

Мелиоранский 1900 — Араб-филолог о турецком языке / Пер. Мелиоранский П. М. / Дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. СПб., 1900. {Melioranskij 1900 — Arab-filolog o tureckom jazyke / Per. Melioranskij P. M. / Dis. na soiskanie učenoj stepeni dokt. filol. nauk. SPb., 1900.}

Московский университет 2004 — Московский университет в женских лицах: Биографический словарь. М., 2004. {Moskovskij universitet 2004 — Moskovskij universitet v ženskix licax: Biografičeskij slovar'. M., 2004.}

Наджип 1979 — Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. (на материале «Хосрау и Ширин» Кутба). Кн. 1. М., 1979. {Nadžip 1979 — Nadžip E. N. Istoriko-sravnitel'nyj slovar' t'urkskix jazykov XIV v. (na materiale “Xosrau i Širin” Kutba). Kn. 1. M., 1979.}

Насилов, Сахатова 2008 — Насилов Д. М., Сахатова Г. Рецензия на: Грунина Э. А. Туркменский язык. М., 2005 // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2008, 1. С. 114—116. {Nasilov, Saxatova 2008 — Nasilov D. M., Saxatova G. Recenzija na: Grunina E. A. Turkmenskij jazyk. M., 2005 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie. 2008, 1. S. 114—116.}

Насилов, Щека 2004 — Насилов Д. М., Щека Ю. В. 50 лет педагогической и научной деятельности Э. А. Груниной // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2004, 2. С. 99—107. {Nasilov, Ščeka 2004 — Nasilov D. M., Ščeka Ju. V. 50 let pedagogičeskoj i naučnoj dejatel'nosti E. A. Gruninoj // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie. 2004, 2. S. 99—107.}

Самойлович 2008 — Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост. Благова Г. Ф. М., 2008. {Samojlovič 2008 — Aleksandr Nikolaevič Samojlovič: Naučnaja perepiska. Biografija / Sost. Blagova G. F. M., 2008.}

СИГТЯ 1989 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Ред. Тенишев Э. Р. М., 1989. {SIGTJa 1989 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Red. Tenišev E. R. M., 1989.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд. / Ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2001. {SIGTJa 2001 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika. 2-e izd. / Red. *Tenišev E. R.* M., 2001.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2002. {SIGTJa 2002 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Red. *Tenišev E. R.* M., 2002.}

Хорезми 1961 — *Хорезми*. Мухаббат-наме / Изд. текста, транскрип., пер. и исслед. *Наджиба Э. Н.* М., 1961. {Xorezmi 1961 — *Xorezmi*. Muxabbat-name / Izd. teksta, transkrip., per. i issled. *Nadžipa E. N.* M., 1961.}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 1997. {ESTJa 1997 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy "K", "Q" / Red. *Levitskaja L. S.* M., 1997.}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 2000. {ESTJa 2000 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy "Q" / Red. *Levitskaja L. S.* M., 2000.}

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 2003. {ESTJa 2003 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S" / Red. *Levitskaja L. S.* M., 2003.}

Handbuch 1990 — Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. T. 1 / Hrsg. von *Hazai G.* Budapest, 1990.

Hazai G. Kurze Einführung in das Studium der türkischen Sprache. Budapest, 1978.

Salo 2010 — *Salo M.* Mordvin *t*-derivatives — the semantic equivalent for the impersonal / Урало-алтайские исследования. 2010, 2 (3). С. 73—88. {Salo 2010 — *Salo M.* Mordvin *t*-derivatives — the semantic equivalent for the impersonal / Uralo-altajskie issledovanija. 2010, 2 (3). S. 73—88.}

Кенесбай Мусаевич Мусаев

24 марта 2011 г. отметил 80-летний юбилей российский языковед-тюрколог, специалист по лексикологии, лексикографии, семантике и грамматике тюркских языков, тюркскому фольклору, а также социолингвистике, терминологии и художественному переводу — Кенесбай Мусаевич Мусаев.

Кенесбай Мусаев родился 24 марта 1931 г. в ауле Кумисти («Серебряный») Созакского района Южно-Казахстанской области в семье казаха-колхозника, имевшего двухклассное образование, Мусы Шойтанова. Отец его происходит из племени Среднего жуза Конрат, рода Сангыл бия (по преданию, Сангыл бий был советником Чингиз-хана), колена Нурсай; мать — Биедилова Ашень из рода Конуршунак.

В 1938 г. К. М. Мусаев пошел в первый класс семилетней школы аула Кумисти. После окончания шести классов, в 1944 г., он поступил в Туркестанское педучилище, которое окончил с отличием в 1947 г. В том же году К. М. Мусаев был направлен Южно-Казахстанским областным отделом народного образования в Москву на механико-математический факультет Московского государственного университета, но не был принят туда, т. к. не достиг еще 17-ти лет. Тогда К. М. Мусаев поехал в столицу Казахстана (г. Алма-Ата) и, изменив свое намерение, поступил на первый курс филологического факультета Казахского государственного университета. В 1952 г. он окончил там отделение казахского языка и литературы.

В университете Кенесбай Мусаевич много играл в шахматы, он стал чемпионом КазГУ по шахматам, занял третье место на чемпионате Алма-Аты, девятое из 22 — на чемпионате Республики Казахстан. К. М. Мусаев был комсоргом курса, инструктором Алма-Атинского горкома комсомола и ЦК комсомола Казахстана.

В 1952 г. К. М. Мусаев вновь приехал в Москву и поступил в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР. Его научным руководителем стал Э. В. Севортян. В декабре 1957 г. Кенесбай Мусаевич блестяще защитил кандидатскую диссертацию «О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке» [Мусаев 1957].

В это же время К. М. Мусаев увлекся историей караимского языка. Будучи лингвистом-романтиком, он стал много ездить (по Литве, Западной Украине и Крыму) в поисках людей, говорящих на караимском языке, и занялся сбором материала для будущей диссертации. В декабре 1968 г. Кенесбай Мусаевич успешно защитил диссертацию «Строй караимского языка» на соискание ученой степени доктора филологических наук [Мусаев 1968].

3 декабря 1956 г. К. М. Мусаев был принят на должность младшего научного сотрудника Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР, а в 1989 г. стал главным научным сотрудником Отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН. Звание профессора он получил в апреле 1972 г. — на кафедре художественного перевода Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР.

Кенесбай Мусаевич награжден 4 медалями СССР и Российской Федерации, орденом «Парасат» Республики Казахстан и Почетной грамотой Президиума АН СССР. Он удостоен таких званий, как академик Национальной Академии наук Республики Казахстан (1989), отличник народного образования Рес-

публики Кыргызстан (1991), почетный член общества Türk Dil Kurumu (Турция, 2000), лауреат Премии Абдель Азиза Сауд Аль-Бабтина (Кувейт, 1997), почетный профессор Международного казахско-турецкого университета им. А. Ясави, почетный президент Казахской региональной национально-культурной автономии г. Москвы, почетный профессор Восточно-Казахстанского университета (2009), заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Кенесбаем Мусаевичем опубликовано свыше 300 научных трудов по вопросам тюркологии, социолингвистики, терминологии, фольклора, перевода и других областей языкознания. К. М. Мусаев — автор первой научной грамматики караимского языка [Мусаев 1964] и соавтор уникального караимско-русско-польского словаря [Словарь 1974]. Ему принадлежат обобщающие труды по проблемам письменности народов СССР и терминологии на их языках [Мусаев 1993], а также две основополагающие монографии по сравнительной лексикологии тюркских языков [Мусаев 1975; Мусаев 1984].

Кроме того, К. М. Мусаев активно участвовал в написании шеститомной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». В томе «Морфология» [СИГТЯ 1988] им написаны разделы «Частицы» и «Союзы». В томе «Лексика» [СИГТЯ 1997] его перу принадлежат разделы «Небесные тела и небесная сфера», «Отношения по родству и свойству», «Социальные отношения», «Война, оружие». В томе «Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002] К. М. Мусаев обстоятельно проанализировал развитие консонантных систем кыпчакских языков, а также сопоставил морфологические системы языков кыпчакской группы. В томе «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» [СИГТЯ 2006] Кенесбай Мусаевич на основе грамматических и лексических данных выстраивает реконструкцию пратюркской картины мира в таких семантических областях, как «Небо, небесные явления», «Климат», «Одежда», «Война, оружие», «Социальная организация», «Родство и свойство».

Под научным руководством К. М. Мусаева выполнены и опубликованы важные для теории и практики национально-языковых отношений коллективные труды по письменности и терминологии народов СССР, по этимологии и лексикологии. Он был руководителем ряда конференций в СССР, членом оргкомитетов многих международных конференций и съездов.

Наряду с научной работой К. М. Мусаев занимается и педагогической деятельностью. На протяжении многих лет (1958—1994 гг.) он был профессором кафедры художественного перевода Литературного института им. А. М. Горького, где преподавал казахский, киргизский, туркменский, татарский, каракалпакский, алтайский и хакасский языки студентам из соответствующих республик, а также занимался переводом Библии на казахский язык. С 1997 г. К. М. Мусаев является профессором Института стран Азии и Африки Московского государственного университета, где преподает казахский язык.

В 2003 г. Кенесбай Мусаевич (совместно с А. М. Меметовым) написал учебное пособие для вузов «Крымтатарский язык» [Меметов, Мусаев 2003], а в 2008 г. — учебное пособие для студентов филологических факультетов «Казахский язык» [Мусаев 2008]. Обе книги используются в преподавательской практике в высших учебных заведениях и школах России, Украины и Казахстана.

Под непосредственным руководством К. М. Мусаева магистерские диссертации защитили двое, кандидатские — 26, а докторские — 11 человек из Москвы, Монголии, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Украины, Башкортостана, Карачаево-Балкарии, Калмыкии и Хакасии. Он выступил как официальный оппонент более чем 50 докторских, кандидатских и магистерских диссертаций.

К. М. Мусаев всегда много времени и сил уделял общественной деятельности: он был председателем профкома, секретарем партийной организации Института языкознания АН СССР, а также членом различных общественных организаций Академии наук и г. Москвы. По поручению Президиума АН СССР и Бюро Отделения литературы и языка Кенесбай Мусаевич ездил в составе делегаций АН в разные республики бывшего СССР с целью оказания научной помощи.

С 1987 г. К. М. Мусаев является заместителем председателя Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН СССР, с 1992 г. — Национального комитета тюркологов Российской Федерации (при РАН). В течение многих лет он был членом экспертного совета ВАК СССР и заместителем главного редактора журнала «Советская тюркология» (до его закрытия). Кроме того, Кенесбай Мусаевич состоит членом Совета по сохранению и развитию культур народов при Фондах культуры СССР (затем — России), а также членом редколлегии «Караимской народной энциклопедии». В 1990 г. К. М. Мусаев создал Московское общество «Қазақ тілі» («Казахский язык»), а в 1997 г. — Казахскую региональную национально-культурную автономию г. Москвы, которую он возглавлял в течение пяти лет.

О высоком темпе научной работы К. М. Мусаева свидетельствуют опубликованные им труды по терминологии языков народов России и СНГ, социолингвистике и сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, истории казахского языка, крымско-татарскому и караимскому языкам. Он продолжает трудиться над изучением проблем лексикологии и грамматики тюркских языков, перевода, контактов языков и культур Евразии.

В 2010 г. вышла монография К. М. Мусаева «Морфология пракрыпчакского языка» [Мусаев 2010] — первый опыт монографического сравнительно-исторического исследования и реконструкции пракрыпчакского языка, одной из ветвей тюркских языков после распада пратюркского языка-основы. В этой работе показано развитие реконструированной морфологической системы пракрыпчакского языка во вновь возникших ареальных группах и отдельных кыпчакских языках. В настоящее время К. М. Мусаев работает над монографией «Кыпчакские языки».

За последние пять лет Кенесбай Мусаевич опубликовал 19 статей (общим объемом 17,8 п. л.): «Тюркско-иранские культурно-языковые контакты» [Мусаев 2006а], «О проблемах распространения казахского языка» [Мусаев 2006б], «Современные проблемы письменностей тюркских языков» [Мусаев 2006в], «Существовала ли фонема э в пратюркском?» [Мусаев 2006г], «Представления тюрков о небе, небесных телах и явлениях» (раздел коллективного труда «Природное окружение и материальная культура пратюркских народов» [Природное окружение 2008: 12—67]), статьи о казахском [БРЭ 2008], каракалпакском и караимском языках [БРЭ 2009] и др. К. М. Мусаев выступил также редактором двух книг — [Меметов 2006] и [Буджакълы 2007].

Кенесбай Мусаевич продолжает активно участвовать в конференциях, проходящих как на территории РФ, так и за рубежом. Он руководит аспирантами и докторантами, читает лекции в университетах Москвы, Поволжья, Северного Кавказа, Крыма, Кыргызстана и Якутии.

Все, кто знает Кенесбая Мусаевича лично, отмечают и ценят в нем такие качества, как отзывчивость, доброта, жизнелюбие и позитивный, оптимистический настрой.

Коллеги и ученики К. М. Мусаева, редакция журнала «Урало-алтайские исследования» поздравляют его со знаменательной датой, желают долгих лет жизни и дальнейшего продолжения его неутомимой работы на благо тюркологии и алтаистики.

Л и т е р а т у р а

БРЭ 2008 — Большая российская энциклопедия. Т. 12 / Отв. ред. *Кравец С. Л. М.*, 2008. {BRE 2008 — *Bol'shaja rossijskaja enciklopedija*. Т. 12 / *Otv. red. Kravec S. L. M.*, 2008.}

БРЭ 2009 — Большая российская энциклопедия. Т. 13 / Отв. ред. *Кравец С. Л. М.*, 2009. {BRE 2009 — *Bol'shaja rossijskaja enciklopedija*. Т. 13 / *Otv. red. Kravec S. L. M.*, 2009.}

Буджакълы 2007 — *Буджакълы Э.* Актуальность исследования истории крымтатарского государства и права. Симферополь, 2007. {*Budžak'ly 2007 — Budžak'ly E.* Aktual'nost' issledovanija istorii krymtatarskogo gosudarstva i prava. Simferopol', 2007.}

Меметов 2006 — *Меметов А. М.* Заманевий кырымтатар тили (Современный крымтатарский язык). Симферополь, 2006. {*Memetov 2006 — Memetov A. M.* Zamanevij k'yrumtatar tili (Sovremennyj krymtatarskij jazyk). Simferopol', 2006.}

Меметов, Мусаев 2003 — *Меметов А. М., Мусаев К. М.* Крымтатарский язык. Симферополь, 2003. {*Memetov, Musaev 2003 — Memetov A. M., Musaev K. M.* Krymtatarskij jazyk. Simferopol', 2003.}

Мусаев 1957 — *Мусаев К. М.* О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1957. {*Musaev 1957 — Musaev K. M.* O glagol'no-imennyx konstrukcijax v sovremennom kazaxskom jazyke / *Dis. na soiskanie učennoj stepeni kand. filol. nauk.* М., 1957.}

Мусаев 1964 — *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964. {*Musaev 1964 — Musaev K. M.* Grammatika karaimskogo jazyka: Fonetika i morfologija. М., 1964.}

Мусаев 1968 — *Мусаев К. М.* Строй караимского языка / Дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. М., 1968. {*Musaev 1968 — Musaev K. M.* Stroj karaimskogo jazyka / *Dis. na soiskanie učennoj stepeni dokt. filol. nauk.* М., 1968.}

Мусаев 1975 — *Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975. {*Musaev 1975 — Musaev K. M.* Leksika t'urkskix jazykov v sravnitel'nom osveščanii. М., 1975.}

Мусаев 1984 — *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М., 1984. {*Musaev 1984 — Musaev K. M.* Leksikologija t'urkskix jazykov. М., 1984.}

Мусаев 1993 — *Мусаев К. М.* Языки и письменность народов Евразии. Алматы, 1993. {*Musaev 1993 — Musaev K. M.* Jazyki i pis'mennost' narodov Evrazii. Almaty, 1993.}

Мусаев 2006а — *Мусаев К. М.* Тюркско-иранские культурно-языковые контакты // *Түркология*. 2006, 5. С. 1—22. {*Musaev 2006a — Musaev K. M.* T'urksko-iranskije kul'turno-jazykovye kontakty // *Türkologija*. 2006, 5. S. 1—22.}

Мусаев 2006б — *Мусаев К. М.* О проблемах распространения казахского языка // *Современные проблемы казахского языка*. Усть-Каменогорск, 2006. {*Musaev 2006b — Musaev K. M.* O problemax rasprostranenija kazaxskogo jazyka // *Sovremennye problemy kazaxskogo jazyka*. Ust'-Kamenogorsk, 2006.}

- Мусаев 2006в — *Мусаев К. М.* Современные проблемы письменностей тюркских языков // Сборник к 80-летию Первого Всесоюзного тюркологического съезда. Баку, 2006. {Musaev 2006v — *Musaev K. M.* Sovremennye problemy pis'mennostej t'urkskix jazykov // Sbornik k 80-letiju Pervogo Vsesojuznogo t'urkologičeskogo s"ezda. Baku, 2006.}
- Мусаев 2006г — *Мусаев К. М.* Существовала ли фонема *ə* в пратюркском? // Түркология. 2006, 1. {Musaev 2006g — *Musaev K. M.* Suščestvovala li fonema *ə* v prat'urkskom? // T'urkologija. 2006, 1.}
- Мусаев 2008 — *Мусаев К. М.* Казахский язык. М., 2008. {Musaev 2008 — *Musaev K. M.* Kazaxskij jazyk. M., 2008.}
- Мусаев 2010 — *Мусаев К. М.* Морфология пракыпчакского языка. М., 2010. {Musaev 2010 — *Musaev K. M.* Morfologija prakurčakskogo jazyka. M., 2010.}
- Природное окружение 2008 — Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / Отв. ред. *Дыбо А. В. М.*, 2008. {Prirodnoe okruženie 2008 — Prirodnoe okruženie i material'naja kul'tura prat'urkskix narodov / Otv. red. *Dybo A. V. M.*, 2008.}
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1988. {SIGTJa 1988 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Red. *Tenišev E. R. M.*, 1988.}
- СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1997. {SIGTJa 1997 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Red. *Tenišev E. R. M.*, 1997.}
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2002. {SIGTJa 2002 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Red. *Tenišev E. R. M.*, 2002.}
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Ред. *Тенишев Э. Р.*, *Дыбо А. В. М.*, 2006. {SIGTJa 2006 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Red. *Tenišev E. R.*, *Dybo A. V. M.*, 2006.}
- Словарь 1974 — Караимско-русско-польский словарь / Ред. *Баскаков Н. А.*, *Зайончковский А.*, *Шаншал С. М.* М., 1974. {Slovar' 1974 — Karaimsko-pol'skij slovar' / Red. *Baskakov N. A.*, *Zajončkovskij A.*, *Šapšal S. M. M.*, 1974.}

Денис Шинор
(17 апреля 1916 — 12 января 2011)

Умер Денис Шинор. 12 января 2011 г. из жизни ушел свидетель и участник практически всех значимых событий в новой и новейшей истории алтаистики. Человек, обеспечивший передачу научной традиции от великих ученых первой половины XX в. специалистам современности. Веселый, умный, проныцательный лингвист и историк, обладавший блестящим литературным стилем, отличными организаторскими способностями, научной интуицией и огромным личным обаянием.

Денис Шинор родился в Венгерской Трансильвании в городе Клуж 17 апреля 1916 г. в католической семье. Детство его прошло в Будапеште, однако в подростковом возрасте он провел несколько лет в интернате во франкоязычной части Швейцарии, что впоследствии помогло ему почувствовать себя своим во Франции. Позже Д. Шинор вернулся в католическую реальную гимназию в Будапеште, где изучал немецкий, английский и латинский языки. В 1934 г. он поступил в Будапештский университет им. Петера Пазманя (сейчас университет им. Лоранда Этвёша) на факультет искусств.

Интерес к тюркологии возник у Д. Шинора под влиянием знаменитого Дьюлы Немета, позже он стал учеником Лайоша Лигети, изучая под его руководством монгольские языки, историю Центральной Азии и филологию алтайских народов.

Два лета 1937 и 1938 гг. Д. Шинор провел в Берлине, получив стипендию на изучение берлинских собраний древнетюркских документов, и познакомился там с Анной Марией фон Габен, Эриком Хенишем и Отто Франке.

Д. Немет и Л. Лигети были научными руководителями диссертации Д. Шинора по буддизму у средневековых тюрков, которая была опубликована в 1939 г., хотя до ее защиты дело так и не дошло.

Получив в Венгрии тюркологическую и финно-угроведческую подготовку, в 1939 г. по стипендии венгерского Министерства образования Д. Шинор отправился во Францию, чтобы поучиться синологии и алтаистике у великого Поля Пельо. В Париже, помимо П. Пельо, учителями Д. Шинора стали Рене Груссе и Жан Дени.

Когда германские войска оккупировали Францию, Д. Шинор продолжил свои исследования в Париже. В 24-летнем возрасте он стал заместителем директора Института венгерских исследований в Париже и, фактически, его руководителем, поскольку сам директор уехал из города в связи с оккупацией.

В 1942 г. «политически неблагонадежного» Д. Шинора пытались арестовать за исполнение запрещенной Марсельезы на приеме в венгерском посольстве, однако Д. Шинор с молодой женой бежал в Марсель, чтобы оттуда отправиться в эмиграцию в Аргентину. Однако, когда они доехали до Марселя, туда уже вступили немецкие войска, и им пришлось искать убежища в католическом монастыре неподалеку от Тулузы. В этот период Д. Шинор читал лекции в католическом университете Тулузы. В Париж

Д. Шинор вернулся в начале 1943 г., там он открыл небольшой магазин по продаже шуб, чем и зарабатывал себе на жизнь.

Еще в Тулузе Д. Шинор помогал участникам Сопротивления, а позже присоединился к армии де Голля и в 1945 г. даже управлял небольшим немецким городом в зоне французской оккупации. После демобилизации за военные заслуги Д. Шинору было предоставлено французское гражданство.

В 1948—1962 гг. Д. Шинор преподавал в Кембриджском университете на факультете востоковедения классический монгольский язык, алтаистику и венгерский язык. В 1960 г. он был избран генеральным секретарем ПИАКа и оставался на этой должности 47 лет.

В 1962 г. Д. Шинор переехал в США и создал в Индианском университете Отделение урало-алтайских исследований, которое сам и возглавил. Благодаря ему Индианский университет стал одним из крупнейших центров изучения цивилизаций Центральной Азии. В 1967 г. Д. Шинор основал Институт Азиатских исследований (позже Институт Центрально-Азиатских исследований), директором которого оставался до 1981 г. (с 2006 г. этот институт носит имя Дениса Шинора).

Несмотря на проживание вдали от родины, Д. Шинор никогда не терял связи с Венгрией. Даже в период «холодной войны» ему удавалось обеспечивать связь между венгерскими учеными и Индианским университетом. Коммунистическое правительство Венгрии отметило заслуги Д. Шинора Орденом Звезды, а 20 лет спустя демократическое правительство Венгрии также наградило его Командирским крестом — орденом за заслуги перед Венгрией.

Д. Шинор считал своим долгом помогать советским, а позже российским исследователям встраиваться в мировую научную традицию. На его глазах происходил бурный расцвет советской лингвистики после тяжелого марристского периода. Д. Шинор очень ценил работы В. И. Цинциус, Г. Д. Санжеева, А. Н. Кононова и других советских специалистов по алтайским языкам. Во многом благодаря его стараниям в 1954 г. на 23-м Международном конгрессе востоковедов впервые была представлена советская делегация.

Д. Шинор провел большую часть жизни в Европе и США, однако много путешествовал по Азии, в том числе Афганистану, Монголии, Китаю, Пакистану, среднеазиатским республикам СССР, Сибири, а в 2004 г. на российском ледоколе даже достиг Северного полюса.

Д. Шинор стал автором 8 книг, переведенных на разные языки мира, и более 160 статей. Его научные интересы включали, прежде всего, историю и филологию алтайских и уральских народов — именно этим темам посвящена большая часть его работ. Д. Шинор являлся редактором журнала “*Journal of Asiatic History*”, а также двух знаменитых серий научных изданий: “*Indiana University Uralic and Altaic Series*” (вышло более 150 томов) и “*Indiana University Oriental Series*”. Им написано более 125 рецензий на различные книги, многие из этих рецензий имеют самостоятельную научную ценность.

Д. Шинор дважды удостоился золотой медали Индианского университета — в 1982 и 1996 гг. В 1979 г. он стал почетным членом Венгерской академии наук. Кроме того, Д. Шинор являлся членом многих научных сообществ, в том числе членом-корреспондентом Французской академии наук, почетным профессором Института востоковедения Российской академии наук, Королевского Азиатского общества (Великобритания), которое в 1992 г. учредило медаль им. Дениса Шинора, Венгерского лингвистического общества, Немецкого востоковедческого общества, вице-президентом Урало-Алтайского общества, вице-президентом Международного союза востоковедов, президентом Американского востоковедческого общества, президентом Монгольского общества и Тибетского общества, генеральным секретарем Постоянной международной алтаистической конференции (ПИАК), почетным членом Азиатского общества (Франция) и Финно-Угорского общества (Финляндия), почетным доктором Сегедского университета (Венгрия) и Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Также Д. Шинор принимал активное участие в работе различных комитетов и комиссий ЮНЕСКО.

Знаками признания заслуг Д. Шинора перед научным сообществом стали многочисленные медали и награды: медаль Геза Барчи (1981), медаль Вамбери (1983), медаль Венгерской народной республики (1986), серебряная медаль Авиценны (1998, ЮНЕСКО), Почетная золотая медаль (Американское востоковедческое общество), Золотая медаль ПИАКа (1982, 1996), медаль 60-летия ЮНЕСКО (2005), медаль Джона У. Райана (2006, Индианский университет), Золотая медаль Индианского университета (1982, 1996).

К 60-летнему и 90-летнему юбилеям Д. Шинора выходили крупные сборники статей авторов из разных стран — “*Tractata Altaica*” (1976) и “*Florilegia Altaistica*” (2006).

Редакция журнала «Урало-Алтайские исследования» выражает свои глубокие соболезнования сестре, дочери, внукам и правнукам Дениса Шинора.

Печатные издания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета (Абакан)

Монографии

Белоглазов П. Е. Структурно-семантический аспект хакасских частей речи. Абакан, 2009.

Данная работа, посвященная именным частям речи, является продолжением монографии «Структура глагольного корня-основы в хакасском языке», сохранены ее методы и стиль. В работе рассматриваются односложные существительные и прилагательные хакасского языка с точки зрения дистрибуции фонем, исторического развития звуков и семантического развития. Далее двусложные существительные, прилагательные и наречия исследуются с целью установления их корневой структуры.

Каскаракова З. Е. Омонимы в хакасском языке. Абакан, 2007.

Монография посвящена систематическому исследованию омонимов в хакасском языке. В работе на достаточном лексическом материале дано детальное описание омонимов различных типов в плане синхронии и определения их структуры. Основное внимание уделено классификации омонимических единиц. Рассматриваются источники омонимии в хакасском языке и пути их возникновения как на базе собственных ресурсов, так и в результате заимствования из других языков, а также из хакасских диалектов.

Кызласов А. С. Формирование национальных норм хакасского литературного языка. Абакан, 2009.

Монография посвящена анализу формирования национальных норм хакасского литературного языка. В ней автор исследования попытался определить источники становления современного хакасского литературного языка. На основе диалектов и говоров хакасского языка, фольклора хакасского народа и языка памятников древнетюркской письменности дается историко-лингвистическая характеристика лексико-грамматических особенностей становления литературных норм хакасского языка. Также исследовались вопросы создания письменности и установления орфографических норм, формирования лексической системы хакасского литературного языка. Заключительная часть работы посвящена общей характеристике современного состояния хакасского литературного языка.

Серен П. С. Тере-хольский диалект тувинского языка. Абакан, 2006.

В монографии впервые дается систематическое описание тере-хольского (северо-восточного) диалекта тувинского языка. Выявлены его фонетические, морфологические и лексические особенности.

Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. Абакан, 2009.

Монографическая работа посвящена лингвистическому анализу топонимов Хакасии. Выявлены и рассмотрены топонимические термины, проведена лексико-семантическая классификация, осуществлен структурный анализ и выявлены основные языковые пласты. К работе приложен «Краткий топонимический словарь Хакасии».

Челтыгмашева Л. В. Фольклоризм хакасской прозы 1930—1990-х гг. Абакан, 2010.

Монография посвящена выявлению функционального значения эстетики сказки, мифопоэтических и эпических традиций, этнореалий в становлении хакасской национальной прозы. Исследование фольклоризма писателей представляет собой один из способов определения национальной ментальности и степени художественной зрелости, эстетической развитости хакасской литературы.

Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Абакан, 2005.

Монография посвящена систематическому исследованию глаголов говорения в хакасском языке. Приводится классификация ЛСГ глаголов говорения, рассматриваются их взаимоотношения внутри ЛСГ, дается описание глаголов с точки зрения их семантики и сочетаемости.

Иллюстрированная этнография Тувы: из собрания Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова / Глав. ред. и сост. Чернышева В. Г. Абакан, 2009.

Издание представляет одной из интереснейших коллекций старейшего в Сибири Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова — собрание тувинских этнографических предметов, фотографий и негативов. Часть из них публикуется впервые. В книге содержатся сведения об ад-

министративном управлении Тувы в XIX в. — начале XX в., о традиционных занятиях, промыслах, обрядах, жилище, одежде, религии тувинского народа и т. д.

Словник диалектологического словаря хакасского языка. Около 10000 слов / Сост. Боргояков В. А., Сунчугашев Р. Д., Тодозакова А. А. Абакан, 2011.

Словник диалектологического словаря хакасского языка является основой для подготовки «Диалектологического словаря хакасского языка».

Сборники

Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007.

В сборнике впервые комплексно представлены материалы по отдельным вопросам из области фонетики, лексикологии, грамматики, а также социальной и прикладной лингвистики хакасского языка.

Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19—20 апреля 2007 г. Абакан, 2007.

В докладах участников конференции представлен анализ социолингвистической ситуации в республиках РФ. Уделяется внимание итогам исследований актуальных проблем хакасской и тувинской филологии.

Ученые записки ХакНИИЯЛИ (Ўгредігліг пічіктер). Вып. 22. 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. Абакан, 2005.

В сборнике представлены статьи по актуальным проблемам археологии, истории, этнографии, литературы и фольклора, языкознания, экономики и социологии Хакасии.

Ученые записки ХакНИИЯЛИ (Ўгредігліг пічіктер). Вып. 23. Серия: Филология. Абакан, 2010.

Сборник посвящается памяти хакасских ученых-филологов: 90-летию к.ф.н. Д. Ф. Патачаковой и 80-летию д.ф.н. М. И. Боргоякова. В нем представлены статьи по актуальным проблемам языкознания, литературоведения и фольклористики.

Summa Summarum. В. Г. Карпов. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности. Абакан, 2007.

В издании представлена деятельность известного тюрколога, исследователя хакасского языка Венедикта Григорьевича Карпова. Библиографический список, биографические данные и статьи отражают направления научной деятельности ученого. Некоторые статьи являются библиографической редкостью. Сборник содержит материал, высвечивающий личность В. Г. Карпова, человека неординарного, с судьбой, отмеченной сложным военным и послевоенным прошлым.

Учебные пособия

Боргояков В. А. Хакасская диалектология: Учебное пособие. Абакан, 2010.

В брошюре кратко излагаются основные положения хакасской диалектологии, основы классификации хакасских диалектов, их фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности. Разделы снабжены контрольными вопросами и практикумом. Пособие написано на хакасском языке.

Карпов В. Г. Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков: Учебное пособие. Часть 1. Абакан, 2011.

В учебном пособии сопоставительному анализу подвергнуты фонетика и морфология (именные и служебные части речи) хакасского и русского языков с указанием аналогии и расхождения в них.

Печатные издания Бирского государственного педагогического института (Бирск)

Ахметьянов Р. Г. (Әхметҗанов Р. Г.) Этимологический словарь татарского языка в 4-х томах (Татар теленең этимологик сүзлеге. Дүрт томда). Том 1 (А—Й). Бирск, 2005.

Это первый значительный по объему этимологический словарь татарского языка (тому же автору принадлежит «Краткий этимологический словарь татарского языка» на татарском языке). Словарь снабжен значительным библиографическим аппаратом и предисловием, где изложены основные принципы сравнительно-исторической и этимологической науки, используемые при написании словаря. В словарь включена лексика татарских диалектов. Книга написана на татарском языке.

***Печатные издания Института алтаистики им. С. С. Суразакова
и Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск)***

Сборники

Языковая ситуация и языковая политика в республике Алтай / Отв. ред. Тыдыкова Н. Н. Горно-Алтайск, 2010.

В сборнике дана подробная характеристика алтайского языка как государственного и проблем двуязычия, содержится анализ современного литературного алтайского языка в СМИ, сферах образования, делопроизводства, бытового общения, по результатам лингвистического анкетирования. Представлены также статьи на алтайском языке с алтайским языковым материалом.

Словари

Морфемный словарь алтайского языка / Отв. ред. Тыбыкова Л. Н. Горно-Алтайск, 2005.

В словаре представлена система образования слов в алтайском языке при помощи аффиксальных морфем. Словарь переведен на русский и английский языки. Приложена грамматика алтайского языка в таблицах.

Словарь говоров Кош-Агачского и Улаганского районов / Отв. ред. Тыдыкова Н. Н. Горно-Алтайск, 2006.

Словарь содержит лексику базового характера теленгитских говоров алтайского языка (по материалам экспедиций 2002 г.). Лексика расположена по тематическому принципу.

Тематический словарь северных диалектов алтайского языка / Отв. ред. Яим Н. А. Горно-Алтайск, 2004.

Словарь содержит лексику базового характера из тубаларского, чалканского и кумандинского диалектов, с переводами на алтайский и русский языки. Составлен по экспедиционным материалам сотрудников Института. Аппарат — на алтайском языке.

***Печатные издания Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)***

Монографии

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005.

В монографии, основанной на обширном материале, собранном автором в ходе полевых экспедиций и извлеченном из многочисленных карт и письменных источников, с широким привлечением данных истории, этнографии и фольклора, впервые осуществляется комплексный анализ топонимии одного из регионов традиционного проживания коренного населения Западной Сибири — казымских ханты и лесных ненцев. Топонимия региона исследуется в структурном, семантическом, этнокультурном отношении и представлена как уникальный источник сведений о языке, истории и культуре казымских ханты, об их взаимодействии с другими народами в прошлом и в наши дни. Особое внимание уделяется топонимам с неясной этимологией.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Части 2—3. Екатеринбург, 2004, 2007.

Книга посвящена одной из самых сложных проблем отечественной топонимистики — происхождению субстратных географических названий Русского Севера, дискуссия о которых продолжается уже почти два столетия.

Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург, 2011.

Александр Константинович Матвеев (1926—2010) — выдающийся российский ученый-языковед, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, основатель Уральской ономастической школы и Топонимической экспедиции Уральского университета. Основную часть данной книги составляет словарь собранных в экспедициях на Северный Урал в 1968—78 гг. мансийских топонимов — бесценного памятника языка, истории и культуры народа манси. Публикацию завершает обобщающий очерк «Мансийская топонимия как лингвистический и историко-этнографический феномен».

Периодические издания

Вопросы ономастики, №2 (9). Екатеринбург, 2010.
Вопросы ономастики, номера за 2007—2010 гг. Екатеринбург, 2010.
Ономастика и диалектная лексика. Вып. 6. Екатеринбург, 2007.

Сборники

Матвеев А. К. Ономатология. Москва, 2006.

Член-корреспондент РАН А. К. Матвеев — один из основателей топонимологии в стране, основатель уральской топонимической школы, известной глубокой проработкой методов исследования топонимии в историческом и этимологическом аспектах. В книге собраны работы различных лет, посвященные наиболее актуальным проблемам изучения географических названий в историческом аспекте, а также общим вопросам ономастики.

Печатные издания Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (Ижевск)

Монографии

Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII в. — первой половине XIX в. Екатеринбург — Ижевск, 2010.

В книге содержится историко-лингвистическая и палеографическая интерпретация рукописных и печатных памятников письменности удмуртского языка XVIII в. — первой половины XIX в. Рассмотрены динамика развития удмуртской графики и орфографии указанного периода, диалектные и лексические особенности письменных документов, дана характеристика акцентной системы. Материалы некоторых источников вводятся в научный оборот впервые.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Ижевск, 2005.

В данной книге в систематизированном виде в научный оборот вводятся транскрибированные тексты образцов устно-поэтической и разговорно-бытовой речи, записанные автором в 1989—2004 гг. на территории распространения среднечепецких говоров: в населенных пунктах Глазовского, Ярского, Юкаменского и частично Базинского и Красногорского районов Удмуртской Республики. Эти материалы дают целостное представление о характере функционирования одного из локальных вариантов удмуртского языка кон. XX в. и являются новым источником для изучения удмуртских диалектов и особенностей удмуртской устно-разговорной речи.

Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск, 2009.

В книге на примере отдельных микрорайонов характеризуется состояние локальных форм и путей формирования сельского ландшафта Камско-Вятского края как способа адаптации населения к условиям среды обитания. Анализируется место и значение археологических памятников в культурном пространстве края в Средневековье, Новом и Новейшем Времени. С привлечением археологических и фольклорно-этнографических данных, сведений письменной истории, микротопонимов, географических, экологических и биологических показателей выполнена реконструкция культурного ландшафта окрестностей д. Кузубаево Алшанского района Удмуртии, д. Старая Уча, с. Старая Юмья и с. Нырья Кукморского района Татарстана.

Периодические издания

Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2011.

В ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Сборники

Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск — Сыктывкар, 2010.

Издание приурочено к 130-летию со дня рождения известного отечественного этнографа-финноугроведа Василия Петровича Налимова (1879—1939). Книга является первым собранием научных работ ученого по этнографии, фольклору и мифологии коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов. Большая часть статей, вошедших в настоящий сборник, ранее были опубликованы в различных российских научных сериях в первой четверти XX в. и в настоящее время стали библиографической редкостью. Статьи и полевые материалы В. П. Налимова публикуются в авторской редакции. В книгу включены историографические работы современных исследователей научной деятельности В. П. Налимова.

Пермистика. Выпуск 10. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2009.

Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения одного из ведущих специалистов в области удмуртского и финно-угорского языкознания кандидата филологических наук Т. И. Тепляшиной, составлен в целом на основе докладов и сообщений, прочитанных на X Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками».

Пермистика. Выпуск 12. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2008.

В сборнике, посвященном 80-летию со дня рождения одного из ведущих специалистов в области удмуртского и финно-угорского языкознания доктора филологических наук, профессора И. В. Тараканова, представлены доклады, сообщения и материалы XII Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 21—22 октября 2008 г.).

Революция для всех. Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924—1927 гг.). Ижевск — Йошкар-Ола, 2008.

В сборнике опубликованы документальные материалы Вятского научно-исследовательского института краеведения об изменениях в социально-экономической, общественно-политической, культурной и духовной жизни нерусского крестьянства (национальных меньшинств) урало-поволжского региона в первой четверти XX в.

Финно-угорские языки в образовательном пространстве. Ижевск, 2010.

Сборник составлен на основе материалов Международной научно-практической конференции «Финно-угорские языки в образовательном пространстве», посвященной юбилею специализации «Удмуртский язык и литература, финский / венгерский язык», которая осуществляется в Удмуртском государственном университете. В научных работах уделяется внимание вопросам преподавания финно-угорских языков и современным проблемам функционирования и развития данных языков.

Печатные издания Удмуртского государственного университета (Ижевск)

Монографии

Кондратьева Н. В. Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта). Ижевск, 2010.

В монографии рассматриваются синтагматические и парадигматические характеристики падежа прямого объекта в системе современного удмуртского языка с учетом его функциональных связей с другими морфолого-синтаксическими единицами языковой структуры.

Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск, 2011.

В монографии рассматривается система склонения имени существительного в современном литературном удмуртском языке. В работе представлена инвентаризация морфологических маркеров падежных форм простого и притяжательного склонений, определены семантические значения и функции каждого падежа, проведена их классификация.

Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011.

Предлагаемая вниманию читателей монография посвящена систематизации и целостному изложению основных путей развития падежной парадигмы существительного в удмуртском языке.

Учебные пособия

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 2006.

Предлагаемая вниманию читателей книга, составленная автором на основе многолетнего опыта преподавания курса удмуртской диалектологии на факультете удмуртской филологии и с учетом ныне действующей программы по данной дисциплине, включает в себя как теоретическое описание фонетической системы и морфологического строя основных территориально-структурных единиц удмуртского языка, так и современные тексты на них, а также относительно полную библиографию по удмуртской диалектологии с XVIII в. по 1997 г.

Печатные издания Института языка, литературы и истории Академии наук республики Татарстан (Казань)

Казанская лингвистическая школа. Книга 1. Казанская тюркская лингвистическая школа / Сост. Закиев М. З. Казань, 2008.

В первой книге справочно-энциклопедического издания «Казанская лингвистическая школа» даны сведения о появлении тюркологии в зарубежных странах и России, о зарождении в Казани русского востоковедения, в особенности тюркологии, об основных трудах казанской тюркской лингвистической школы, о продолжении ее традиций в тюрко-татарском языкознании. Основная часть книги состоит из творческих портретов татарских языковедов, которые являются непосредственными продолжателями традиций Казанской тюркской лингвистической школы.

Печатные издания Кузбасской государственной педагогической академии (Кемерово)

Духовная Шория. Шорский фольклор в записях из архива профессора А. И. Чудоякова / Отв. ред. Косточаков Г. В. Кемерово, 2008.

Книга посвящена 80-летию со дня рождения выдающегося шорского фольклориста. Представлены произведения ряда жанров шорского фольклора (героические сказания, песни, частушки, пословицы, загадки). Тексты снабжены русскими переводами.

Печатные издания Тувинского государственного университета (Кызыл)

Монографии

Кара-оол Л. С. Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл, 2006.

В монографии исследуется одна из важных тематических групп, входящих в основной словарный фонд любого языка мира. Исследуемая группа тувинской лексики получила широкую характеристику за счет учета синонимии и второстепенных понятий, а также привлечения диалектного материала. Термины истолкованы в рамках принятой в этнографии системы. Этимологизация выявила собственно тувинские, общетюркские и заимствованные слои.

Цэцэгдарь Уламсуренгийн. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл, 2003.

В работе представлены разножанровые тексты и словарь языка кобдоских тувинцев Монголии. Материал был собран автором в полевых условиях.

Печатные издания Тувинского института гуманитарных исследований (Кызыл)

Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Кызыл, 2009.

В книге собраны основные теоретические работы, связанные с проблемами грамматики (морфологии и синтаксиса), фонетики, письменности, тувинской орфографии и вопросами развития тувинского языка. Рассматриваются временные формы глагола, строй простых предложений, структурно-семантические особенности сказуемого.

Печатные издания Тюменского государственного университета (Тюмень)

Сагидуллин М. А. Русско-сибирскотатарский словарь. Тюмень, 2010.

Словарь содержит 15 000 слов современного сибирскотатарского языка. Издание продолжает работу по созданию литературных норм языка коренного населения Сибири — сибирских татар, в частности, отражает лексический состав языка в предлагаемой автором фонетико-графической системе. В словарь вошли наиболее употребительные слова, включена лексика, необходимая при создании художественных и публицистических произведений.

Печатные издания Уфимского научного центра РАН (Уфа)

Монографии

Булгаков Р. М., Галяутдинов И. Г. Описание восточных рукописей Института истории языка и литературы. Часть I. Тюркские рукописи. Уфа, 2009.

Данное описание является результатом работы группы полевой и камеральной археографии Института истории, языка и литературы, выполнявшейся в 1984—1989 гг. на материалах Фонда рукописей и старопечатных книг института и научного архива УНЦ РАН. В издании рассматриваются произведения XII в. — начала XVIII в., произведения XIX—XX вв. и башкирские родословные XIX в. — начала XX в.

Сборники

Урал—Алтай: через века в будущее (Урал—Алтай: быуаттар аша килэсэккэ). Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (25—27 марта 2010 г.). Том 1. Филология. Уфа, 2010.

В сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников IV Всероссийской научной конференции «Урал—Алтай: через века в будущее», посвященной III Всемирному курултаю башкир. В статьях нашли отражение проблемы развития языков, культур и истории народов Урало-Алтайского региона.

Урал—Алтай: через века в будущее (Урал—Алтай: быуаттар аша килэсэккэ). Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (25—27 марта 2010 г.). Том 2. История. Уфа, 2010.

В сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников IV Всероссийской научной конференции «Урал—Алтай: через века в будущее», посвященной III Всемирному курултаю башкир. В статьях нашли отражение проблемы развития языков, культур и истории народов Урало-Алтайского региона.

Печатные издания Чувашского государственного института гуманитарных исследований (Чебоксары)

Кузнецов А. В. Речевой этикет народов Волго-Уралья. Чебоксары, 2008.

В работе рассматриваются формулы приветствия и прощания, функционирующие в языках народов Волго-Уралья. Автором сделана попытка в компаративном, контрастивном, семиотическом, стилистическом и этнолингвокультурологическом планах исследовать малоизученную в тюркологии и финно-угроведении сферу речевого этикета.

Печатные издания Якутского государственного университета и Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутск)

Слепцов П. А. История якутского языка (Саха тылын историята). Якутск, 2007.

В книге с привлечением большого сравнительного материала тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков освещаются вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики якутского языка в историческом аспекте. Большое внимание уделено вопросам историографии. В заключение автор дает свою периодизацию истории якутского языка с древнейших времен до настоящего времени. Книга написана на якутском языке.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf либо распечатку!

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указывается фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (напр. [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Приводимый на с. 122—123 список сокращений относится **ко всему журналу** (соответственно, эти сокращения не нужно расшифровывать в отдельных статьях).

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text!

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.
Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

The list of abbreviations on p. 122—123 is valid **for the entire volume** (so they have not to be itemised in the reference lists of the individual articles).

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gesamplemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 900 руб
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 580 руб
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 390 руб
- Агентствам предоставляется скидка 20%

Для частных лиц

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 700 руб.
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 400 руб.
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 450 руб.
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 300 руб.

не в странах СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно в:

- ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price:**for CIS countries:**

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 900 RUB.
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB.

 - price for a single printed issue without subscription is 580 RUB.
 - price for a single electronic issue without subscription is 390 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 700 RUB.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 400 RUB.

- price for a single printed issue without subscription is 450 RUB.
- price for a single electronic issue without subscription is 300 RUB.

outside CIS countries:

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €

 - price for a single printed issue without subscription is 49 €
 - Price for a single electronic issue without subscription is 29 €
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €.

- price for a single printed issue without subscription is 39 €.
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)		
(ИНН налогоплательщика)		
№		
(номер лицевого счета (код) плательщика)		
Журнал «Урало-алтайские исследования»		
год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)		
(ИНН налогоплательщика)		
№		
(номер лицевого счета (код) плательщика)		
Журнал «Урало-алтайские исследования»		
год\№	1	2
2010		

Редактор
М. К. Амелина

Переводчик
Е. Ю. Лысова

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, комн. 44

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editorial staff
Maria Amelina

Translations
Ekaterina Lysova

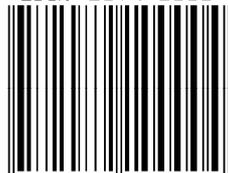
Computer typesetting
Valentin Gusev

Editors' address
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, off. 44

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >